

2017 №5

История российской психологии в лицах: Дайджест

Российское психологическое зарубежье

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 5 – 2017

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Корректор

Вахдаева Татьяна Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Faculty Member of Department of Psychology, Kosygin Russian State University; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Proof-reader

Vazhdaeva Tatiana Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. – 2017. – № 5. – 176 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. – 2017. – № 5. – 176 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 29.12.2017

© Авторы статей, 2017

Содержание

От редакции..... 8

Российское психологическое зарубежье

Ганфман Е., Гетцельс Дж. Межличностные установки выходцев из Советского Союза: исследование с помощью полупроективной методики	12
Жаркова Д.В., Батыршина А.Р., Колышкина Е.В. Борис Сайдис: забытые и обретенные имена в психологии.....	74
Костригин А.А., Плякин И.А. Вопросы психологии воли в рефератах студентов Русского педагогического института им. Коменского в Праге (к вопросу о пражской психологической школе В.В. Зеньковского)	82
Мазилев В.А. От алгоритма до ландаматики: несколько эпизодов из жизни профессора Л.Н. Ланды	93
Няголова М.Д. У истоков российско-болгарской школы психиатрии и неврологии	107
Петренко В.Ф. Взгляды В.В. Кандинского на смыслы существования.....	134
Стоюхина Н.Ю. Сергей Степанович Чахотин и НОТ: КОВОТЕП – ОСВАГ – СССР	142

Хроника

Стоюхина Н.Ю. Рец. на: Київська духовна академія в іменах: 1918–1924: енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. 740 с.; Т. 2: Л–Я. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. 1004 с. 167

Table of contents

Editorial 8

Russian Abroad Psychological Community

Hanfmann E., Getzels J. Interpersonal attitudes of Former Soviet Citizens, as Studied by a Semi-Projective Method..... 12

Zharova D.V., Batyrshina A.R., Kolyshkina E.V. Boris Sidis: forgotten and discovered names in psychology 74

Kostrigin A.A., Plyakin I.A. Issues of psychology of will in students' essays at Comenius Russian Pedagogical Institute in Prague (to question of V.V. Zenkovsky's Prague Psychological School) 82

Mazilov V.A. From algorithm to landamatics: several episodes from Professor L.N. Landa's life..... 93

Nyagolova M.D. Sources of the Russian-Bulgarian school of psychiatry and neurology 107

Petrenko V.F. V.V. Kandinsky's views on existence meanings 134

Stoyukhina N.Yu. Sergey Stepanovich Chakhotin and NOT: KOVOTEP - OSVAG - USSR 142

Chronicle

Stoyukhina N.Yu. Review: Kiev Theological Academy in names: 1918-1924: encyclopedia / Ed. M.L. Tkachuk, V.S. Brukhovetsky. Vol. 1. A-K. Kiev: Kiev-Mohyla Academy, 2015. 740 p.; Vol. 2. L-Ya. Kiev: Kiev-Mohyla Academy, 2016. 1004 p. 167

От редакции

Уважаемые читатели!

Каждая область истории психологии живет в тех же условиях, что и предмет ее изучения: чтобы глубоко проанализировать и разобраться в концепциях той или иной эпохи, мы должны в нее погрузиться. Это правило герменевтики. Но для области российского психологического зарубежья, выбранного центральной темой нашего спецномера, это особенно актуально и ярко выражено: исследование концепций и биографий эмигрировавших ученых-психологов «проживает» их тяжелую судьбу вместе с ними – проходит тяжелые пути своего обоснования, ищет собственное пристанище. Так получилось, что история психологической мысли в русском зарубежье самостоятельного статуса пока не обрела и ютится по «историям» других эпох или других стран, куда эмигрировали те или иные ученые, а порой и вовсе замалчивается / забывается, как это происходило в советское время. Можно даже сказать, что у этого направления были и «враги» в лице «невозвращенческой идеологии».

Как пишут Н.Ю. Масоликова и М.Ю. Сорокина, авторы единственного на данный момент биобиблиографического словаря по психологии в русском научном зарубежье: «Россия с ее тяжелым наследием советского тоталитаризма, стимулировавшего культ личности вождей, но идеологически отрицавшего примат индивидуального над коллективным, значительно отстает от зарубежных стран в области биографики, и тем более биографики профессиональных сообществ. В то же время биографические справочники научных специалистов, опубликованные в советское время, предлагали, нередко вопреки желанию их авторов, весьма искаженную картину развития науки в России / СССР, исключая информацию о судьбах и достижениях репрессированных и эмигрировавших ученых» [1, С. 7-8].

Издание спецномера, посвященного русскому психологическому зарубежью, мы хотели показать легитимность и институционализированность этой исследовательской области, а также отдать честь судьбам людей, вопреки трагичности которых они продолжили свою личную и научную биографию.

В данном номере исследователи публикуют статьи, открывающие в некоторых случаях новые имена, институции, школы и концепции для широкого российского психологического сообщества, что является почти уникальным случаем. Представим их.

Открывает номер знаковая статья 1955 г. русско-американского психолога Е.М. Ганфман (1905-1983) и польско-американского психолога Дж. Гетцельса (1912-2001) о межличностных установках выходцев из Советского Союза (переводчик и публикатор статьи – А.А. Костригин). По результатам исследования были выявлены психологические особенности русских эмигрантов, проявляющиеся в ситуациях межличностного взаимодействия, конфликта, решения групповых задач, а также демонстрируются советские психологические установки, возникающие под влиянием советских условий взаимодействия и тоталитарного режима. Данная статья обратила на себя внимание одним из авторов: Евгения Моисеевна Ганфман родилась в России в 1905 г., эмигрировала в 1920 г., была ученицей К. Коффки, затем переехала в США, где работала в нескольких университетах, участвовала в первом переводе «Мышления и речи» Л.С. Выготского в 1962 г. (вместе с Г. Ваккар), использовала идеи Выготского при изучении детского мышления и шизофренического мышления (можно ее обозначить как заочную ученицу Выготского), исследовала межличностные установки и модели поведения, разрабатывала психологические подходы для работы с учащимися в образовательных учреждениях. Переводом статьи мы хотим привлечь внимание научного сообщества к ее научным идеям.

Д.В. Жаркова, А.Р. Батыршина и Е.В. Колышкина представляют биографию Бориса Сайдиса (1867-1923), русско-американского психолога, сделавшего вклад в развитие неврологии, психопатологии и психотерапии.

А.А. Костригин и И.А. Плякин обсуждают деятельность психологов-эмигрантов в Праге, в частности, предлагают рассмотреть концепцию пражской психологической школы философа и психолога В.В. Зеньковского (1881-1962), в рамках которой его студенты писали рефераты по различным вопросам психологии. В статье анализируется реферат студентки Н.А. Данильченко по психологии воли.

В.А. Мазиллов посвящает свое исследование Л.Н. Ланде (1927-1999), советскому психологу, эмигрировавшему в США, и разработавшему концепцию программированного обучения, позже получившую название ландаматики.

М.Д. Няголова публикует биографии русских психиатров, коллег и учеников В.М. Бехтерева, Н.М. Попову (1854-1939) и А.Э. Янишевского (1873-1936) и описывает их вклад в развитие болгарской школы психопатологии и психиатрии.

В.Ф. Петренко обсуждает концепцию известного художника, основоположника абстрактного искусства и теорика искусства В.В. Кандинского (1866-1944), посвященную пирамиде духовности и применяет ее для анализа проблемы смысла существования.

Н.Ю. Стоюхина рассматривает один из периодов биографии психолога, психотехника, биофизика, эсперантиста, общественного деятеля С.С. Чахотина (1883-1973), связанный с работой в ОСВАГе и разработкой и применением концепции научной организации труда.

Наконец, в рубрике «Хроника» Н.Ю. Стоюхина дает рецензию на энциклопедию «Киевская духовная академия в именах: 1918-1924» (2015-2016) – первое научное издание, где в систематизированном и целостном виде

представлены жизненные пути и творческое наследие деятелей и выпускников КДА.

Уважаемые коллеги! Приятного чтения! Надеемся вас увидеть среди авторов нашего журнала!

Редакция

Список литературы:

1. Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2: Психологические науки: XIX - первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 124 с.

References:

1. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: Materialy dlja biobibliograficheskogo slovarja. Vyp. 2: Psihologicheskie nauki: XIX - pervaja polovina XX v. / Avt.-sost. N.Ju. Masolikova, M.Ju. Sorokina. M.: Dom Russkogo Zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna, 2010. 124 s.

Российское психологическое зарубежье

Межличностные установки выходцев из Советского Союза: исследование с помощью полупроективной методики¹

Ганфман Евгения
Университет Брендайса, США

Гетцельс Джейкоб
Университет Чикаго, США

Аннотация. Представляется перевод статьи Евгении Моисеевны Ганфман (1905-1983), русско-американского психолога, эмигрировавшей из Советской России в 1920 г., и Джейкоба Гетцельса (1912-2001), польско-американского психолога, под названием «Межличностные установки выходцев из Советского Союза: исследование с помощью полупроективной методики» («Interpersonal attitudes of former Soviet citizens, as studied by a semi-projective method»), опубликованной в 1955 г. и посвященной исследованию межличностных установок выходцев из Советского Союза. По результатам исследования были выявлены психологические особенности русских эмигрантов, проявляющиеся в ситуациях межличностного взаимодействия, конфликта, решения групповых задач, а также демонстрируются советские психологические установки, возникающие под влиянием советских условий взаимодействия и тоталитарного режима.

Ключевые слова: перевод, Ганфман, Гетцельс, экспериментальное исследование, выходцы из Советского Союза, эмиграция, эмигранты, межличностные установки, советские условия, тоталитарный режим, результаты, оценка, эмпатия, поведение, Тест эпизодов, Инсайт-тест, Гарвардский проект

Interpersonal attitudes of Former Soviet Citizens, as Studied by a Semi-Projective Method

¹ Переводчик и публикатор – А.А. Костригин. Перевод с: Hanfmann E., Getzels J.W. Interpersonal attitudes of former Soviet citizens, as studied by a semi-projective method // Psychological Monograph: General and Applied. 1955. Vol. 69. № 4. P. 1-37.

Hanfmann Eugenia
Brandeis University, USA

Getzels Jacob
University of Chicago, USA

Abstract. The article presents a translation of the article by Eugenia Moiseevna Hanfmann (1905-1983), a Russian-American psychologist who emigrated from Soviet Russia in 1920, and Jacob Getzels, a Polish-American psychologist, entitled "Interpersonal attitudes of former Soviet citizens, as studied by a semi-projective method", published in 1955 and devoted to the study of interpersonal attitudes of former Soviet Russians. The results show the psychological features of Russian emigrants revealed in situations of interpersonal interaction, conflict, solving group problems, as well as the Soviet psychological attitudes arising under the influence of Soviet conditions of interaction and the totalitarian regime.

Keywords: translation, Hanfmann, Getzels, experimental research, former Soviet citizens, emigration, emigrants, interpersonal attitudes, Soviet conditions, totalitarian regime, outcomes, evaluation, empathy, behavior, Episodes Test, Insight-test, Harvard project

В ходе изучения личностных особенностей и паттернов поведения бывших советских граждан в рамках Гарвардского проекта по советской социальной системе мы считали необходимым распространить исследование и на область межличностных отношений. Если существуют типичные личностные паттерны у выходцев из Советского Союза, и если мотивы и установки, которые влияют на их поведение по отношению к другим, будут важными компонентами таких моделей, то их разъяснение было бы ценным для понимания общей структуры личности. Следовательно, мы решили включить в нашу батарею клинических испытаний систему, ориентированную конкретно на область межличностных отношений и установок.

Метод, который мы выбрали и который мы назвали «Тест эпизодов», базируется на адаптации «Инсайт-теста» Сарджент [Helen Sargent's "The insight test" – прим А.К.]. В каждом эпизоде испытуемому представляется краткое словесное описание межличностной ситуации, и его просят описать вероятное развитие ситуации и результат. Используемые ситуации являлись довольно обыденными, но достаточно интересными для наших испытуемых, что побудило их к серьезным попыткам выработки реалистичных решений. Методика, используемая нами, может считаться полупроективной. Она обращается к уровню реалистичного, целенаправленного действия, а не к

фантазии, и предъявляет материал, который не слишком удален от сознательного отношения испытуемого и от его явного поведения.

Наш список «эпизодов», разработанных после некоторых проб, состоял из десяти наименований; пять из них относятся к семейным ситуациям, другие пять - в основном, к внесемейным ситуациям, возникающим в рабочем процессе. Ответы для каждого «эпизода», полученные от русских испытуемых, сравнивались с ответами, данными релевантной американской выборкой. Данная статья рассматривает сравнения, сделанные по пяти внесемейным эпизодам; анализ семейных эпизодов будет представлен в другом месте.

Описание выборки

Русская выборка состояла из 41 мужчины и 10 женщин, которые были отобраны для интенсивного клинического исследования из значительного числа советских эмигрантов, которые были опрошены в Мюнхене зимой 1950-1951 гг. в рамках Гарвардского проекта. В этой группе из 51 испытуемого примерно две трети покинули Советский Союз не по своей воле: они были либо военными, либо заключенными, либо гражданскими лицами, насильственно депортированными в Германию во время войны для работы. Их основной причиной отказа от возвращения в Советский Союз после войны был страх перед репрессиями, которые ожидали тех, чья приверженность и надежность подвергнуты сомнению длительным пребыванием в капиталистической стране. Оставшаяся треть наших испытуемых покинула страну по своей воле, большинство из которых уклонилось от русской оккупационной армии.

Мы можем с уверенностью предположить, даже в отсутствие официальной советской статистики, что наша группа нерезидентов включала в себя более высокую долю людей, которые пострадали от репрессивных мер режима, по сравнению с той, которая присутствует среди всего советского населения: запись о тюремном заключении или «неправильное» так называемое происхождение (например, потомок дореволюционной интеллигенции или сын зажиточного крестьянина, лишённого прав собственности во время коллективизации) являлись бы весомым аргументом против риска возвращения после периода принудительного пребывания в Германии. Однако, во всех остальных отношениях группа невозвращенцев, из которых была составлена наша выборка, не может считаться особенно нетипичной: она включает в себя широкий спектр возрастов, все социальные классы и высокую долю людей, которые были хорошо приспособлены к жизни в своей родной стране и которые никогда бы ее не оставили, если бы не случилась война.

Выбирая из этой группы меньшую выборку для интенсивного исследования, мы сконцентрировали свой интерес на возрастной шкале от 20 до 40 лет, т.е. на тех, чье детство или, по крайней мере, подростковый возраст, выпало на послереволюционный период. Две трети (34) наших испытуемых были в возрасте 21-33; 11 – в возрастной группе 34-43; у оставшихся шестерых возраст был в промежутке между 45-55 годами. Более половины нашей выборки (30 испытуемых) были специалистами или служащими в Советском Союзе. Остальные были рабочими, квалифицированными и неквалифицированными; многие из них были крестьянского происхождения, хотя только 4 испытуемых идентифицировали себя как крестьяне. Почти две трети мужчин служили в армии, и 7 из них были профессиональными военными. 6 из наших испытуемых имели от 1 до 4 лет обучения, 11 – 5-8 лет, 19 – 9-12 лет, а 15 – 13 лет или более, т.е. эквивалент образования в колледже или университете. Партийная принадлежность в нашей группе была довольно высокой: 10% испытуемых были членами партии, 30% состояли в комсомоле (Коммунистическая молодежная организация).

Американская выборка была сопоставлена с русской с точки зрения возраста, пола, уровня образования и профессиональной группы. Общий образовательный уровень был несколько выше, чем в русской выборке. В обеих группах участие в опросе и тестировании было добровольным, и испытуемым оплатили их время. Для русских испытуемых были приняты меры, позволяющие им сохранять свою анонимность, поскольку многие из них боялись подвергать опасности себя или своих родственников в Советском Союзе участием в проекте.

Представляя результаты, полученные при исследовании двух национальных групп, мы не будем пытаться разделять их по возрасту, социальному классу и т.д., т.к. наши цифры слишком малы для таких сравнений. Данные для женщин были сведены в таблицу и вычислены отдельно, но поскольку не было обнаружено каких-либо выраженных отличий от данных, полученных от мужчин, они включены в общие таблицы.

Процедура исследования

Каждому испытуемому были даны следующие инструкции:

Я опишу вам несколько ситуаций, которые часто встречаются в повседневной жизни, и которые также могут случиться и с вами. Скажите, как, по вашему мнению, каждый эпизод, скорее всего, закончится.

Следующие пять ситуаций были представлены каждому испытуемому, чередуясь с пятью другими.

1. Бригадир считает, что работающие у него люди выполняют работу неудовлетворительно. Он спрашивает своего начальника, что он должен сделать, и начальник говорит ему, что не нужно слишком беспокоиться, что все разрешится само собой. Но все-таки день за днем бригадир видит, что производительность его цеха падает, в то время как другие цеха, похоже, работают с высокой отдачей. Что он будет делать в этой ситуации и почему?

2. Бригадир рассказывает рабочему, как тот должен выполнять определенную работу. Рабочий отвечает, что он сделает это по-другому, по-своему, и подготовит все вовремя. Бригадир настаивает на том, чтобы поступал так, как ему велят, но рабочий все еще думает, что его способ лучше. Что сделает рабочий и почему?

3. Человек попросил своего друга написать ему рекомендательное письмо. Однако друг чувствует, что он не может честно написать положительную рекомендацию для этого человека. Он еще не решил, что делать, а человек спрашивает его, отправил ли он письмо. Что сделает и скажет друг в этой ситуации и почему?

4. Один человек чувствует, что люди разговаривают о нем за его спиной. Несколько раз случилось так, что, когда он входил в комнату, люди переставали говорить или, как ему казалось, меняли тему разговора. И сейчас снова, когда он подходит к группе знакомых, разговор внезапно прекращается. Что сделает этот человек в этой ситуации и почему?

5. На заводе, где работает один человек, все работники недовольны из-за увеличения требуемых темпов производства и решают организовать забастовку; но для того, чтобы она достигла успеха, все работники должны принять в ней участие. Однако этот человек считает, что данная жалоба не оправдана, что требуемый уровень не слишком высок. Его друзья просят его присоединиться к ним. Что он будет делать и почему?

Эпизоды были прочитаны испытуемому один за другим. Вопросы, заданные в конце каждого эпизода, были спроектированы так, чтобы получить прогноз фактического поведения героя и описание мотивов, лежащих в его основе. В эпизодах, изображающих конфликт между двумя сторонами, мы пытались получить эти данные и для второго героя. Данные цели не всегда можно было достичь, задав только стандартизованный вопрос, и часто нужно

было использовать другие различные пробы. Некоторые испытуемые заявляли, что невозможно сказать, как эти люди будут действовать, что это будет зависеть от их личных особенностей или от обстоятельств; сказав это, однако, многие из них продолжали указывать, как могут действовать разные люди, иногда четко указывая на то, какой способ действий казался им наиболее вероятным. Если они не могли начать, мы спрашивали их: как они думают? как большинство людей будут действовать в этих условиях? – и эта переформулировка обычно помогла им преодолеть тупик, сохраняя при этом проблему, якобы ориентированную на действия «других людей». Если испытуемый сам спрашивал, хотим ли мы знать, как большинство людей будет действовать или как он сам будет действовать, ему было предложено озвучить свои идеи по обоим пунктам.

Если простой вопрос «Почему?» не давал описания мотивации, мы спрашивали, что герой может подумать или почувствовать по отношению к ситуации. Мы никогда не спрашивали у испытуемых оценку хода действий или мотивов, которые он описывал. Однако спонтанные оценки часто случались, или могли быть выведены из ответов. Они фиксировались, как и все, что озвучивалось в обсуждении этого эпизода.

При разработке эпизодов мы пытались представить выборку межличностных проблем, связанных с взаимодействием между равными людьми, а также между людьми, находящимися в высшем и низшем статусе, и возникающими в различных значимых областях человеческой жизни. Мы не формулировали ситуации в терминах, характерных для советской реальности, или не помещали их в какой-либо определенный контекст; мы надеялись, что, сделав их схематичными, мы стимулируем испытуемых рассматривать ситуации в собственных личных терминах взаимодействия и мотивации, а не с точки зрения ситуационных обстоятельств и социальных институтов. Многие из наших испытуемых фактически рассматривали эпизоды исключительно таким образом, однако еще большее количество этого не делало. Столкнувшись с ситуациями, они настаивали на заполнении конкретными подробностями этой схематически изображенной реальности, которую они действительно воспринимали как имеющую отношение к решению затронутой межличностной проблемы. В этих случаях мы позволяли им построить реалистичный фон ситуации, которую они выбрали или которую они лучше всего знали, но также пытались привлечь их внимание к мотивационным моментам в решении, которые не были принудительно определены ситуационными факторами.

Учитывая общую цель Гарвардского проекта и сильную мотивацию многих наших испытуемых передавать нам информацию о советской власти, следовало ожидать, что многие из них будут интерпретировать эпизоды как очередное исследование о советской жизни и институтах. Мы сделали все возможное, чтобы не допускать присутствие данной имплицитной интерпретации, например, начиная общую серию испытаний с (семейной) ситуации, которая, как мы полагали, не слишком загружена «советскими поводами», и не поощряя уточняющими вопросами обсуждение ситуаций из советской жизни как таковых. Если испытуемый спрашивал, хотим ли мы знать, как бы действовал человек в Советском Союзе или в Германии, мы просили его давать оба решения. Если он просто начинал обсуждать ситуацию с точки зрения конкретных советских факторов, мы принимали такое обсуждение; однако мы искали возможность спросить его, как бы действовали люди, если бы эти конкретные факторы – а зачастую и угрозы – отсутствовали, например, если бы ситуация происходила в Соединенных Штатах.

Большая часть обсуждения советских условий была вызвана не ошибочным пониманием задачи, а просто попытками решить ситуацию не в вакууме, а в той реальности, которую знали наши испытуемые. И, конечно же, эта реальность, воспринимаемая ими, должна учитываться при любом сравнении их паттернов личного взаимодействия с таковыми у американских испытуемых. Несмотря на то, что обеим группам испытуемым предоставлялись идентичные описания эпизодов, они часто отражались в их сознании как совершенно разные ситуации, которые, естественно, порождали бы разные чувства и мотивы. По этой причине мы хотели бы предварить обсуждении результатов каждого эпизода кратким изложением тех признаков – как они были обозначены нашими испытуемыми – по которым различаются советская и американская ситуация.

Еще одно предварительное замечание заключается в том, что касается обоснованности выводов, сделанных на основе сопоставления эпизодов, обсуждаемых русской и американской группами. Несмотря на то, что методика проводилась на обеих группах аналогичным образом, она была включена в интервью о жизни испытуемого, и этот контекст был настолько разный для двух групп, что даже самое строжайшее выравнивание «стимулов» упрощало бы данные и не предоставляло бы возможности сделать общую ситуацию интервью действительно сопоставимой. Личный смысл интервью для русских не мог быть продублирован для американской выборки: шанс «рассказать миру о России», вылить свои обиды как на Союз, так и союзников, получить некоторую материальную помощь, когда это было отчаянно необходимым,

замаскировать факты, которые могут препятствовать их эмиграции в Соединенные Штаты – все эти убедительные мотивы и сильные эмоции были присущи нынешним и прошлым жизненным ситуациям русских респондентов. Поскольку эти жизненные ситуации не могут быть продублированы в какой-либо другой контрольной группе, потому интервью или тестирования различаются в разных контекстах. Все, что мы можем сделать, это держать эти различия в уме, сравнивая результаты тестов в наших двух группах.

Категоризация данных

Мы разработали определенные категории для каждого отдельного эпизода, а также некоторые более общие, которые могут быть применены к более чем одному эпизоду; кроме того, мы пытались выделить отдельные категории для обсуждения действий, мотивов и оценок, а не объединять эти разные уровни в качестве эквивалентных выражений мотивационных тенденций.

При категоризации материала мы столкнулись с тем, что многие испытуемые давали несколько решений ситуации, часто даже диаметрально противоположных. Мы разработали способы фиксации, которые позволили нам выделять отдельно, когда это было возможным, те решения, которые, как представляется, были основными, лично предпочтительными, и теми, которые можно было бы считать вторичными или дополнительными.

Мы кратко опишем здесь основные категории, т.е. те, которые были применены к более чем одному эпизоду; в группе обсуждаемых эпизодов они использовались в эпизодах 2 и 5, в которых изображен не внутренний конфликт, а конфликт между двумя сторонами, А и Б.

Категория *результатов* для этих случаев может быть сформулирована с точки зрения того, является ли результат благоприятным для А или Б. Эта категория применяется только к прогнозированию того, что на самом деле произойдет; не к любой ситуации может быть применен благоприятный результат. Если испытуемый рассмотрел и обсудил оба исхода, то мы перепроверяли тот, который он считал более вероятным. Если он не давал нам никаких оснований для такого решения, ответ определялся как неясный. Когда русский испытуемый давал отдельные ответы для «советской» ситуации и для «внешней», мы не рассматривали первый как главный ответ по умолчанию, и особенно в тех случаях, когда испытуемый указывал, что с точки зрения общей «человеческой природы» альтернативный исход был бы более вероятным. В отсутствие такой явной дифференциации «советское» решение определялось

как основное, даже если оно было четко связано испытуемым с факторами, характерными для советской реальности.

В категории *оценки* мы попытались определить, кого из двух героев респондент считает правым в своем требовании или в сопротивлении требованиям другого. Явные оценки были отделены от тех, которые просто подразумеваются или выводятся из формулировок; поскольку оценки не запрашивались инструкцией, они отсутствовали во многих случаях. Когда чувства респондента о правильном и неправильном не согласовывались, то фиксировались обе категории: та, по которой герой ситуации считался более правильным, чем другой, перепроверялась всякий раз, когда было возможно данное решение. Все причины, озвученные респондентами относительно того, почему тот или другой участник прав, были зафиксированы по специальным категориям, варьирующимся от одного эпизода к другому. Чтобы отделить эти основания для оценки от чисто объясняющих «причин действия», мы старались, по возможности, указывать, был ли приписываемый герою мотив одобрен или отклонен испытуемым, или обсуждался нейтральным образом.

Третья основная категория *эмпатии* требовала большей интерпретации со стороны экспертов, чем категории результатов и оценки. Она, как и предыдущие, была разделена на 2 части, по одной для каждого участника, вовлеченного в ситуацию. Основным критерием наличия эмпатии к данному герою являлось обсуждение ситуации испытуемым с точки зрения этого героя; обсуждение его мотивов и чувств, а также ситуации, затрагивающей его, и описание действий в деталях. Сострадающее отношение к человеку является важным маркером наличия эмпатии, но не является ее необходимым условием: отношение может быть нейтральным или даже враждебным, когда человеку приписываются нежелательные мотивы. Человек, которому испытуемый сопереживает, необязательно должен совпадать с тем, кто, как ожидается, выиграет в конфликте, и кто, как считается, занимает правильную позицию.

Эмпатия по отношению к героям отсутствует, когда ситуация обсуждается без внимания к «человеческому элементу» в ней, например, просто с точки зрения кратких фактических предсказаний или нормативных предписаний (он должен действовать так-то и так-то); или обсуждение может быть довольно продолжительным, но касаться только институциональных правил проведения процедуры или некоторых абстрактных принципов. Наиболее яркие случаи «без эмпатии» наблюдаются у тех испытуемых, которые явно отказываются участвовать в рассмотрении ситуации героев, постоянно повторяя, что «все зависит от обстоятельств»; что у них не было опыта

присутствия в подобных ситуациях, или – в случае советских эмигрантов – что описанная ситуация невозможна в Советском Союзе.

Для каждого из участников ситуации мы определили наличие или отсутствие сочувствия к нему, используя иногда промежуточную категорию «Эмпатия минимальная». Если испытуемый сочувствовал обоим участникам, мы попытались определить, было ли сочувствие сильнее к А или к Б, или равным к обоим.

Все записи были зафиксированы по этим категориям двумя оценщиками. Общий показатель согласованности между ними варьировался от 82% (для категории «эмпатии») до 94% (для «результатов»). В случаях разногласий различия были разрешены путем обсуждения.

Результаты

Представляя результаты для каждого эпизода, мы вначале обобщим те отсылки к советским условиям, сделанные русскими испытуемыми, по которым предыстория и контекст ситуации для них отличаются от таковых у испытуемых американской выборки. Затем мы сравним показатели, полученные двумя национальными выборками в различных категориях, дополняя сравнения обсуждением тех аспектов материала, которые не были зафиксированы. В заключительном разделе будут обобщены результаты всех эпизодов, как в отношении описания советской реальности, так и в отношении выражаемых ими мотивационных тенденций, а также предварительные выводы о межличностных отношениях, характерных для русской выборки.

Из пяти обсуждаемых эпизодов два включают в себя отношения руководитель-подчиненный в рабочей ситуации и три сфокусированы на отношениях между равными: друзьями, знакомыми или сотрудниками. Сначала мы обсудим ситуации, связанные с отношениями между руководителем и подчиненным.

Эпизод 1

Бригадир считает, что работающие у него люди выполняют работу неудовлетворительно. Он спрашивает своего начальника, что он должен сделать, и начальник говорит ему, что не нужно слишком беспокоиться, что все разрешится само собой. Но все-таки день за днем бригадир видит, что производительность его цеха падает, в то время как другие цеха, похоже, работают с высокой отдачей. Что он будет делать в этой ситуации и почему?

Это один из эпизодов, в которой герой является лицом, обладающим полномочиями, хотя его положение в то же время определяется как положение подчиненного при обращении к его собственному начальнику. Этот эпизод также отличается от остальных тем, что он предполагает минимум внутреннего конфликта; большинство испытуемых воспринимали ситуацию бригадира не с точки зрения выбора целей, а просто выбора средств, с помощью которых могла быть достигнута цель повышения производительности. Это особенно касается русских. Вопрос «Что сделает бригадир?» означал для них вопрос о способах, которые ему открыты для достижения этой цели, и в основном было дано описание действий с относительно небольшим обсуждением мотивов и выражением оценки. По сравнению с другими, данный эпизод был менее продуктивным относительно полученных психологических данных. Однако он был достаточно продуктивным относительно описаний советских процедур: 29 из 51 испытуемого дали подобные описания, сделав в общей сложности 59 комментариев.

А. Уникальные аспекты советской реальности

Те русские испытуемые, которые рассматривают эпизод с учетом советских условий, обычно воспринимают бригадира «под давлением». Они изображают его измученным служащим, столкнувшимся с трудной ситуацией, за которую он может быть – и будет – ответственным и наказанным. Одна категория комментариев (10 комментариев) касается ужасных последствий, которые могут произойти с бригадиром или с теми, кто признан виновным, из-за невозможности повышения производства; в этих комментариях часто подчеркивается, что «личных причин плохой работы не существует; будет найдена политическая мотивация», и, следовательно, «не существует увольнений за неудовлетворительную работу – только концентрационный лагерь»; иногда упоминается нормативный акт, касающийся саботажа. Группа испытуемых не разделяет эту официальную интерпретацию ситуации, по которой она определяется как преднамеренное вмешательство в производство с чьей-то стороны. Если люди вообще касаются реальных причин неудовлетворительного производства, то они думают о неэффективности, плохой работе, вызванной либо личными факторами, в том числе плохими материальными условиями жизни рабочих, либо недостатками всей организации. Фактор, упоминаемый чаще, чем другие (5 раз), – это низкое качество инструментов и материалов.

Самая большая группа комментариев посвящена различным процедурам, к которым бригадир может и будет обращаться, чтобы исправить ситуацию,

или инстанциям, которые коснуться этой проблемы, независимо от того, будет ли он обращаться к ним или нет. Созыв рабочего собрания чаще всего упоминается (12 раз) в качестве процедуры, которую бригадир попробует в первую очередь, в основном, с целью призыва рабочих к большим усилиям. Следующим по частоте является упоминание о партийных организациях, которые будут вызваны для решения проблемы или которым будет передано это дело (8 раз); профсоюзы упоминаются в том же контексте 5 раз, со случайными комментариями о том, что они являются государственными учреждениями и не защищают интересы рабочих; однако упоминается также возможность реальной помощи, например, в вопросе улучшения жилищного фонда трудящихся: «Профсоюзы помогают в 30-40% таких случаев». Спецотдел и НКВД (учреждения тайной полиции) упоминаются 3 раза.

На протяжении большей части описаний «расследования» и кампании, проводимой всеми этими агентствами, подразумевается, что установление вины является одной из основных целей официального разбирательства, и все заинтересованные стороны будут пытаться найти кого-то, кто виноват, чтобы отстранить возможную вину от самого себя.

Бригадир получил план, и, если он не сможет его выполнить, он будет искать виновных, чтобы переложить вину на них. Если он порядочный человек или не может найти козла отпущения, он сам станет им.

Следующее описание всей безумной процедуры является типичным направлением ответов на этот эпизод:

Сразу же будут организованы встречи: сначала совещание, на котором будут обсуждаться потребности этой отрасли промышленности; затем заседание местного профсоюза; затем партийное собрание - выяснить, в чем проблема; далее на кого-то намекнут, что он виноват; несколько человек арестуют, если это зайдет слишком далеко – в итоге, каждый будет бояться быть арестованным ... и объем производства поднимется.

Б. Мотивационный анализ

Из-за относительной нерегулярности явного упоминания мотивов в этом эпизоде мы вынуждены были основывать мотивационные категории главным образом на *действиях* бригадира. Мы добавили некоторые характеристики для определения категорий, что поможет нам точнее обозначить определенные отношения, лежащие в основе действий. Однако во многих случаях описанные

действия не содержали каких-либо указаний на их мотивационное значение, и все же учитывались в соответствующей категории, только в соответствии с содержанием действия как таковым.

Мы выделили четыре основных типа действий, или аспектов действий, в описаниях поведения бригадира. Первый тип действия можно назвать *поисково-кооперативным*. В этот тип мы включали все те случаи, когда бригадир описывался как ищущий причины проблемы и осуществляющий попытки исправить ее, сотрудничая с рабочими. Во многих таких случаях становится ясно, или подразумевается, что сложность локализуется где угодно, возможно даже в самом бригадире, и что он пытается оценить точку зрения рабочих, не манипулируя ими.

Бригадир поговорит с рабочими, чтобы посмотреть, где находится проблема. Возможно, это он сам. Если это его вина, он изменится. Если это вина рабочих, он попытается выяснить причину и исправить ситуацию.

Второй тип поведения состоит в *дисциплинировании* рабочих, требовании или ожидании от них послушания, угрозе или их увольнении. Близко к этому типу относится *манипулирующее* поведение, когда бригадир пытается говорить рабочим о повышении их усилий, используя множество аргументов, понуканий и побуждений. Другими случаями манипулирования были бы перестановки сотрудников на их рабочих местах без обсуждения с ними, чтобы, например, разбить некоторые группы, которые, как он подозревает, могут быть причиной этой проблемы. В ярких случаях как дисциплинарного, так и манипулятивного поведения бригадир подразумевает, что виноваты рабочие. Если бригадир описывается как вступающий в, казалось бы, взаимодействие, но на самом деле направляющий проблему против рабочих, его поведение будет классифицироваться как манипулятивное. Часто действие бригадира может иметь как дисциплинарный, так и манипулятивный аспект; в таких случаях он обозначался по обеим категориям.

Четвертый и последний способ действий, открытый для бригадира, – это *делегирование ответственности* за исправление ситуации на другие инстанции. Когда его призыв к вышестоящим властям приводит к дисциплинированию или манипулированию рабочими, действия бригадира классифицируются и как «делегирование ответственности», и как «дисциплинирование» или «манипулирование».

Таблица 1

Действия бригадира

Виды действий	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Поисково-кооперативное поведение	14 (19%)	26 (48%)
Дисциплинирование	30 (41%)	8 (15%)
Манипулирование	14 (19%)	8 (15%)
Делегирование ответственности	15 (21%)	12 (22%)
Всего	73 (100%)	54 (100%)

В таблице 1 приводится распределение всех комментариев, данных двумя группами испытуемыми по этим категориям. Русские, хорошо знакомые с ситуацией, дают гораздо больше комментариев по этому эпизоду, чем американцы (73 и 54 соответственно). Рассматривая последнюю категорию в первую очередь, довольно неожиданно обнаружилось, что делегирование ответственности происходит одинаково часто в обеих группах, несмотря на гораздо большую институционализацию этой процедуры в СССР. На самом деле, эта категория включает ситуации, частично отличающиеся для двух групп. Американцы, с их меньшим ожиданием угрозы, часто принимают за чистую монету обнадеживающее, хотя и неправдоподобное, заявление начальника о том, что все разрешится само собой. (Эта деталь была включена, чтобы исключить обращение к непосредственному руководителю в качестве простого решения проблемы). В их случае большинство примеров делегирования ответственности состоит в том, что бригадир принимает совет начальника, хотя в некоторых случаях он изображается как обращающийся к высшему руководству, минуя своего начальника. Следующие цитаты типичны для американских ответов в категории «делегирование ответственности».

Он ничего не смог бы сделать, если бы руководитель сказал бы ему, в чем причина. (Он проигнорирует ухудшение работы?) Ну, да, если руководитель сказал, что все разрешится само собой; он должен игнорировать это.

Если не будет никаких изменений, я вернусь к начальнику и скажу ему, что лучше не стало. Если он все еще удовлетворен, я оставлю все в покое. Если он думает, что вполне вероятно, что со временем все наладится, значит так скорее всего и произойдет. В конце концов, начальник будет знать о работе больше, чем я.

Вернуться к начальнику и спросить его, что делать; это единственное, что нужно сделать.

Из 12 американских ответов в этой категории 9 имеют такой же тип, что и описанный выше, и большинство из них (7) одобрены испытуемыми как совершенно хорошие действенные решения. Из 15 русских ответов в этой категории только 5 испытуемых, обсуждая эпизод в *отрыве* от советских условий, рассматривают возможность того, что бригадир остается пассивным, но ни один из них не одобряет это решение. Один испытуемый, например, после того, как эксперт напомнил, что сказал начальник, ответил:

Ну, может быть, бригадир, будучи подчиненным, ничего не предпримет, из-за того, что сказал начальник; с другой стороны, он все еще может попытаться улучшить производительность, ведь у него есть собственная инициатива, он не марионетка.

С точки зрения советских условий, русские вряд ли когда-либо примут утверждение начальника за чистую монету. Трое испытуемых отрицают вероятность такого явления в довольно сильных выражениях.

Это похоже на сказку о Красной Шапочке. Это невозможно: он, должно быть, потерял рассудок! Как он мог не беспокоиться! Он будет в неистовстве, он будет изо всех сил настаивать на том, чтобы работа шла в другом темпе: «Завтра мы все будем в НКВД».

Другой испытуемый предполагает, что руководитель рассматривает бригадира как саботажника – ни в каком другом случае он не мог бы дать ему абсурдный совет не волноваться. Обычно русские испытуемые просто игнорируют эту нелепую особенность и описывают, как бригадир отправляется в вышестоящие органы в рамках своих усилий, чтобы попробовать все, что могло бы улучшить ситуацию, и таким образом избежать вины и наказания.

В описании программы действий, установленной самим бригадиром, *поисково-кооперативные* методы являются выбором американской группы, в то время как русские в этой ситуации думают скорее о срочных дисциплинарных мерах, чем о любой спокойной попытке найти реальные причины трудности. Если сочетать *дисциплинирование* и *манипулирование*, как те, которые представляют авторитарные методы, русские упоминают такие методы в два раза чаще, чем американцы; они приписывают их, главным образом, властям, самому бригадиру, который, как они считают, находится в опасном положении и пытается избежать катастрофы. Американской группе ситуация с бригадиром не кажется очень опасной, хотя иногда они предполагают возможность потерять работу. В результате они рассматривают бригадира как способного решить его проблему довольно спокойным образом, используя методы, близкие к его установкам и убеждениям, или к проецируемым установкам и убеждениям испытуемого. Русские описывают поведение бригадира как детерминированное давлением окружающей среды. В отличие от обсуждения других эпизодов, в данном они редко используют выражения типа «Я бы сделал то или это» или «этот способ лучше всего»; скорее они рассматривают эту ситуацию преимущественно с точки зрения описания типичной процедуры.

В этом эпизоде использовалась еще одна категория; она не была включена в таблицу, поскольку она не имела однозначного отношения к какому-либо конкретному способу действий. Эту категорию можно назвать *интрапунитивной установкой*; в нее включены случаи, когда бригадир с самого начала назначается и / или принимает на себя вину за ситуацию, чувствуя не только то, что его могут обвинять или наказывать, и что он сам виноват и заслуживает наказания. В этой категории в два раза больше ответов американцев, чем русских (9 и 4 соответственно), и у первых выражение самообвинения более сильное и четкое.

(Американец) Скорее всего, бригадир не является хорошим претендентом для исполнения его роли. Его личность или подготовка не достаточно хороши, потому что он не может контролировать своих людей....

(Американец) О, друг! Это по моей части дать хороший ответ. Приятель может сказать себе: «Почему начальник так отделался от меня – меня уволят?»

(Русский) Он должен сначала проанализировать себя... Действуйте согласно поговорке: «Врач, исцели себя сам».

Таким образом, этот эпизод рассматривался русскими испытуемыми не как проблема межличностных отношений, в отличие от других эпизодов, а скорее, как описание советской процедуры, со слабой личностной идентификацией с героем. Поэтому в этом эпизоде трудно вывести личные мотивы из описаний действий. Советский бригадир представлен как сильно мотивированный – хотя и не исключительно – из-за страха перед последствиями упадка производительности, из-за упреков сверху, что приведет к наказанию. В целях самозащиты он придерживается дисциплинарного и манипулятивного поведения, которое характерно для тактики режима. Американский бригадир изображен гораздо более свободным от внешней угрозы; эта свобода позволяет ему как объективно, так и кооперативно справляться с ситуацией, и быть спокойным при пассивности и зависимости от своего начальника. С другой стороны, его неудача, по-видимому, представляет большую угрозу для его самооценки и приведет к большему чувству самообвинения, чем это проявляются у русских, которые сталкиваются с гораздо более ощутимой угрозой извне.

Эпизод 2

Бригадир рассказывает рабочему, как он хочет, чтобы тот выполнял определенную работу. Рабочий отвечает, что он сделает по-другому, по-своему, и подготовит все вовремя. Бригадир настаивает на том, что он должен поступать так, как ему говорят, но рабочий все еще думает, что его способ лучше. Что сделает рабочий и почему? (Тот же вопрос позже был задан о бригадире).

А. Уникальные аспекты советской ситуации

В этом эпизоде 31 (или две трети) русских испытуемых прокомментировали специфические советские условия, в результате чего было сделано 55 категоризированных замечаний. Они не возражали против ситуации, изображенной как невозможная или маловероятная на советском заводе. Однако, как и в предыдущем эпизоде, основная категория комментариев (22) касается опасности, при которой конфликтная ситуация чревата для обоих участников. Рабочий, если он идет против приказа бригадира, может быть строго наказан за неподчинение.

В Советском Союзе есть закон, в котором говорится, что приказы бригадира должны соблюдаться, и что рядом есть милиция; в случае, если вы не подчиняетесь бригадиру, он будет их вызывать.

Несколько месяцев спустя он предстает перед судом – за отказ работать; приговор может составлять до десяти лет.

Тем не менее, бригадир также считается находящимся под угрозой, если он настаивает на своем решении и полномочиях, поскольку рабочий может на законных основаниях пожаловаться на то, что бригадир не восприимчив к предложениям рабочего. Эта возможность обвинения бригадира упоминалась 7 раз, в 4-х из этих случаев жалоба направлялась в партийные или другие политические организации.

В Советском Союзе бригадир должен сдаться, в противном случае рабочий может начать жаловаться, – что бригадир давит на рабочего.

Порядочный рабочий сказал бы бригадиру: дайте мне шанс, иначе я пойду и нажалуюсь. Менее порядочный нажалуется сразу.

Можно сказать, что бригадир не продвигает работу, что он подрывает ее. Его можно было бы легко обвинить в контрреволюционных тенденциях.

Тем не менее, более типичным для этого эпизода является то, что опасность заключается не столько в сопротивлении требованиям других, сколько просто в принятии ответственности за используемый метод работы. В зависимости от результата можно хвалить или наказывать. В случае успеха работника можно сделать стахановцем (работником, который пользуется особыми привилегиями в награду за систематическое перевыполнение нормы), а бригадир будет приветствовать сотрудничество с ним. Однако в случае неудачи результаты могут быть радикально противоположными. Уголовное преследование за неудачу или некомпетентность было упомянуто 14 испытуемыми. Эта опасность вменяется как рабочему, так и бригадиру.

Если работник не справится, он будет строго наказан; если он возьмет на себя инициативу... Мой начальник рассказал мне об инженере, который собирал машину на заводе Форда; он не смог ее завершить, и Форд назначил

дополнительные финансирование для устранения трудностей. В Советской России они застрелили бы его.

У бригадира есть официальное право решать, и, если дело будет успешным, все будет хорошо. Если случится неудача, его будут обвинять в том, что он рисковал, потратил государственные деньги без достаточной основы. Или, если бы он не допустил (использование метода), а метод оказался хорошим, его обвинили бы во вмешательстве в инициативу масс; в обоих случаях все закончилось бы плохо для него.

Однако результат зависит не только от успеха или неудачи. Некоторые испытуемые упоминают другие факторы, определяющие, будет ли похвала или наказание, и для кого. Трое испытуемых считают, что результат конфликта между работником и бригадиром зависит от того, кто из них является членом партии; четвертый упоминает важность социальных условий. Также упоминается текущая «кампания» как определение отношения властей: если произойдет кампания по увеличению производства, работник может быть вознагражден за рационализацию, но, если ведется кампания по ужесточению трудовой дисциплины, он проиграет из-за своей инициативы.

По представленным до сих пор комментариям может показаться, что удовлетворительное решение проблемы не может быть достигнуто, поскольку любое решение приводит к неопределенности и опасности. Однако есть выход из дилеммы: он состоит в том, что рабочий выполняет приказы, но в то же время докладывает об отклоненных бригадиром предложениях администрации или инженеру (5 комментариев) или техническому бюро завода, которое рассматривает все предложения по совершенствованию (8 комментариев). Это законный и даже обязательный способ действий для рабочего, и это не обязательно является жалобой или обвинениями в отношении бригадира, который, по мнению некоторых испытуемых, может даже рекомендовать такое поведение рабочему. Ничего похожего на такую установку мы не находим в американских комментариях: испытуемые никогда не считали достойным обходить бригадира. Ниже приводятся примеры обсуждения русских.

Если бы я был бригадиром, я бы просто объяснил работнику, что этот метод уже опробован. Если он пойдет к кому-то выше с этим предложением, все в порядке. Я бы не подумал ничего плохого об этом.

В Советском Союзе я очень хорошо знаю отношения [между бригадиром и рабочим]. Я учился в Политехническом институте и занимался полевыми работами. Вы можете предлагать любые улучшения, но вам не разрешается применять их анархически. Высшая юрисдикция примет решение, техническое бюро.

Благодаря этому упорядоченному и объективному методу урегулирования конфликта, становится загадочным, почему в обсуждении этого эпизода упоминания об угрозах и опасностях перевешивают таковые о безопасном урегулировании (3:2). Одна простая «техническая» причина, по которой рабочий, в обсуждении испытуемого, не всегда идет в техническое бюро, заключается в том, что метод, который он хочет использовать, не всегда считается либо новым, либо достаточно значительным, чтобы считаться техническим усовершенствованием, которое заслуживает изучения; некоторые испытуемые прямо делают эту оговорку при обсуждении бюро рабочих изобретений.

Это, однако, не исчерпывающее объяснение, тем более что один и тот же испытуемый может упоминать как опасности конфликта, так и, по-видимому, безопасный способ его решения. Создается впечатление, что преимущества, которые могут возникнуть в результате готового направления коммуникации снизу вверх, теряются или даже превращаются в невыгодное положение из-за других факторов в советской реальности. Русский рабочий, в отличие от американского, имеет законный канал обращения к администрации предприятия в обход бригадира, которая, в свою очередь, может предоставить работнику должность в организации, разрешить ему озвучить свои разочарования и жалобы или служить в качестве беспрепятственной линии связи снизу вверх. Однако этот канал используется не только для передачи необходимой рабочей информации, но и чтобы передавать личные рассказы и доносы (месть); доносчика часто подталкивает страх, что, если он не сообщит первым – сообщат о нем. Очевидно, средство промышленного управления становится инструментом политического контроля: гениальный инструмент для эффективного администрирования превращается в действенную операцию подстрекания в целях подозрения, беспорядков и шпионажа. Хотя в обсуждениях этого эпизода нет ссылок на агентов НКВД, примечательно, что в советских условиях описанный простой конфликт рассматривается многими испытуемыми как способ, близкий к взаимному доносу. Опасности недоносительства воспринимаются как угрожающие работнику и бригадиру примерно в равной степени. Бригадир видится как более уязвимый из-за его

ответственности за решения и из-за того, что он открыт для нападения сверху и снизу; однако фактическое количество упоминаний об опасности и репрессиях показывает, что они относятся к бригадиру и рабочему с равными частотами.

Из этого описания советской промышленной реальности видно, что условия эпизода воспринимаются по-разному двумя выборками. Советский рабочий имеет способы обращения к высшим органам власти, которых у американцев нет, но последствия конфликта могут быть более катастрофическими для русских участников, чем просто потеря работы или «утрата репутации», что, в свою очередь, представляют американцы как наихудшую опасность.

Б. Мотивационный анализ

Поскольку это был один из эпизодов, представляющих конфликт между двумя людьми, к нему были применены ранее описанные категории «эмпатия», «результат» и «оценка».

Что касается показателей степеней *эмпатии* («эмпатия присутствующая», «минимальная», «отсутствующая»), между русской и американской группами различий не выявлено. Обе группы были очень похожи в показателях эмпатии к каждому из героев, и обе выборки больше сочувствовали рабочему, чем бригадиру. Этого можно было ожидать, потому что рабочий представлен в качестве главного героя эпизода, в котором сначала запрашиваются действия первого, и, как следствие, они чаще и более подробно комментируются. Тем не менее, две группы отличались тем, что американские испытуемые нуждались в большем количестве стимулов для составления комментариев, на которых основывались многочисленные эмпатии: 29 русским и 44 американцам интервьюер вынужден был осуществить дополнительные запросы о действиях или мотивах участников. Разница в количестве заключается, в основном, в вопросах, которые задавались о втором герое, бригадире: 8 для русских и 31 для американцев. Мы можем заключить, что с точки зрения спонтанного обсуждения русскими сочувствовали бригадиру несколько сильнее, чем американцы. Анализ оценок эмпатии подтверждает этот вывод. Шесть испытуемых, которые никому не сочувствовали (3 в каждой группе), исключены из Таблицы 2.

Таблица 2

Эмпатия к рабочему и бригадиру

Выборка	Количество испытуемых, которые продемонстрировали эмпатию				
	Только к рабочему	Больше к рабочему, чем к бригадиру	Равная эмпатия к обоим героям	Больше к бригадиру, чем к рабочему	Только к бригадиру
Русские	16	11	12	4	5
Американцы	14	23	3	5	2

Среди испытуемых, сочувствующих обоим участникам, американцы преимущественно предпочитают рабочего, в то время как русские сочувствуют обоим в равной степени. Сгруппировав первые два и три последних столбца таблицы 2, мы обнаруживаем, что в американской группе показатель эмпатии к рабочему выше, чем к бригадиру: 38 американцев и 27 русских сопереживают преимущественно рабочему. Это различие достоверно при уровне значимости 0,5.

При интерпретации менее сильной идентификации советских эмигрантов с рабочим мы должны рассмотреть две возможности. В большинстве эпизодов (включая те, которые не обсуждались в этой статье) русские были менее склонны, чем американцы, сочувствовать исключительно основному герою. Они проявили больше спонтанного сочувствия ко всем людям, участвовавшим в этом эпизоде, в то время как американцы сосредоточились на главном герое, как будто придерживаясь более пристального внимания к неявным требованиям инструкции, чтобы обсудить ситуацию с *его* точки зрения. Относительно большее сочувствие русских к бригадиру в данном эпизоде может быть просто еще одним примером этой общей тенденции распределять их эмпатию на всех героев. С другой стороны, это может быть связано с особой ролью второго персонажа в этом эпизоде и может указывать на особое отношение к авторитету, отличное от отношения американцев.

Анализ прогнозов наиболее вероятного *результата* конфликта поддерживает вторую интерпретацию. При категоризации этих предсказаний мы считали, что результат благоприятствует тому герою, который, в конце концов, имел свой собственный путь, не испытывая ужасных последствий. В обеих группах бригадир добивается намного больше, чем рабочий: русские предсказывают победу над рабочим в соотношении примерно 2:1; американцы в соотношении примерно 3:2. Однако результат не может быть окончательно

истолкован в мотивационных терминах: русские, в частности, видящие многие посторонние факторы в ситуации, могут ожидать, что бригадир выиграет не потому, что они сочувствуют его точке зрения или считают его очень могущественным, но, например, потому что баланс многих давлений на него может способствовать применению проверенного традиционного метода как самого безопасного поведения в ситуации.

Более убедительные свидетельства об установках к авторитету предоставляются категорией *оценки*, в соответствии с которой фиксируется спонтанное суждение испытуемого – явное или предполагаемое – в отношении «правильности» и «неправильности» позиции героев. Оценивая позицию бригадира, 30 русских и 28 американцев в некоторой степени оправдали его, либо прямо, либо упоминая некоторые положительно обоснованные причины его позиции; 29 русских и 20 американцев до определенной степени оправдывали позицию рабочего. Мы должны заключить, что нет никаких различий в оценке ситуации нашими двумя группами. Русские чаще выражают свои оценочные суждения, чем американцы, но содержание этих суждений одинаково в обеих группах.

Рассмотрение относительной оценки каждым испытуемым позиции работника и бригадира не изменяет эти выводы. Русские распределяют «правоту» чуть более справедливо, чем американцы: 6 русских и ни один из американцев не чувствуют, что и рабочий, и бригадир имеют одинаково веские мотивы; 29 русских и 40 американцев говорят о том, что они считают обоснованными мотивы только для одного из персонажей, причем эта разница в значительной степени обусловлена «правильностью», приписываемой исключительно бригадиру (15 русских и 24 американцев). Вместе с тем, при объединении категорий примерно одинаковое число русских и американцев (16 и 18) считают, что рабочий больше прав, чем бригадир, а примерно равное число придерживается противоположного мнения (22 русских и 26 американцев),

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных *мотивационных и оценочных комментариев*, сделанных испытуемыми, и предоставленные в изобилии в дискуссиях по этому эпизоду; в отличие от первого эпизода, русские предоставили их даже больше, чем американцы, так что более детализированные выводы относительно мотивационных тенденций могут быть сделаны для обеих групп.

Мы классифицировали в общей сложности 126 мотивационных комментариев русских и 113 комментариев американцев; около 70% русских и около 60% американских комментариев имели оценочные коннотации,

содержащие причины, по которым один из участников был бы прав, или считали бы его правым, настаивая на своей точке зрения. Мы будем рассматривать эти *оценочные комментарии* отдельно от других мотивов. В таблицах 3 и 4 цифры относятся ко всем упоминаниям о «хорошей причине», независимо от того, была ли она дана в общей, нормативной форме или в качестве мотива одного из участников, а также независимо от прилагаемого к ней значения, которое придавалось ей испытуемым. Кроме того, мы приводим в круглых скобках количество случаев, в которых данная причина была либо признана главной среди многих, упомянутых испытуемым, либо – если она была указана как единственная причина – была выражена им особенно четко и решительно.

Таблица 3

Причины одобрения позиции рабочего

Причины	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Компетентность работника	30 (10)	19 (3)
Ценность инициативы, собственные убеждения	4 (1)	8 (3)
Рабочий прав, если он использует каналы коммуникации снизу-вверх	13 (2)	6 –
Всего	47 (13)	33 (6)

Результаты показывают, что обе группы считают компетенцию работника ведущим обоснованием его позиции; американцы придают определенное значение мысли о том, что работнику выгодно проявлять инициативу и ответственность, защищая свои убеждения. Третья категория обоснования обстоятельств для работника носит более вспомогательный характер и менее ясна в его мотивационном значении: поскольку «каналы коммуникации снизу вверх» могут иметь субъективное значение либо в использовании своих прав, либо в защите себя против возможной вины или опасности. Как и следовало ожидать из описания советской ситуации, эта категория чаще встречается в описаниях русских испытуемых, чем американских.

В Таблице 4 русские подчеркивают компетенцию несколько больше, а личную ответственность – меньше, чем американцы; они также больше

американцев указывают бригадиру на необходимость упредить анархию, поддерживая порядок и дисциплину. Однако в отношении более крупных категорий нет больших различий между обеими группами. Если мы объединяем первую и вторую категории («начальник» и «дисциплина»), как выражающие авторитарные ценности, и сравниваем их с объединенными третьей и четвертой категориями («компетенция» и «ответственность»), мы обнаруживаем, что с точки зрения общего количества комментариев, 55% русских и 53% американских комментариев выражают авторитарные ценности; с точки зрения обозначения ведущих комментариев, американцы делают акцент на авторитаризм больше, чем русские. Последняя категория – «Бригадир придерживается общего плана или инструкций» – аналогична «использованию каналов коммуникаций снизу вверх» для рабочего; она не была включена в расчет, поскольку ее последствия с точки зрения авторитарных ценностей неоднозначны. При сравнении таблиц 3 и 4 можно отметить, что 47 российских оценочных замечаний оправдывают рабочего и 40 – бригадира, в то время как американские комментарии разделяются между ними поровну (по 33 для каждого). Таким образом, сравнение оценок не показывает различий между двумя группами в той степени, в которой они выступают за авторитарные ценности.

Таблица 4

Причины одобрения позиции бригадира

Оценки	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Он – начальник, и он старше по возрасту	15 (4)	13 (6)
Он обязан поддерживать рабочую дисциплину, делать указания	6 (2)	3 (1)
Он обладает компетентностью, опытом	16 (6)	10 (4)
Он несет ответственность за работу	1 –	4 –
Он придерживается общего плана или инструкций	2 (2)	3 (1)
Всего	47 (13)	33 (6)

Мы возвращаемся к рассмотрению меньшей группы мотивов, которые приписываются героям просто путем *объяснения*, а не одобрения его позиции. Эти мотивы могут быть либо отвергнуты испытуемым, либо не являются «вескими причинами», либо приняты как субъективно значимые причины для испытуемых, но в любом случае они не имеют позитивных нормативных коннотаций, свойственных группе причин, рассмотренных выше.

Для *рабочего* были упомянуты три категории «плохих» или нейтральных мотивов: своеволие или упрямство, личная выгода и страх. Русские дали в общей сложности 19 комментариев в этих категориях, американцы – в общей сложности 33 комментария. Категорию «своеволия» можно рассматривать как связанную с личностной инициативой, но без позитивных коннотаций. Эта категория используется почти исключительно американцами (русских комментариев – 1, американских – 15); они довольно равномерно распределены между описанием этого мотива в нейтральных терминах и с точки зрения осуждения, иногда используя эту категорию в последнем случае, чтобы вынести суждение о позиции работника. «Личная выгода» (русских комментариев – 3, американских – 3) включает случаи, когда работник хочет использовать свой собственный метод, потому что он экономит его усилия или снижает дискомфорт, или позволяет ему зарабатывать больше. Довольно неожиданно мы находим равное число комментариев русских и американцев (15 и 15), в которых упоминается страх, заставляющий работника подчиняться, хотя процентная доля этого мотива в русской выборке намного выше. Следует, однако, отметить, что в американских данных рабочий просто боится навлечь на себя гнев бригадира или – чаще – потерять работу, в то время как русские ожидают гораздо более серьезных последствий и, по крайней мере, в одной трети случаев – крайне тяжелых.

В отношении *бригадира* упоминаются два «плохих» или нейтральных мотива: авторитаризм или деспотизм (русских комментариев – 8, американских – 11) и страх (русских – 12, американских – 3). По мнению советских эмигрантов, бригадир мотивирован страхом почти в той же степени, что и рабочий, и последствия, которых он боится, одинаково жестоки, в 3 или 4 случаях – катастрофичны; страх упоминается как мотив и в его настойчивости на подчинении и в уступках рабочему. В комментариях американцев бригадир, в отличие от рабочего, не боится последствий конфликта: в худшем случае, и это довольно редко, он ожидает, что начальник «съест его с потрохами», если метод работника не сработает.

Нейтральные или негативные мотивы распределяются русскими одинаково между бригадиром и рабочим (20 и 19), в то время как американцы

относят гораздо большее их количество работнику (14 и 33). Это согласуется с их несколько большей концентрацией на позиции рабочего (или основного героя), а также с их некоторой склонностью оправдывать больше бригадира, чем рабочего.

Мы не пытались количественно определить случайные данные о восприятии отношений между бригадиром и рабочим, но из повторного анализа записей видно, что русские вкладывают в них позитивный смысл не меньше, чем американцы (с точки зрения взаимной оценки своей компетенции). Нарушение отношений после конфликта предвидится американцами не реже, чем русские: в их случае без участия каких-либо внешних сил, с точки зрения бригадира, возможно либо увольнение рабочего, либо возмущение из-за неуважения и порождение недовольства. Те из советских испытуемых, которые при обсуждении этого эпизода сравнивали отношения бригадира и рабочего «дома» и в Германии, чаще чувствовали, что русский бригадир более дружелюбен к рабочему.

Несколько дней назад я наблюдал, как немецкий рабочий и мастер работают в Английском Саду. Бригадир очень грубо оттолкнул работника в сторону. Русский бригадир никогда не будет действовать жестоко и грубо.

Согласно правилам, особенно немецким, работник должен делать так, как говорит бригадир. Но дома это действовало не так; бригадир мог согласиться с работником, что так лучше и быстрее... Здесь не предполагается, что рабочий будет думать.

В следующей таблице мы суммируем все оценочные комментарии, которые испытуемые сделали к этому эпизоду, независимо от их адресата. Таким образом, оценка «компетентность» включает отсылки как на компетенцию работника, так и на работу бригадира, и то же самое верно для оценки «инициатива, ответственность». «Авторитарные ценности» охватывают суждения, оправдывающие бригадира как начальника и подчеркивая необходимость дисциплины; «отказ от авторитаризма» состоит из негативных описаний проявлений авторитаризма бригадира; аналогичные описания своеволия работника не включены в расчеты, потому что отрицательная оценка, хотя и присутствует, но не такая четкая, как в случае бригадира. Если ее учитывать, то это подавление возмущения рабочего (выраженное почти исключительно американцами) может быть истолковано как поддающееся авторитарным ценностям.

Таблица 5

Общие оценки

Оценки	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Компетентность	46 (58%)	29 (43%)
Личная инициатива, ответственность	5 (6%)	12 (18%)
Отказ от авторитаризма	8 (10%)	11 (16%)
Авторитарные ценности	21 (26%)	16 (23%)
Всего	80 (100%)	68 (100%)

Русские подчеркивают компетентность, а американцы подчеркивают (во второй и третьей категориях) самоутверждение личности, но они не сильно отличаются в принятии авторитарных ценностей, по крайней мере, не на уровне сознательного мировоззрения.

Наконец, в Таблице 6 мы суммируем все мотивационные комментарии, как оценочные, так и нейтральные, интерпретируя их в более общие психологические категории; из этой таблицы исключаются только такие двусмысленные категории, как «использование каналов коммуникации снизу-вверх» и «следование плану». Частично используемые здесь категории делятся на положительные и отрицательные оценки и нейтральные объяснения, интерпретируя аналогичное содержание как выражение той же мотивационной тенденции, независимо от мировоззренческой «надстройки». Категории были сформулированы таким образом, чтобы получить более фундаментальную мотивацию.

Таблица 6

Общие мотивы

Мотивы	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Мотивы, связанные с самоуважением (компетентность, инициатива и ответственность)	51 (46%)	41 (40%)

Мотивы, связанные с авторитаризмом (принятие начальника, дисциплина; авторитарны и бригадир)	29 (26%)	27 (26%)
Протестное самоутверждение (своеволие работника; преследование корысти)	4 (4%)	18 (17%)
Подчинение (страх у любого из героев)	27 (24%)	18 (17%)
Всего	111 (100%)	104 (100%)

Если мы интерпретируем мотивы в первой категории как указывающие на относительную свободу от озабоченности проблемой власти, а во втором – как показатель меры авторитарных установок, мы должны заключить, что обе группы не отличаются по степени базовой эмоциональной вовлеченности в эту проблему. Однако существует явная разница в мотивах и действиях тех, кто оказывается в конфликте с несправедливым авторитетом, принципиально не признавая авторитета как такового; чувства американцев разделены равномерно между протестом и подчинением, в то время как у русских подчинение, детерминированное страхом, сильно преобладает над почти отсутствующим протестом. Очевидно, что частично это отличие объясняется различием в степени серьезности угрозы, с которой сталкиваются две группы в описанной ситуации, хотя мы не можем с уверенностью предположить, что это единственный важный фактор.

Интересно сравнить данные последней таблицы с данными, касающимися действий бригадира в Эпизоде 1 (таблица 1), где у испытуемых советской группы меньше мотивационных коннотаций. Сравнивая категории таблицы 1 и таблицы 6, можно заключить, что мотивы самоуважения и самоутверждения сродни лежащим в основе поисково-кооперативного поведения; обе категории установок свободны от авторитаризма и выражают принятие индивидуальной ответственности. Отметим, что в американской группе процентная доля примерно одинакова в двух категориях данных: 40% и 48% для неавторитарных установок, 26% и 30% – для авторитарных. В отличие от этой относительной стабильности американской группы, у россиян при обсуждении действий угрожающего бригадира уменьшается процент комментариев в неавторитарной категории более чем наполовину (46% и 19%), и увеличивается процент

комментариев в авторитарной категории более чем в два раза (26% и 60%). Если предположить, что действия бригадира, описанного русскими в Эпизоде 1 (опуская их собственные мотивы и ценности), отражают, как они представляют свое поведение в подобных стрессовых ситуациях, то сравнение двух эпизодов иллюстрирует, как давление тоталитарного режима приводит к авторитарному поведению людей, у которых нет сильной внутренней потребности в таком поведении.

В заключение мы рассмотрим основные *действия* работника в Эпизоде 2, выбирая в этом случае из различных действий, упомянутых советскими испытуемым, те, которые относятся к советской реальности всякий раз, когда выбор может быть сделан именно согласно этим условиям (Таблица 7).

Таблица 7

Выводы о действиях рабочего

Действие рабочего	Количество испытуемых	
	Русские	Американцы
Рабочий поступит по-своему открыто	4	10
Рабочий притворится, что поступает как говорит бригадир, но на самом деле поступит по-своему	5	6
Рабочий поступит как предлагает бригадир и / или обратиться с предложениями к высшему руководству в обход бригадира	14	4
Рабочий поступит как предлагает бригадир	24	28
Другое – ответ не ясен или ни один из вышперечисленных	4	3
Всего	51	51

Видна примечательная инверсия между категориями 1 и 3. 20% испытуемых-американцев сообщают, что работник будет выполнять свою

задачу по-своему. Только 8% русских испытуемых считают, что работник может поступить именно так. Напротив, только 8% американцев считают, что рабочий пройдет со своим предложением в обход бригадира, а среди русских испытуемых – 27%. Как мы видели, для русского рабочего этот последний способ действий не обязательно означает неповиновение и бунт, – он институционализирован и рекомендован. Таким образом, действия рабочего отражают большее преобладание самоутверждения и протеста в американской группе.

Итак, в то время как американцы приписывали страх только рабочему, русские воспринимали рабочего и бригадира как тех, кто боится последствий ситуации, отчасти, и друг друга. Несмотря на большую покорность русских, обусловленную страхом, и большой протест американцев в борьбе с подавляющей властью, обе группы не продемонстрировали никаких различий ни в преобладании фундаментальной авторитарной мотивации, ни в мировоззренческом признании власти. Мотивы и ценности, указывающие на самоутверждение и самоуважение, были одинаково заметны в обеих группах, но в основе этого чувства собственного достоинства присутствует явное различие. У русских в основе этих чувств лежит почти исключительно компетентность в работе, американцы меньше подчеркивают этот фактор и дополняют его готовностью проявить инициативу и занять личную позицию по отношению к своим убеждениям. В то время как русские оправдывают бригадира не больше, чем американцы – тенденция была в обратном направлении, – они, как правило, более сочувствуют двум героям, чем американцы, а также распределяют «правильность» и «неправильность» более справедливо. Они приписывали меньший произвол начальнику, меньшее своеволие и непослушание – подчиненному, и, абстрагируясь от угрожающих аспектов ситуации, они с готовностью предполагали существование взаимного дружелюбия между ними.

Эпизод 3

Человек попросил своего друга написать ему рекомендательное письмо. Однако друг чувствует, что он не может честно написать положительную рекомендацию для этого человека. Он еще не решил, что делать, а человек спрашивает его, отправил ли он письмо. Что сделает и скажет друг в этой ситуации и почему?

А. Уникальные аспекты советской ситуации

«Контекстные» комментарии к этому эпизоду (41, сделанные 24 испытуемыми) наглядно демонстрируют предположение советского человека о том, что, если что-то пойдет не так, кто-то будет нести личную и политическую ответственность, независимо от того, насколько связано это или нет. Четырнадцать испытуемых упоминают, что автор рекомендательного письма может нести ответственность за неудачи или проступки человека, которого он представляет. Самозащита препятствует попаданию в такое незащищенное положение.

Он попросил меня написать для него хорошее письмо-представление, но, если его обвинят в некоторых преступлениях, я могу понести ответственность.

Он не будет писать – он испугается за себя и за свою семью.

Все те, кто дает хорошие рекомендации, могут понести ответственность за это в дальнейшем.

Американские испытуемые интерпретируют текст достаточно единообразно, рассматривая его как рекомендацию о работе, а предполагаемые недостатки того, кто запрашивает рекомендацию – как касающиеся его компетентности и его личностных характеристик. У русских это не единственная интерпретация; помимо недостатка компетентности и личных недостатков, таких как пьянство, они также думают о характеристиках человека, которые могли бы сделать написание рекомендации особенно опасным: «неблагоприятный» социальный фон; участие в преступлении; или нахождение под политическим подозрением. Иногда они интерпретируют рекомендацию как ручательство за политическую надежность друга или предполагают, что письмо попадет в партию или комсомол.

Ввиду этих опасностей и обязательств, а также потому, что в Советском Союзе все должно быть «официальным» институциональным актом, для людей не принято писать рекомендательные письма, отличные от официальных. Четверо респондентов заявляют это открыто, а некоторые другие указывают в своих обсуждениях, что ситуация, описанная в этом эпизоде, не соответствует советской действительности.

По правде говоря, такие письменные рекомендации у нас есть.... Ну, когда человек уходит [с работы], он может попросить директора об этом, или сотрудника, но не друга.

Этот пример слишком демократичен: в Советском Союзе письма с рекомендациями не пишутся частными лицами. Если кто-нибудь и писал такое когда-либо, то это было бы только в том случае, если бы он был уверен в своей собственной позиции и в позиции своего товарища; в целом, однако, такая процедура избегается.

Если кого-то принудили бы рисковать рекомендацией, заявили трое испытуемых, то они предпочли бы сделать это устно, а не в форме документа, который впоследствии может быть направлен против них.

Советский человек – в первую очередь он вообще не пишет, может быть, только по причине хорошей осведомленности о нем... И в таком случае совсем не было бы писем – только телефонный звонок.

... но не дай бог, чтобы на бумаге было что-нибудь, – для этого есть телефоны.

В явном противоречии с этим преобладающим нежеланием брать на себя ответственность даже за законную рекомендацию, несколько испытуемых указывают, что рекомендации или другая необходимая помощь могут быть получены посредством повсеместного «блата» (это выражение советского сленга означает тайные взаимодействия любого рода, основанные на личных связях или взяточничестве). Главной мотивацией для написания письма в этом случае было бы ожидание того, что если кто-то что-то сделает для другого, то он ответит взаимной услугой, если это будет необходимо. Из-за бесконечных препятствий, накладываемых сложными жизненными условиями, сложными официальными правилами и требованиями на судьбу каждого, люди должны в значительной степени зависеть от сети неофициальных контактов для достижения поставленных целей. Ложь, вовлеченная в эту взаимную помощь, ощущается как неизбежная и непорицаемая.

В Советском Союзе была настоящая торговля такими рекомендательными письмами. Возможно, они были вам не слишком близкими друзьями, но вы могли сказать ему, что он должен упомянуть в письме.

Конечно, это основано на взаимной поддержке. Вероятно, взаимная поддержка существует везде.

В наших условиях нет ничего постыдного во лжи – каждый это делает.

Написание рекомендательных писем посредством «взаимной поддержки» фактически упоминалось только двумя испытуемыми; было еще восемь упоминаний о «блате» и прямом взяточничестве, но они обычно относились к некоторым другим видам взаимодействия, таким как получение необходимых документов, или же это были общие суждения о распространенности «блата».

... Когда нас выгнали из нашего дома, я отправился к человеку, которого я знаю, к секретарю сельсовета и получил свидетельство, за которое я заплатил, что у Совета ничего не было против моего ухода из этого места. У него не было юридического права на это... но такой документ требовался везде.

... его первая мысль была бы такой: каким образом он мог бы мне помочь? Исходя из этого соображения, он позвонит и попросит нанять своего друга.

В Советском Союзе у человека все получается, если он приносит с собой «поллитра» (водки): с помощью этого все может быть решено, но без этого все будет сложно.

Он обещает, а затем не делает этого. В этом случае мы должны его подкупить. Например, когда человек в ресторане, и он в приподнятом настроении, он может написать рекомендацию для человека, который этого не заслуживает.

Несмотря на то, что было лишь несколько упоминаний «блата» как надежного решения проблемы, связанной с эпизодом, важно отметить, что представленная в нем ситуация часто вызывала эти ассоциации у советских испытуемых. Отвечавшие американцы вообще не думали о взяточничестве в связи с этим эпизодом, это была главной проблемой русских. Русские сами осознавали своеобразный характер их интерпретации, и некоторые указали, что контекст ситуации вне Советского Союза – совсем другой, и вызвал бы совсем другой комплекс мотивов в герое.

Б. Мотивационный анализ

С точки зрения мотивации, этот эпизод представляет собой ситуацию с реальным внутренним конфликтом. Вопрос о том, что сделает герой, становится вопросом о комплексе мотивов или ценностей, которые будут определять выбор его способа действий. На первый взгляд, в выборе есть две или три основных ценности: помощь другу с одной стороны, быть правдивым, или поступать по справедливости по отношению к работе или будущему работодателю – с другой. Тем не менее, многие другие личные мотивы также могут быть задействованы в выборе, особенно для русской выборки, которая воспринимает ответственность, связанную с рекомендацией друга, как то, что чревато потенциальной опасностью.

Мы подходим к проблеме мотивации главным образом посредством детального анализа прогнозируемых и / или предлагаемых действий. Хотя в ситуации есть только две основные альтернативы – выполнение или не выполнение просьбы друга – конфликт у испытуемых заставляет их изобретать множество конкретных вариаций и находить компромиссные решения. Мы насчитали не менее 12 различных предлагаемых действий или полумер, русские испытуемые сделали 86 и американцы 75 отдельных комментариев по этим категориям. Это богатство конкретных решений, многие из которых носят различный отпечаток их мотивационного происхождения, позволяет использовать описания поведения для мотивационного анализа несколько более адекватным образом, чем это можно было сделать в Эпизоде 1, особенно потому, что в этом случае описания богато снабжены оценками. При фиксации всех решений, упомянутых испытуемыми – которые для русских часто включали в себя действия, применяемые как в Советском Союзе, так и за его пределами – мы отметили все те, которые были лично одобрены испытуемым. Мы также пытались решить, с каким из всех упомянутых решений он более всего идентифицирует себя, отмечая его как основное, лично предпочтительное решение. Вместо предоставления списка частот по всем 12 категориям прогнозируемых действий мы представим их в более крупных группах. В Таблице 8 решения сгруппированы в основном с точки зрения степени отклонения или выполнения запроса друга. Первая колонка относится ко всем упомянутым решениям, третья, заключенная в скобки, – к основным предпочтительным решениям. Нижеприведенное обсуждение основано главным образом на данных по всем решениям.

Таблица 8

Межличностные установки выходцев из бывших советских граждан

Действие друга	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Открытый отказ	42 (49%) [28]	41 (55%) [30]
Завуалированный отказ	11 (13%) [6]	7 (9%) [3]
Частичное выполнение просьбы	8 (9%) [7]	7 (9%) [5]
Полное выполнение просьбы	25 (29%) [7]	20 (27%) [10]
Всего	86 (100%)	75 (100%)

Обе выборки не отличаются по той степени, в которой они выполняют просьбу друга о рекомендации, отвергая ее примерно в двух третях случаев. Они не сильно отличаются также и по степени откровенности, с которой они это делают. (В категории 2 девять россиян и три американца упоминают о возможности написания правдивой и неблагоприятной рекомендации, по-видимому, не раскрывая содержание другу, четыре американца и два россиянина упоминают, что не пишут рекомендации вообще и не будут лгать другу об этом). Однако, разница в личном восприятии этих двух способов испытуемыми гораздо более выражена. Из случаев откровенного отказа, упомянутого американцами: 88% одобряются ими; а россиянами одобрены только 71%. Завуалированное отклонение просьбы одобрено россиянами в 55% случаев, американцами – ни разу.

Между двумя выборками нет различий в отношении к частичной и полной реализации просьбы друга. Первая (категория 3) относится к случаям ни к чему необязывающего письма и случаев написания правдивого письма, с ознакомлением друга с письмом и объяснением его квалификации, и этот последний ход действий был в основном одобрен испытуемыми обеих групп. Вторая реализация просьбы (категория 4) состоит в том, чтобы писать ложно или скромно, против своих убеждений; из этих случаев менее половины (около 45%) одобрены в обеих группах.

Данные в таблице 9 указывают на высокую степень сходства между двумя группами как по общим, так и по предпочтительным вариантам решения, но мы не уверены, что мотивы, лежащие в основе предпочтений, одинаковы для обеих. В попытке выявить некоторые возможные различия более четко, мы

перегруппировали данные по общим решениям двумя разными способами. В первой группе мы собрали все конкретные решения, которые касались лжи и уклончивости либо по отношению к работодателю, либо к другу. Помимо категории «завуалированного отказа» и «полного выполнения просьбы», эта группа включает в себя некоторые подкатегории в двух других группах, таких как предоставление аргументов для отказа или для того, что письмо еще не написано, а также написание ни к чему не обязывающего расплывчатого письма. Среди русских показателей 50% высказываний относятся к этой категории, а 42% из них одобрены испытуемым; по американским показателям 38% всех комментариев связаны с ложью или уклончивостью, и 34% от этого числа одобрены. Русские явно более готовы, чем американцы, преступать через правду в этой ситуации, как по отношению к работодателю, так и другу, и они также чаще одобряют эту тактику.

Таблица 9

Мотивы предполагаемых действий

Мотивы	Количество испытуемых	
	Русские	Американцы
Дружба, симпатия к человеку	3 (6%)	9 (18%)
Честность как принципы поведения	9 (18%)	21 (41%)
Самозащита, страх репрессий	20 (40%)	8 (16%)
Другие мотивы; или несколько мотивов одного веса, или мотивы не ясны	19 (36%)	13 (25%)
Всего	51 (100%)	51 (100%)

В другой группе мы объединили все те решения, которые связаны с оказанием некоторой помощи другу. Она включает в себя, помимо случаев выполнения просьбы и ознакомления друга с письмом, давая объяснения, также и случаи отказа писать рекомендацию, заменяя ее предложением о помощи в какой-либо иной форме, например, помогая другу преодолеть его недостатки или найти более подходящую работу. В показателях у русских 43% от общего числа ответов приходится на эту категорию, у американцев – 32%; в этом

случае оценка этого способа действий не показывает той же разницы, как в том, что американцы одобряют полезные действия даже больше, чем русские (в 58% и в 51% случаев соответственно). Во всяком случае, русские предстают такими, что они помогают другу несколько чаще, чем американцы.

До сих пор наши обсуждения основывались на предлагаемых решениях или на лично предпочтительных, и эти данные дали лишь незначительные различия между этими двумя группами. Если по данным русских респондентов мы по возможности выберем решения, помещенные в *советский* контекст, и классифицируем все ответы в терминах предпочтительной причины, даваемой (или подразумеваемой) для обоснования предлагаемых действий, мы получаем совершенно другую картину.

Решение, принятое в советских условиях, очень часто определяется самозащитными мотивами. В этой ситуации ни желание помочь другу, ни желание сохранить свою честность не могут получить приоритет. Довольно часто проблема для человека становится решением вопроса о том, является ли более опасным брать на себя ответственность за рекомендацию или рисковать получить возмездие в дальнейшем, или, по крайней мере, потерять потенциальную поддержку такого же рода от друга. Для американцев конфликт заключается в выборе между честностью и дружбой, или желанием не портить отношения с друзьями. На мировоззренческом уровне они решаются ими достаточно равномерно в пользу честности – это принятое и одобренное решение. Испытуемые утверждают, что они не будут писать рекомендацию против своих убеждений и, как сказал один из них: «... и если это означает, что прекрасная дружба уйдет, значит – это прекрасная ушедшая дружба». Данное мировоззренческое решение показывает, что испытуемый не слишком заботится о конфликте: об этом свидетельствует высокий процент (25%) случаев нечеткой амбивалентной мотивации; и то, что распределение предпочтительных решений американцев не слишком сильно отличается от распределения в русской группе, которое содержит довольно высокую долю уступчивости и компромиссных решений (таблица 8), а также значительное ожидание разрыва отношений с другом. Но на мировоззренческом уровне, по крайней мере, обязанность друзьям явно проигрывает ценности личного достоинства.

Испытуемые из СССР сами понимают, что конфликт имеет разное личное значение в советских и западных условиях; четверо испытуемых высказывают это определенно. Один из них указывает на высокую оценку честности на Западе, в то же время отвергая ее как неподдельную.

Западная Европа не хочет лгать кому-либо – он честный по-буржуазному – он просто молчит. У него нет мужества, чтобы полностью отказаться, обратить своего друга в своего врага. Советский человек – в первую очередь он вообще не писал бы – или писал бы, как думает, – [лгать] было бы опасно.

Трое других испытуемых, говоря меньше о западных европейцах, чем о западных условиях, указывают на конфликт как на столкновение дружбы и долга, но предполагают, что дружба будет побеждать.

Дружба будет преобладать над чувством долга. Здесь идет борьба между дружбой и долгом. Там [в Советском Союзе] этого не существует – друг не пишет рекомендательные письма. Здесь же я всегда мог бы помочь приятелю.

В этой последней цитате испытуемый фактически не дает никаких доказательств полного понимания конфликта между честностью и дружбой, предполагая, что при устранении внешней угрозы он, естественно, поможет другу.

Таким образом, в этом эпизоде, как и в Эпизоде 1, наличие внешней угрозы в советской ситуации затруднило сравнение основных мотивов двух групп, особенно потому, что русские часто отвергали ситуацию как нереалистичную или понимали ее как имеющую политические последствия. Внутри советской интерпретации основным мотивом, проявившимся у респондентов, была самозащита против опасностей, и он был гораздо более серьезным, чем мягкое воздействие на положение и репутацию героев, которое иногда ожидали американцы. В материале есть некоторые указания – хотя и недостаточные для формулирования выводов – что в ситуации, свободной от угрозы, русские будут уделять меньше внимания ценности личной честности, которая преобладала у американцев, и больше внимания уделять помощи друзьям, и в их реальной мотивации, и на уровне мировоззрения.

Эпизод 4

Один человек чувствует, что люди разговаривают о нем за его спиной. Несколько раз случилось так, что, когда он входил в комнату, люди переставали говорить или, казалось, меняли тему разговора. И сейчас, снова, когда он подходит к группе знакомых, разговор внезапно прекращается. Что сделает этот человек в этой ситуации и почему?

А. Уникальные аспекты советской ситуации

Этот эпизод оказался мощным стимулом для пробуждения воспоминаний о ситуациях, ведущих к страху и дурным предчувствиям в Советском Союзе. В отличие от американцев, которые видели ситуацию безвредной, даже если это было неприятно, 23 из советских испытуемых (в общей сложности 37 высказываний) считали, что это означает серьезную потенциальную опасность для героя. Из конкретных толкований этой опасности наиболее часто упоминается политическая подозрительность (11 раз). Групповое молчание обычно интерпретируется как прекращение разговора о надвигающихся репрессиях против героя, либо как отказ от его присутствия, что также может заставить их подозревать.

Он упакует вещи и уедет завтра! Если я не член партии, и разговор прекращается, когда я подхожу, то, даже если я ни в чем не замешан, только тот факт, что я не пролетарского происхождения, заставляет меня нервничать. Я подумаю, что кто-то, должно быть, начал распускать обо мне слухи.

Несколько испытуемых указывают на возможное происхождение угрозы, лежащей в какой-то фактической ошибке или проступке, совершенной героем, не на политическом поступке самом по себе, а на том, что может быть истолковано таким образом, например, ссоры с начальником или ошибкой в работе.

Если он допустил ошибку на производстве – если он повредил свой станок – и его товарищи знают, что он находится под следствием, но не говорят ему об этом. Вот как я анализирую эту ситуацию относительно Советского Союза – там за поврежденный станок дается тюрьма за саботаж.

Чаще всего (5 раз), если ситуация не указана, как такая, когда герой находится под политическим подозрением, она просто описывается как связанная с опасностью репрессий без указания причины.

В Советском Союзе он бы молчал, он бы боялся и ждал что его арестуют. Это обычная история перед арестом.

Из всех эпизодов этот является единственным, в котором чаще всего упоминается НКВД (тайная полиция), а также его агенты и доносчики (17 раз). Это упоминание часто является частью картины надвигающейся опасности; или же оно заложено в общем обсуждении преобладающей атмосферы небезопасности и общего недоверия.

Каждый из нас чувствует: если люди говорят, значит точно обо мне. Если кто-то смотрит на тебя, ты думаешь об этом же. Нужно бояться; НКВД придет, каждый думает, что они придут за ним.

Во всех приведенных примерах испытуемый интерпретировал ситуацию как показатель опасности для героя эпизода, человека, который заметил, что разговоры прекратились в его присутствии. Это, однако, не всегда было так. Данный эпизод вызвал воспоминания о многих ситуациях, когда группа людей замолкала при приближении начальника или члена партии, или кого-то, кого они подозревали в том, что он был агентом НКВД. Испытуемые упоминали группы солдат, которым было запрещено собираться на переговоры, и прекращали разговор при приближении офицера или политического комиссара; группы работников, которые рассказывают антисоветские шутки и прекращают при приближении начальника; или семейную группу, избегающую выражения своих реальных мнений в присутствии члена семьи, состоящего в партии.

Мы сразу меняли тему (в присутствии моего брата-коммуниста). Другие братья презирали его; даже в присутствии его детей мы не говорили открыто.

Этот человек был бы полон подозрений и страхов. Он попытался бы выяснить причины. Он должен знать, какие могут быть причины; либо он – сексот (секретный агент), либо он не сексот.

Эта инверсия ролей, которая превращает героя в преследователя, а ведущую группу – в потенциальную жертву, в русской группе достаточно часто принималась во внимание при интерпретации психологических результатов, в частности, поскольку сравнительного повторения ситуации никогда не происходило в американской группе. В русской выборке этому повторению способствует тот факт, что страх перед доносчиками является широко распространенной причиной сдержанности советских людей; поэтому первая

цитата, приведенная в этом эпизоде, указывает, что член партии может ожидать, что люди прекратят свои разговоры в его присутствии.

Б. Мотивационный анализ

Основное различие в интерпретации данной двусмысленной ситуации заключается в том, чтобы увидеть описанное событие (разговор и его прекращение) либо как *не имеющее отношения* к герою, и тогда поднимается вопрос безразличия к нему, либо как *имеющее отношение лично к нему* и вызывающее его беспокойство. Отношения к герою практически всегда рассматриваются испытуемыми как нечто отрицательное или, по крайней мере, имеющее некоторые негативные аспекты. Получено мало комментариев касательно положительного отношения; так, испытуемый предполагал, например, что группа изменила тему разговора, зная, что то, о чем они говорили, привлекло бы нового участника в разговор. Примеры такого рода были отнесены к категории «Ситуация безотносительна», потому что в их эмоциональных выражениях они ближе к ней, чем к альтернативной.

Русские дали 91 интерпретирующее высказывание, американцы – 67. Подсчитав все интерпретации, независимо от значения, данного каждому испытуемым, 27% русских и 37% американских комментариев относятся к категории *безотносительной ситуации*. Если брать только основные интерпретации, то в ответах 27% русских и 42% американских испытуемых преобладает взгляд на ситуацию как на неактуальную или безвредную для героя. Таким образом, русские относительно чаще, чем американцы, рассматривают это событие как имеющее отношение к герою.

Однако мы отмечаем, что точно такое же число (25) испытуемых в каждой группе рассматривает хотя бы возможность ситуации, не имеющей отношение к герою, хотя это не всегда является «выигрышной» интерпретацией. Если бы подозрительное отношение русских было глубоко укоренившимся и всепроникающим, можно было бы ожидать, что это приведет к более исключительному доминированию идей наличия отношения к себе. Некоторые испытуемые проводят различие между интерпретацией ситуации в Советском Союзе и за ее пределами, четко указывая на то, что отношение недоверия не распространяется на них.

Здесь, если я не понимаю, что они говорят, я прошу их это повторить, рассказать мне то, что сказал начальник. Вероятно, они говорят о работе. (А если они промолчат?) Я бы ничего не подумал или ничего не сделал: пусть они хранят свои секреты, они меня не касаются.

В категории *безотносительной ситуации* есть некоторые качественные различия в ответах двух групп. Американцы чаще, чем русские, используют формулировку, позволяющую рассматривать ситуацию не как факт, а как продукт воображения героя («Один человек чувствует, что...»). Когда они это делают, они обычно не идентифицируют себя с героем, но считают его закомплексованным человеком, у которого есть комплекс преследования (8 раз). Они используют специальные термины, такие как паранойя, и предсказывают, что герой скоро окажется в кабинете психиатра. Русские редко задают вопрос о наблюдательности героя как таковой; скорее они чувствуют, что смысл наблюдаемого явления может быть неактуальным, безвредным или даже позитивным. Они ставят себя в ситуацию героя больше и рассматривают различные возможные интерпретации, в том числе безотносительность: изменение темы могло быть совпадением, или они, возможно, обсуждали свои личные дела. Специальный термин (мания преследования) использовался только одним испытуемым, который также был единственным, кто вынес суждение о герое как о психически нездоровом человеке. Несколько других испытуемых давали объяснение в терминах психологических механизмов, двое из которых обращались к концепции психической патологии, но ни один из них не показал потерю сопереживательной идентификации с героем.

Я мог бы подумать: возможно, это просто показалось мне таким, возможно, это просто мое воображение. Существует такая повышенная чувствительность, которая делает из мух слонов.

На самом деле разговор может быть о чем-то еще, но вы просто ощущаете это чувство, потому что всегда этого боитесь.

Такие мысли могут возникнуть, если его отношения с людьми не очень хорошие, или если он болезненно боится, что сам он недостаточно хорош.

Вы были бы полны страха и беспокойства (и попытайтесь уволиться с работы)... и затем можете узнать, что разговор был об идее дать вам премию. Сейчас я смеюсь, но это трагедия.

Такие замечания указывают на то, что испытуемые имеют некоторое представление о механизмах, порождающих недоверие и неправильное толкование внутри себя. С другой стороны, те из американских ответов, в которых испытуемый отделяет себя от героя, заведомо объявляя его

параноиком, возможно, содержат лишь рациональное знание. Испытуемый фактически дает две интерпретации ситуации, приписывая идеи наличия отношения к герою и объективности к себе. Такое обращение с ситуацией становится возможным благодаря психологической изоэтрности, которой не хватает русским, но в некоторых случаях это интеллектуальное понимание может быть использовано для маскировки собственных тенденций к недоверию другим. Некоторые американские ответы, похоже, попадают в эту последнюю категорию; это служит подтверждением нашего вывода о том, что американцы проявляют меньшую подозрительность в интерпретации этого эпизода.

Категория «*Ситуация имеет личное отношение*» была подразделена на две части, в зависимости от того, была ли ситуация видна с точки зрения угрозы и опасности или с точки зрения вины. Эти интерпретации не являются взаимоисключающими и могут даже допускать друг друга, как когда воспринимаемая угроза представляет собой наказание за вину или критику за проступок. Однако, как правило, один из двух аспектов подчеркивается больше, чем другой. Когда упоминались оба, мы фиксировали оба, обозначая преобладающий, когда это было возможно. Учитывая все комментарии (66 у русских, 42 у американцев), мы можем отметить одинаковое равномерное распределение по двум подкатегориям в обеих группах (в русской: угроза – 34, чувство вины – 32, в американской: угроза – 22, чувство вины – 20). Что касается основных интерпретаций, то в обеих группах озадаченность угрозой сочетается с виной, а соотношение составляет 3:2 для русских, 4:3 для американцев.

Однако ни «угроза», ни «чувство вины» не имеют одинакового содержания в обеих группах. Практически все ответы американцев в категории *угроз* подразумевают, что люди говорили что-то неприятное о герое: сплетничали, критиковали или высмеивали его; или что – испытывая неприязнь к нему – они не хотели, чтобы он присоединился к их группе. Их суждения обычно не предполагали, что эта ситуация приведет к каким-либо плохим последствиям для героя, кроме простого знания или подозрения с его стороны, что его критикуют или не недолюбливают. Испытуемые изображали героя как обеспокоенного, озадаченного и встревоженного, но не испуганного. Среди ответов русских в этой категории по крайней мере одна четвертая упоминала некоторую серьезную опасность, обычно исходящую не от группы, а «сверху», при наличии которой поведение группы было всего лишь симптомом. Эмоциональный отклик героя, описанный русскими, варьировался от беспокойства и тревоги, интенсивного страха и озабоченности, до полной паники.

В категории *чувства вины* русские чаще всего думали о возможности предать друзей, о том, что герой был агентом, который уже совершил донос или намеревался донести на других (13 раз). Реже они проявляли озабоченность виной, либо тем, что герой был невиновен (8 раз), либо вменяя ему небольшую вину или проступок (9 раз). Американцы, демонстрировавшие явно эти идеи, дали практически все свои ответы по этой последней подкатегории мелких проступков (16 раз из 20). Однако даже в этой общей категории наблюдались некоторые качественные различия в ответах двух групп. Русские предположили – сознательно или нет – что, герой не относился к своим друзьям честно; он, возможно, вызвал их неприязнь, например, тем, что не посоветовался с коллегами о разделении работы или не заплатил всем за выпивку в свою очередь. Американцы нередко, казалось, чувствовали, что предполагаемое отстранение группы относится не к конкретному поступку героя, а вызвано его некоторой личной характеристикой. Они высказали несколько полушутливых фраз относительно неприятного запаха от героя, и часто неявно подразумевали, что присутствует некоторый личный недостаток, однако не указывали какой именно. Эти ответы, по-видимому, отражают скорее распространенные ощущения собственной неполноценности, чем какое-либо явное беспокойство в связи с определенной виной.

Мы уже упоминали, что русские порой больше отождествляли себя с группой, чем с индивидуумом, приводя примеры из личного опыта, которые относились к позиции группы, а не к герою. Мы связали это явление с прошлым опытом испытуемых, когда они, будучи членами группы, возможно, избегали разговоров в присутствии начальника или члена партии. Однако инверсия – которая никогда не происходила в американской выборке – также может быть выражением тенденции русских испытуемых распределять свое сочувствие между героями и выступать выражением чувства принадлежности к группе друзей. Это последнее чувство было выражено русскими, когда они изредка высказывали мнение, что герой попытался бы решить ситуацию, если бы эти люди были его близкими друзьями или товарищами, и что ему не нужно сильно беспокоиться, если они просто знакомые.

Перейдем теперь к обсуждению предполагаемых или прогнозируемых *действий*. Одинаковое количество комментариев о возможных решениях было сделано обеими группами (70 и 69), что свидетельствует о сопоставимой степени озабоченности ситуацией. Одинаковое количество испытуемых (20) в каждой группе либо выступало в пользу того, чтобы герой *ничего не делал*, либо подразумевало этот способ как реальную возможность; они рассматривали такой способ либо как логическое следствие его безразличия,

либо чувствовали, что он ничего не мог сделать в данной ситуации в целях получения какой-либо выгоды. У русских герой, который чувствовал, что ничего не может сделать, часто описывается как живущий в состоянии большой напряженности и страха. В обеих группах примерно одинаковое количество комментариев (10 и 9) выражают *ответное* намерение. В большинстве случаев возмездие заключается в том, что человек, в свою очередь, отстраняется от своих друзей; относительно русских эта категория также включает в себя некоторые случаи решительного ответного действия, как, например, когда герой доносит на группу как на подозрительную или – будучи выше по иерархии – выносит выговор тем, кого он поймал за разговорами о нем в уничижительной манере. Однако едва кто-либо из испытуемых в любой группе выскажет свое основное предсказание или рекомендацию в плане возмездия. Небольшая, исключительно «советская» категория – это попытка *избежать* ожидаемой опасности, будь то физически или путем поиска защиты (6 комментариев). Испуганный герой пакует вещи и сбегает, чтобы избежать ареста; или же он может попытаться подкупить мелких чиновников в надежде избежать преследования.

Основная часть комментариев (67% в каждой группе) связана с *прояснением* ситуации. Три четверти испытуемых в каждой группе прямо указывают на желание и возможность выяснить, в чем заключается суть происходящего; 35 русских и 28 американцев делают «выяснение» первой и главной заботой героя. Были упомянуты два основных метода получения информации: прямой и косвенный. *Прямой* состоит в том, чтобы немедленно и прямо спросить группу о том, о чем они говорили, или о том, почему разговор был прекращен, герой открыто выражает свое ощущение, что они могли говорить о нем. В другом варианте он спрашивает их, почему они испытывают неприязнь или недоверие к нему. В *косвенном* подходе герой избегает постановки прямого вопроса группе; чаще всего позже он ищет кого-то из членов группы, с которым он дружит, и просит его рассказать об этом. Иногда он планирует подслушивать или использовать какой-то другой окольный метод. Из 47 комментариев русских в категории «выяснение» 27 (или 57%) предлагают использовать прямой подход; из 44 комментариев американцев только 17 (39%) относятся к этой подкатегории; разница еще более видна, если учесть только ведущие прогнозы или предложения (60% и 32%). Это довольно неожиданное открытие с учетом того факта, что в русском материале содержатся примеры серьезной вины героя в отношении группы, а также в связи с попустительством русских в отношении лжи и уклончивости, которое было продемонстрировано в Эпизоде 3. Иногда испытуемые относят прямой

подход к нормальным условиям, а косвенный – к условиям жизни в Советском Союзе, где они не посмели бы напрямую разобраться в проблеме.

Последняя категория предполагаемых действий относится к *решению проблемы*. Об этом чаще говорят американцы, чем русские (16 и 10 комментариев, 6 и 4 из них являются ведущими решениями), а конкретные методы решения проблемы показывают разницу между этими двумя группами. Русские обычно решают ее, предлагая герою узнать причину проблемы, а затем, если виноват он, все исправить или попросить прощения. Американцы очень часто считают, что герой может исправить ситуацию, анализируя самого себя, а затем пытаясь исправить недостатки, которые он обнаруживает; иногда они указывают на то, что герою не нужно пытаться проверять свои выводы, общаясь с другими, что самосовершенствование – это его собственный проект от начала и до конца. Русские почти не предлагают этот способ действий. Данное различие в методе решения проблемы, вероятно, связано с различием, которое демонстрируют выборки в их представлениях о вине героя. Русские, которые считают, что вина вменена другим, позволяют герою разрешить проблему с помощью межличностного поступка; американцы, которые придерживаются концепции некоторой личной неадекватности, вызывающей неприязнь других, прибегают к более автономной программе самосовершенствования.

Таким образом, в интерпретации этой неоднозначной ситуации русские были более склонны, чем американцы, проецировать в нее личные негативные смыслы. Однако, учитывая тот факт, что в контексте советской системе описываемая ситуация имеет очень угрожающие коннотации и вызывает воспоминания о сильном страхе, различие между этими двумя группами оказалось недостаточно большим, чтобы указать на какие-либо различия в основных эмоциональных установках. С одной стороны, русские более охотно выделяли угрожающие смыслы в ситуации, с другой – они также, казалось, имели некоторое представление о том, что их собственные чувства могут выступать фактором подобной интерпретации; американцы, хотя и были более беспристрастными, предоставили больше примеров того, что они отрицают собственное чувство недоверия, заменяя его интеллектуализацией.

Обе группы не имели различий в соотношении количества экстрапунитивных и интрапунитивных установок, о чем свидетельствует сходное распределение показателей беспокойства о внешней угрозе и собственной вине. Тем не менее, у групп наблюдалось некоторое качественное различие по обоим видам установок. Русские были либо обеспокоены угрозой их безопасности, либо подрывом их отношений с определенной группой

(друзей или коллег), с которыми они себя идентифицировали; они понимали вину как предательство друзей или несправедливость по отношению к ним, и они предлагали восстановление отношений путем разъяснения ситуации с ними и исправления ошибок; они показали определенное предпочтение прямого обращения к группе и открытого обсуждения проблемы. Американцы, казалось, проявляли более размытую озабоченность общественным мнением как таковым, чьей-то неприязнью к ним из-за некоторых нежелательных личных качеств.

Эпизод 5

На заводе, где работает один человек, все работники недовольны из-за увеличения требуемых темпов производства и решают организовать забастовку; но для того, чтобы она достигла успеха, все работники должны принять в ней участие. Однако этот человек считает, что данная жалоба не оправдана, что требуемый уровень не слишком высок. Его друзья просят его присоединиться к ним. Что он будет делать и почему?

А. Уникальные аспекты советской ситуации

Этот эпизод произвел самое большое количество комментариев относительно советских условий: 75 суждений, сделанных 36 испытуемыми. Описанная ситуация была достаточно единообразно обозначена испытуемыми как выходящая за рамки действительности; они считали, что рабочие советского завода не могут собраться вместе и прекратить работать. Главная причина этого – суровое наказание, к которому приведет обвинение в саботаже; 21 испытуемый высказались в таком ключе открыто. Шпионаж и доносительство упоминались в этой связи 13 раз; в половине случаев это приписывалось НКВД, и почти так же часто об этом говорили в общих чертах; тем не менее, двое испытуемых рассматривали такую возможность, что один работник донесет на других.

В Советском Союзе этот человек может даже подумать, что его проверяют провокаторы, и в целях самосохранения он донесет на них.

Эта конкретная интерпретация призвана подчеркнуть и то, насколько фантастической такая просьба будет казаться советскому рабочему, и то, как легко все может быть истолковано как ловушка, приготовленная секретной полицией, чтобы получить что-то от человека. Чаще всего отдельный работник, не разделяющий позицию группы, рассматривается скорее как стахановец, а не

как доносчик; было получено 15 комментариев о стахановцах, которые обычно обсуждались как карьеристы и выскочки, лишённые сочувствия к своим коллегам.

В моем сознании всегда был вопрос, откуда появляются эти стахановцы, эти выскочки...

Если он найдет способ продвинуть свою работу вперед, он не упустит возможности использовать это, и государственная система защитит его – он не представляет опасности.

Его рассматривали бы как выскочку, он подвергался бы осуждению напрямую и за его спиной, но в наших условиях с ним ничего нельзя было бы сделать.

Стахановцы часто упоминались в связи со второй причиной, на которой основывалось мнение, что на советском заводе такая ситуация невозможна, а именно – неизменность нормы работы. Стахановцы воспринимаются как устанавливающие нормы (8 комментариев), и, будучи установленными однажды, нормы не могут быть снижены из-за протеста рабочих.

Когда дается норма, рабочие не обсуждают, можно ли это выполнить или нет, но только то, какими средствами это может быть выполнено.

Невозможно снизить норму; она установлена заранее; вы можете только сократить время.

Из 10 испытуемых, которые обсуждали проблему изменения норматива работы, 8 считали, что любая попытка рабочих снизить норму обречена на провал, не говоря уже о методах, которые могут быть использованы для этого; двое испытуемых считали, что принципиально невозможно снизить норму, по крайней мере, предложенным путем.

Рабочие не имеют права организовывать забастовку, и они этого не сделают. Если норма слишком высока, и если все это выскажут, комиссия проведем проверку – сделает расчеты и снизит норму.

Практически во всех обсуждениях подразумевается, что рабочая ситуация – это вопрос между рабочим и государством. Кроме того, несколько испытуемых (7) прямо высказывают это. Некоторые из них описывают государственную пропаганду, преследующую эту цель, которая использует, например, опасность окружения иностранными державами в качестве стимула для повышения производства; или они подчеркивают необходимость того, чтобы работник учитывал интересы народа, поскольку на него может повлиять забастовка. Один испытуемый считает, что действия рабочих при любых обстоятельствах будут определяться характером их отношения к государству. Это – необычное утверждение, в котором говорится о большей свободе для рабочего действовать на основе его чувств и убеждений, чем, по мнению большинства, было бы совместимо с его безопасностью. Приведенная ниже цитата является типичной реакцией русской выборки на данную ситуацию.

Подобная ситуация не могла произойти на советском производстве. Ты не сможешь этого сделать. Они никогда не будут разговаривать об этом. Всех обвинят в саботаже, все будут привлечены к суду и расстреляны... Даже мысль о том, чтобы собраться вместе, была бы невозможна.

Б. Мотивационный анализ

Этот эпизод изображает четкий конфликт между человеком и группой, членом которой он является. Хотя русские часто отвергали конкретное содержание ситуации как невозможной в Советском Союзе, тем не менее они продемонстрировали сильное участие в данной проблеме. Это отражено в их оценках «общей эмпатии», которые учитывают степень сочувствия к каждой из двух сторон.

Категория «сильное сочувствие» включает всех тех испытуемых, которые полностью сочувствуют обеим сторонам, и тех, кто полностью сопереживает одной, слабо – другой; в эту категорию попали 24 русских и 12 американцев. «Средняя эмпатия» относится к случаям полного сочувствия только одному герою или слабой к обеим сторонам (19 русских, 33 американца); эмпатия «слабая» у тех, кто не сочувствует ни одной из сторон, либо слабо какой-то одной (7 русских, 5 американцев). Таким образом, общий показатель сопереживания героям этого эпизода у русских сильнее, чем у американцев. Если объединить «среднюю» и «слабую» категории в одну, различие между группами достоверно при уровне значимости 0,05.

Прежде чем рассматривать показатели эмпатии в обеих группах, мы обсудим предсказанные *результаты* конфликта. Поскольку русские часто

заявляли, что вся ситуация нереалистична в советской системе, они иногда отказывались предсказывать результат; в 12 русских и в 3 американских случаях результат был классифицирован как неопределенный. Чтобы оценить выводы о результатах ситуации, мы должны рассмотреть различия в восприятии двумя группами *внешних источников власти* в ситуации. Для русских таковым является только один – режим, который в данном конфликте откровенно встает на сторону группы. Для американцев существует два источника: менеджмент и профсоюзы, первый из которых рассматривается как потенциальный источник поддержки для рабочего, второй – для группы. Профсоюзы упоминались американцами в этом смысле более часто и подчеркнуто, чем руководство. Таким образом, в той мере, в какой русские комментарии о ходе конфликта основывались на советских условиях (что верно не во всех случаях), все шансы – не в пользу группы, что не соответствует американскому восприятию ситуации. Исходя из этих властных раскладок, можно было ожидать, что герой будет чаще выигрывать в предсказаниях русских, чем американцев. Результаты, однако, не подтверждают этого ожидания. Прогнозы этих двух выборок показывают небольшую разницу; обе предпочитают группу чаще, чем героя (у русских распределение прогнозов – 27 к 12, у американцев – 31 к 17), и эта тенденция находится в направлении, противоположном ожидаемому.

Мы должны предположить, что, помимо любого внешнего давления, русские придают большее значение группе как таковой, по отношению к ее членам, как с точки зрения власти, так и с точки зрения какой-то другой личностной важности для человека. У нас есть четыре показателя, с помощью которых данная гипотеза может быть проверена и детализирована: (а) взаимосвязь категорий «согласия» и «перетягивания на свою сторону», используемых при описании результатов, (б) данные о распределении эмпатии, (в) общая оценка позиции индивида и группы, и (г) конкретные мотивы, приписываемые индивиду в ситуации.

Хотя большинство русских и американцев предсказывают результат в пользу группы, есть выраженное различие в их восприятии путей достижения этого результата: у русских преобладает *согласие*, «перетягивание на свою сторону» у американцев. В общем, в данном эпизоде отношение «перетягивания» к «согласию» намного выше у американцев (их показатель – 42 к 6, у русских – 23 к 16), что предполагает, что русские признают существование большей гармонии между героями.

Они демонстрируют более равномерное распределение показателей эмпатии между героями, чем американцы: 25 русских и 14 американцев

сочувствовали как рабочему, так и группе, в то время как остальные в каждой выборке соперевживали кому-то одному или ни одному из них. Это различие достоверно при уровне значимости 0,05. Большинство испытуемых обеих групп соперевживали отдельному работнику, который является главным действующим лицом этого эпизода, но американцы делали это еще чаще, чем русские: 9 русских и только 1 американец не сочувствовали герою. С другой стороны, русские сочувствовали группе в два раза чаще, чем американцы (31 русский, 15 американцев), различие достоверно при уровне значимости 0,01. Объединив эти данные, мы видим, что русские сочувствовали группе лишь немного реже, чем индивиду; среди американцев эмпатия к индивиду была более чем в три раза чаще, чем к группе.

Обращаясь к *оценке*, мы обнаруживаем, что русские указывают причины одобрения позиции работника лишь наполовину так же часто, как и американцы (15 русских, 29 американцев). С другой стороны, русские одобряют позицию группы почти в четыре раза чаще, чем американцы (36 русских, 8 американцев).

Рассмотрение относительной оценки позиции группы и индивида каждым испытуемым подтверждает эти результаты: 31 русский и 5 американцев считают более правильной позицию группы, чем индивида. Русские также имеют более равномерное распределение показателей «правильности»: 9 русских и 4 американца считают, что некоторая степень правоты присутствует на стороне группы; из этого числа 4 русских и 2 американца считают позиции правильными и у группы, и у индивида. Русские в этом эпизоде также более открыты в своих оценках и реже, чем американцы, воздерживаются от оценок (8 русских, 17 американцев). Очевидно, что описанная ситуация включает в себя личные ценности, к которым они чувствуют определенную привязанность.

Исследование *мотивов* в данном эпизоде осуществляется наиболее легко, подразделяя мотивы индивида на те, которые заставляют его сопротивляться или уступать желаниям группы. Русские сделали 148 комментариев, американцы – в общей сложности 134. Мы представим результаты с точки зрения всех упоминаний отдельного мотива, независимо от того, какой акцент сделан на него испытуемым, и укажем мотивы, которые были одобрены или отклонены испытуемыми. Отдельное рассмотрение ведущих, подчеркиваемых мотивов не изменяет картину.

Таблица 10 четко показывает, что для русских основные мотивы сопротивления группе вызваны внешней угрозой, т.е. они фактически не имеют связи с отношениями с группой. Из оставшихся мотивов более половины – мотивы, где испытуемые в основном не одобряют, т.е. личная выгода и

отсутствие желания удовлетворить потребности других (в этом контексте упоминаются стахановцы). Для американцев основным мотивом является самоутверждение личности, которое преимущественно одобряется как позиция собственного достоинства для честного поведения, собственных суждений или полноценного осуществления своих способностей. При объединении мотивов 72% всех мотивов сопротивления группе, упомянутых американцами, попадают в категории (1 и 2), которые мировоззренчески одобрены ими; только 20% мотивов, упомянутых русскими, попадают в группу одобренных мотивов.

Таблица 10

Мотивы сопротивления группе у рабочего

Мотивы	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Долг, приверженность к производству, послушание	10 (11%)	15 (25%)
Личное убеждение, честь	8 (9%)	28 (47%)
Упорство, самоволие	1 (1%)	5 (8%)
Отсутствие желания удовлетворить потребностей других	11 (12%)	6 (10%)
Личная выгода	12 (13%)	4 (7%)
Страх репрессий со стороны начальства	20 (24%)	2 (3%)
Бесполезность группового плана	26 (30%)	--
Всего	88 (100%)	60 (100%)

Различия в мотивах уступки группе (таблица 11) еще более поразительны, чем различия в мотивах сопротивления. Основная часть мотивов у русских (70%) относится к категориям, которые выражают идентификацию или положительное отношение к группе либо по факту, либо эмоционально. Испытуемые либо просто указывают на большинство, для которого важны дело или норма работы, либо говорят о позиции и потребностях тех членов группы, которые не могут выполнить норму, или в некоторых случаях просто поддаются чувствам группы и заявляют, что нормы слишком высоки, игнорируя позицию индивида в эпизоде. Формулировки, выбранные

испытуемыми, в большинстве случаев не оставляют сомнений в том, что они полностью согласны с этими мотивами, хотя мало кто их обсуждает в конкретных мировоззренческих терминах. Ниже приведены некоторые репрезентативные цитаты:

Он должен присоединиться к группе. Ведь именно большинство обращается к нему. Он единственный, кто чувствует, что возможно выполнить норму, вероятно, у других нет физической способности выдержать это.

Если бы это был я, я бы уступил большинству товарищей, из таких соображений: их большинство, почему бы не согласиться.

[Если он не может дотянуть их до своего уровня], он должен согласиться, чтобы размер заработной платы других не был снижен по его вине.

В нормальных условиях, конечно, он уступил бы воле рабочих: чувство общности, товарищества очень сильное.

Таблица 11

Мотивы уступки группе у рабочего

Мотивы	Количество комментариев	
	Русские	Американцы
Большинство всегда решает	18 (30%)	7 (9%)
Приверженность группе, дружба, симпатия	24 (40%)	5 (7%)
Социальное давление, страх изоляции или враждебности	9 (15%)	26 (35%)
Бесполезность сопротивления (власть профсоюзов)	--	15 (20%)
Страх репрессий со стороны группы	4 (7%)	10 (14%)
Личная выгода	5 (8%)	11 (15%)
Всего	60 (100%)	74 (100%)

В американской группе большинство мотивов (69%) попадают в категории (3, 4, 5), которые выражают негативную и неодобрительную зависимость от группы: в основном конфликтный страх отчуждения и изоляции, а иногда и прямой страх физического возмездия. Это единственные данные среди всех эпизодов, в которых американская группа превосходит русских в показателях мотивации страха. Установка американцев к этим мотивам в основном нейтральная: они даются в описательных терминах, скорее, как объяснения, а не как обоснования решений героя. Однако всякий раз, когда оценка выражается, она всегда отрицательная, осуждающая эти мотивы как указание на личную слабость и отсутствие собственного достоинства. Это говорит о том, что нейтральное описание может также охватывать негативные или амбивалентные и противоречивые отношения. Для многих характерны следующие цитаты:

Речь идет о человеческой чести... если он считает, что это неправильно, и не принимает этого, он не будет так поступать. Но черт возьми, под социальным давлением он, вероятно, поддастся. Это тот случай, когда один против всех.

Он не хочет ссориться со своими коллегами, и он также не хочет конфликтовать с компанией. Другие люди, возможно, живут по-другому, думают по-другому и действуют иначе, чем он, и его отношения с ними сильно напряжены... Он, в конце концов, согласится с ними, я думаю ... он, вероятно, недостаточно силен, чтобы быть независимым.

Это типичные, а не самые категоричные выражения такого рода. Для американцев, как представляется, группа является безличной принудительную силой, от которой зависит герой, но частью которой он не является. Русские иногда могут мировоззренчески превозносить «коллектив», но гораздо чаще они, похоже, думают о группе как о людях, с которыми они связаны, чьи проблемы они разделяют, и с которыми они могут легко достичь понимания. В случае разногласий они не ожидают такого разрушения отношений, как американцы, и проявляют меньше беспокойства по поводу последствий. (Интересно отметить, что те из русских испытуемых, которые получили низкие баллы по «авторитаризму», по результатам прохождения Калифорнийских проективных опросников, показывают более сильную идентификацию с группой, чем те, которые получили высокие баллы, а в американской группе это соотношение выглядит обратным образом).

Таким образом, данный эпизод показывает наиболее четкие различия между этими двумя группами. Чувства русских касательно взаимоотношений индивида и группы настолько показательны, что их можно легко установить под искажающим влиянием особых советских условий. Они сочувствуют группе гораздо сильнее, чем американцы, и сочувствуют гораздо более подлинным и позитивным образом. Американцы считают, что группа выступает принудительной силой, которая нападает на человека и лишает его силы и достоинства: либо угрозой, либо страхом изоляции и отвержения у самого индивида. Американцы прямо утверждают, что человек выступает против группы, в то время как русские признают принадлежность к группе как на эмоциональной, так и на мировоззренческой основе.

Выводы и обсуждение результатов

Данное исследование обращается к стилям и моделям межличностных отношений среди русских перемещенных граждан, что определялось полупроективной методикой обсуждения вымышленных межличностных «Эпизодов» и сопоставления ответов русских и равноценной американской выборки. Пять эпизодов касались внесемейных ситуаций, в основном тех, которые возникают в контексте работы. Спонтанные отсылки к *советским условиям*, сделанные русскими испытуемыми, наглядно изображают повседневную жизнь в условиях тоталитарного режима, причем каждый эпизод подчеркивает различные аспекты, несмотря на достаточное совпадение. Эпизод, касающийся забастовки (Эпизод 5), показывает невозможность для рабочих организовать или каким-либо образом повлиять на установление норм работы. Эпизод, который сфокусирован на тяжелом положении бригадира (Эпизод 1), отмечает судебное преследование за неудачу в работе и описывает процессы разрешения трудностей, используемые в промышленной среде, с большим упором на убеждение и локализацию вины. Инцидент, связанный с конфликтом рабочего и бригадира (Эпизод 3), описывает некоторые положительные особенности производственной организации, а именно предоставление рабочим возможности серьезно изучить их технические предложения с экспертами, минуя их непосредственное начальство; однако преимущества прямой линии связи с высшим руководством перевешиваются напряженностью и препятствиями, создаваемыми жалобами и отчетностью, и эта инициатива тормозится из-за больших рисков, связанных с ответственностью за любые нововведения. Опасность ответственности является центральной темой эпизода, связанного с написанием рекомендации другу (Эпизод 3), с необходимостью использовать неформальные и незаконные

способы достижения цели, дополняющие общую ситуацию. Тема всеобщего надзора и доносительства проходит нитью через обсуждения всех эпизодов, но последнее особенно подчеркивается в ситуации, касающейся неразговорчивости, которую человек наблюдает у своих друзей (Эпизод 4). Три «производственных» эпизода являются самыми результативными по комментариям, касающимся советских условий, но во всех пяти эпизодах каждый второй среди русских испытуемых видит такие факторы в ситуации, которые сильно отличаются от таковых в обсуждениях американцев.

Если попытаться сформулировать *центральную тему* обсуждений советских условий в данных 5 эпизодах, то можно считать, что ею является опасность для человека, возникающая в различных ситуациях работы и жизни, потому что данные ситуации рассматриваются режимом как имеющее политический смысл: любые частные действия отдельных лиц, будь то преднамеренные или непреднамеренные, могут быть истолкованы как самовольный подрыв режима, и, как таковые, строго наказываются.

Репрессивные аспекты советской жизни, порождающие страх, входили как движущие факторы в обсуждение всех эпизодов со стороны русских испытуемых; страх и недоверие, которые они вызывали, имели тенденцию исказить или затмевать внутреннюю межличностную мотивацию герою. В производственных эпизодах только малая часть русских испытуемых смогла рассмотреть и решить межличностный конфликт без упоминания постоянно присутствующего третьего участника: руководства, партии или НКВД, в качестве представителей угрозы и принуждения от режима. Это соответствовало лишь в несколько меньшей степени для двух нерабочих ситуаций: характер обоих из них таков, что связь с практиками режима была легко установлена русскими. В трех производственных ситуациях присутствовало некоторое различие в той легкости, с которой ориентированная на режим мотивация была отделена от межличностной в чувствах испытуемого; наиболее легко это было сделать, когда ни один из участников не имел официальных полномочий (Эпизод 5), и труднее, когда один из них обладал властью (Эпизод 2), и почти невозможно, когда представителем власти в эпизоде был единственный герой (Эпизод 1).

Если спонтанные упоминания приведенных выше советских факторов можно считать действительными отражениями реальности, мы должны сделать вывод о том, что во внесемейных и особенно в рабочих ситуациях, небольшое количество личных взаимодействий кажется невосприимчивым к влияниям и угрозам режима, и что эти влияния становятся очень сильными, когда

некоторые из людей, вовлеченных во взаимодействие, обладают определенной степенью официальной власти.

Обращаясь к выводам относительно *мотивационных тенденций*, интересно отметить, что наиболее четкие различия между русскими и американскими испытуемыми – это *не те*, которые могут быть объяснены различиями в контексте ситуации, воспринимаемой двумя выборками. Данные явные различия проявляются в Эпизоде 5, в котором рассматривается конфликт между отдельным работником и группой равных ему, группой, частью которой он является. В этом эпизоде практически все сравнения соответствующих переменных показывали различия между выборками, которые были статистически значимыми и дополнялись психологически непротиворечивой и осмысленной картиной. Большинство русских проявляло стойкое *чувство принадлежности* к группе, понимание потребностей и чувств других людей и высокую положительную оценку этой принадлежности, как эмоциональной, так и мировоззренческой. По сравнению с американцами они не проявляли сильного чувства слабости или беспомощности по отношению к группе или не слишком беспокоились о потере или разрушении отношений, т.е. казалось, что у них была определенная степень уверенности в себе и группе. Они не переживали уступки группе как потерю личной свободы, как это делали американцы. Если обобщить результаты данного эпизода, можно сказать, что, по сравнению с американцами, русские не чувствуют себя вынужденными защищать свою индивидуальное достоинство от группы. Дилемма, с которой американцы боролись в этом эпизоде – будь то сохранить свою личное достоинство и быть изолированным, или уступить группе ради принадлежности к ней, – не казалась такой значительной для русских.

Другие эпизоды, особенно те, в которых участвуют равные герои, предоставляют некоторые подтверждающие доказательства этого обобщения. Обсуждая конфликт между личной честью и дружбой (Эпизод 3), американцы сделали определенный, хотя и несколько непростой, выбор в пользу чести; у выходцев из СССР ситуация была размыта насущной необходимостью самозащиты, но были некоторые признаки того, что в отсутствие угрозы дружба может чаще перевешивать честь и, возможно, с меньшей вероятностью конфликта, чем это наблюдается у американцев. В неоднозначной ситуации, когда герой исключен из группового разговора (эпизод 4), русские, вспоминая свой советский опыт, чаще видят в ситуации личные и угрожающие осложнения, чем американцы; однако они указывали на свое чувство принадлежности к группе в случайных инверсиях идентификации и в стремлении увидеть угрозу как исходящую не от группы как таковой. Когда

они воспринимали ситуацию как подрыв отношений между индивидом и группой, они были готовы переложить незначительную или даже большую вину – предательство – на индивида, но они проявляли меньше беспокойства отстранением от группы из-за личной неприязни, чем это наблюдалось у американцев. Они предпочли обращение ко всей группе и быть открытыми в поисках разъяснений и были менее склонными, чем американцы, исправлять ситуацию путем самоанализа и самосовершенствования, проводимых в стороне от других.

Показатели сильной принадлежности русских к их окружающей среде можно почерпнуть также из эпизодов, которые не сосредоточены на отношениях между равными. В данной серии эпизодов, как и в той, которая касалась семейных ситуаций, русские не проявляли сильную тенденцию сосредоточивать свой интерес на личности главного героя, а также ярко воссоздавать чувства и мотивы других участников, как это демонстрировали американцы. Эта тенденция отражается в их более сильной или более спонтанно выраженной «полной эмпатии» к героям, и особенно в более высоких соотношениях эмпатии между ними. Кроме того, всякий раз, когда оба героя изображаются в эпизоде как находящиеся в конфликте, у русских распределение положительных и отрицательных оценок между ними получалось более равномерным, чем у американцев.

Одним из факторов, порождающих данное различие, может быть склонность русских не чувствовать себя слишком связанными явными или подразумеваемыми инструкциями к тесту; они казались менее принужденными, чем американцы, ограничивать их обсуждение тем героем, чья позиция была подчеркнута в формулировке эпизода и в первом вопросе интервьюера. Это положение не может быть доказано по нашим данным, но это предположение согласуется с опытом всех интервьюеров из Гарвардского проекта, которые считали необходимым разработать специальные методы, чтобы русские респонденты смогли проанализировать темы, которые они пытались исследовать. Тем не менее, остается существенным, что, предположительно, следуя своим собственным наклонностям в более свободной манере, чем американцы, русские включали позицию второго героя в тот список тем, о которых они хотели говорить; и по-прежнему стоит попытаться объяснить это предпочтение с точки зрения их межличностных установок. Мы предполагаем, чтобы более высокие показатели эмпатии можно рассматривать как еще одно выражение сильной связи личности с другими, что было показано в Эпизоде 5. Не чувствуя большой угрозы со стороны других и рассматривая их с точки зрения положительного удовлетворения желаний, человек свободен и сильно

мотивирован воспринимать других в своей уникальности и индивидуальности и реагировать на них различными эмоциональными способами.

В особой области *отношения к власти* мы нашли меньше мировоззренческих и мотивационных различий между двумя группами, чем в области межличностных отношений в целом. Что касается крайних проявлений авторитарной установки, пропагандирующей беспрекословное повиновение начальству, не было никаких различий между выборками. Некоторые из русских испытуемых, придерживавшихся такого мнения, использовали более сильные выражения, чем американцы, но их охват в обеих группах был одинаково низким. Обсуждая конфликт рабочего и бригадира, американцы, проявляя меньше интереса к бригадиру как к человеку, на самом деле склонны оправдывать его позицию в большей степени, чем русские. Рассказывая о действиях начальника, который находился под давлением, русские приписывали ему гораздо более дисциплинарное поведение, чем американцы, но они не проявляли личной идентификации с этими действиями, рассматривая их в основном как реакцию на угрозу сверху. Что касается данных из этих эпизодов, то русские не показали ни большей идеализации представителей власти, ни личного предпочтения авторитарного или манипулятивного стиля поведения, чем американцы.

Более выраженными являются различия в восприятии чувств и действий подчиненных. И русские, и американцы приписывают им примерно одинаковый уровень чувств, выражающих подлинную самооценку. Тем не менее, русские проявили большую уступчивость авторитету, которая была в значительной степени мотивирована страхом, и отсутствие открытого личного самоутверждения и мятежности, которые американцы продемонстрировали в нескольких ситуациях. Эти различия в подходах не приводили к такой же разнице в поведении и прогнозируемых результатах, как следовало ожидать, отчасти потому, что в мятежном настроении американцев была какая-то двойственность. Это было особенно поразительно в эпизоде с участием группы, которую американцы, казалось, испытывали как угрожающую и насильственную власть, но которой они уступали чаще, несмотря на внутренний протест. Тем не менее, остается фактом, что американцы часто были готовы открыто противостоять действительной власти, в то время как русские, не принимая или оправдывая ее в большей степени, склонны либо уступать ей в страхе, либо пытаться найти безопасные способы ее избегания.

Мы не будем пытаться решить, в какой степени более сильная мотивация страха, проявленная русскими в «эпизодах», является прямым следствием их отличающейся интерпретации ситуации и в какой степени она является или

стала постоянным личностным фактором, и определяет их поведение по отношению к авторитету. Если мы примем последнее, мы должны ожидать, что русские будут всегда более послушными, чем американцы, в отношении репрессивной власти. Однако было бы неоправданно делать вывод о том, что лично и внутренне они более зависимы от проблемы власти, чем американцы: и склонность к страху русских, и мятежность американцев могут быть в равной степени восприняты как признаки такой зависимости. С другой стороны, ни одна из этих характеристик не является показателем специфически авторитарной структуры личности: подчинение, основанное на сознательном страхе, не сильно отличается от откровенной мятежности. Данные эпизодов не дают никаких материалов, которые бы указывали на большую частоту авторитарных черт характера в одной или в другой национальной группе.

Оценивая результаты этого исследования, мы должны учитывать, что материал, предоставленный методикой «эпизодов», относится не только к бессознательным фантазиям и глубоко подавленным чувствам, поэтому данное исследование не является вкладом в «глубинную психологию» русских. Также наши данные не дают достаточных оснований для формулирования гипотетического хода развития личности у русских и концепции влияющих на нее факторов. Значение этого исследования заключается в описании личностных взаимодействий и мотивов, лежащих в их основе, которые воспринимаются и оцениваются в основном самими испытуемыми, т.е. данное исследование является вкладом в описание, а не в объяснение генезиса «русской личности».

В заключение мы хотели бы напомнить читателям, что те различия, которые возникли между двумя национальными группами и на которых мы основываем наши обобщения, являются вопросами степени выраженности и часто незначительной степени. Более того, хотя наших данных недостаточно для доказательства этого тезиса, никакие различия не являются очевидными в таких существенных личностных факторах, как уровень агрессии или привязанности, или экстра-и интрапунитивности, несмотря на некоторые наши поиски. Эти ограниченные результаты, основанные на тщательном сравнении данных, полученных относительно контролируемым образом, могут служить индикатором степени и количества межгрупповых различий, которые возникают при изучении различных «национальных характеров». Они могут служить полезным «противоядием» для борьбы с тенденцией спешного наброска подобных закономерностей экстраординарными и нереалистично преувеличенными способами. С точки зрения практических применений, значимый контекст подобных чувств и взглядов, разделяемых исследуемыми

национальными группами, сам по себе должен быть обнадеживающим: нет оснований полагать, что любое понимание друг друга двумя странами становится невозможным с помощью какого-то решающего различия в характере самих людей, что будто бы делает их разными видами. Однако это соображение не является основанием для отрицания или минимизации тех немногих реальных различий, которые возникают на этом фоне сходства, поскольку существование различий как таковых не должно быть препятствием для взаимопонимания. Возможно, мы сможем извлечь некоторую поддержку из того факта, что те отличительные характеристики русских, наиболее четко проявившиеся в настоящем исследовании, могут скорее способствовать, чем препятствовать установлению межличностных контактов, несмотря на давление, осуществляемое тоталитарным государством.

Борис Сайдис: забытые и обретенные имена в психологии

Жарова Дарья Викторовна

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия*

e-mail: zharodar@yandex.ru

Батыршина Альфия Робертовна

Международный инновационный университет, Сочи, Россия

e-mail: arb.71@mail.ru

Колышкина Елизавета Васильевна

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия*

e-mail: laiza_zi@mail.ru

Аннотация. В русскоязычных источниках имеются лишь краткие, обрывочные сведения о Борисе Сайдисе. В англоязычных источниках он известен как «русский революционер», еврейский эмигрант, почетный член Американского психопатологического общества, Американской психологической ассоциации и Американского института уголовного права и криминологии, редактор журналов «Неврология и психопатология» и «Патопсихология». Борис Сайдис известен своими исследованиями в различных областях медицины, психологии и психотерапии. Борис Сайдис родился в 1867 г. в Российской империи, а умер в 1923 г. в США (г. Портсмут, штат Нью-Гемпшир), куда эмигрировал в 1887 г. В статье частично восстановлена биография Бориса Сайдиса, раскрыты его научные интересы, представлены основные труды в период с 1898 по 1922 гг.

Ключевые слова: историко-психологическое исследование, Борис Сайдис, биография, научные труды.

Boris Sidis: forgotten and discovered names in psychology

Zharova Darya Victorovna

Nizhny Novgorod State Pedagogical University of K. Minin, Russia

e-mail: zharodar@yandex.ru

Batyrshina Alfiya Robertovna
Sochi State University, Sochi, Russia
e-mail: arb.71@mail.ru

Kolyshkina Elizaveta Vasilievna
Nizhny Novgorod State Pedagogical University of K. Minin, Russia
e-mail: laiza_zi@mail.ru

Abstract. In Russian sources, there are only brief scraps of information about Boris Sidis. In English sources it is known as the «Russian revolutionary» Jewish immigrant, honorary member of the American Psychopathological Society, American Psychological Association and American Institute of Criminal Law and Criminology, as an editor of the journals «Neurology and Psychopathology» and «Psychopathology». Boris Sidis is known for his research in the various fields of medicine, psychology and psychotherapy. Boris Sidis was born in 1867 in the Russian Empire, and died in 1923 (USA, Portsmouth, New Hampshire), where he had emigrated in 1887. The authors partially restored biography of Boris Sidis, disclosed his research interests, present the main works in the period from 1898 to 1922.

Keywords: historical psychological study, Boris Sidis, biography, scientific works.

В современной психологической науке, несмотря на увеличение числа историко-психологических исследований, все же мало исследуется психологическое наследие зарубежных ученых. В частности, практически неизвестно имя пионера патопсихологии, выдающегося ученого и ученика Уильяма Джеймса, выходца из России – Бориса Сайдиса (в некоторых русскоязычных источниках можно встретить написание фамилии Сидис). Изучение научного наследия и биографии Бориса Сайдиса способствует осознанию ценности идей и открытий ученого, чье имя сегодня незаслуженно забыто. В данной статье нами предпринята попытка восстановления биографии и описания направлений исследований Б. Сайдиса, тем самым, мы попытались восполнить пробел в информации о нем в русскоязычных источниках [2, С. 45].

Рис. 1. Борис Сайдис (Boris Sidis) (1912)

***William Ambrose Dudley Short,**
1895 *1917
Boris Sidis, c. l.; A.M. 1895; Ph.D.
(Philos.) 1897; M.D. 1908
Macy Millmore Skinner, s. c. l.;
Semitic; A.M. 1895; Ph.D.
(Philol.) 1897; Assoc. Prof.
German, Leland Stanford Jr.
1911-1914

Рис. 2. Информация о Борисе Сайдисе из Каталога выпускников Гарвардского Университета, 1910 [7, С. 371]

Борис Сайдис родился 12 октября 1867 г. (по другим источникам 6 мая 1968 г.) [11] в городе Бердичев Российской империи. Родители: Моисей и Мария Сайдис (в девичестве Мармор). До 17 лет обучением Бориса занимался отец в домашних условиях. Борис знал несколько иностранных языков, хорошо разбирался в истории и политике, писал стихи, проявлял интерес к преподавательской деятельности.

1884 г. В 17 лет Б. Сайдиса отправили на обучение в Кишинев, где он был арестован по политическим мотивам вместе с несколькими другими студентами (есть предположение, что причиной ареста стало обучение крестьян чтению). Избежав ссылки в Сибирь, Бориса приговорили к двум годам одиночного

заклучения, с дальнейшим изменением приговора на домашний арест [5, С. 152-153].

В 1887 г., в связи увеличением числа погромов среди еврейского населения на Украине, Борис эмигрировал в Нью-Йорк. Отсутствие связей и средств к существованию, вынудило его устроиться работать на фабрику по производству шляп, а в свободное время давать уроки английского языка для мигрантов за доллар в неделю.

В 1891 г. состоялась судьбоносная для Б. Сайдиса встреча – с его будущей женой Сарой Мандельбаум, которая и стала инициатором его обучения в Гарварде.

В 1892 г. он начал обучение в Гарвардском университете, а через три года, в 1895 гг., получил степень магистра (А.М.), и в 1897 году – докторскую степень (Ph.D.) [5, С. 371].

С 1896 по 1901 гг. Б. Сайдис работал специалистом по психологии и психопатологии в Патологическом институте при Нью-йоркском госпитале [11].

1 апреля 1898 г. у семьи Сайдис родился первенец – сын Уильям, который был назван в честь выдающегося психолога Уильяма Джеймса, крестного отца мальчика, друга и наставника Бориса Сайдиса. В этом же год вышла и первая книга Б. Сайдиса «The psychology of suggestion. A research into the subconscious nature of man and society» (1898), где автор систематизировал свои исследования по психологии внушения. Предисловие к первой работе Б. Сайдиса написал сам У. Джеймс, указывая, что этот труд выделяется своей оригинальностью и широтой охвата и он, несомненно, «получит признание от читателей со всего мира...кто интересуется проблемой внушения» [16, С. vi].

После реорганизации и закрытия Патологического института (1901 г.), Борис Сайдис переехал в Бруклин, где продолжил свою научную работу [4, С. 88-93]. В 1901 г. его назначили директором психопатологической лаборатории при госпитале для женщин и детей.

В 1902 гг. он выпустил книгу «Psychopathological Researches, Studies in Mental Dissociation», где систематизировал исследования, проведенные за время работы в лаборатории.

Начиная с 1904 по 1909 гг. Б. Сайдис изучает медицину в Гарвардской медицинской школе, параллельно занимаясь частной психотерапевтической практикой и продолжая научные исследования. В этот период было опубликовано одно из важнейших его исследований в области психопатологии («Studies in Psychopathology»), где он раскрывает свою теорию резервной энергии как нереализованных потенциальных возможностей личности [11].

В 1906 г. при поддержке American Psychological Association и American Psychopathological Association выходит в свет первый номер журнала по проблемам психопатологии «The Journal of Abnormal Psychology», одним из редакторов которого был Б. Сайдис. Уже в первом номере журнала Б. Сайдис опубликовал две статьи: «Hypnotic Hallucinations» и «Hypnotic Hallucinations, are they Simulations?» [1].

В 1908 г. Б. Сайдис получает степень доктора медицины Гарвардской медицинской школы (M.D. Harvard Medical School) [1].

В 1909 г. Нью-Гемпшире Б. Сайдисом был открыт первый «Психотерапевтический институт Сайдиса», в котором он работал в течение 14 лет до своей смерти [11]. Будучи полностью поглощенный своей работой в Психотерапевтическом институте и исследованиями, Б. Сайдис не брал учеников, которые бы могли развивать его теории и идеи [11].

Сфера научных интересов Б. Сайдис была весьма разнообразной: от изучения психологических аспектов смеха до проблем социальной психологии (проблемы внушения, причины девиантного поведения личности и группы, вопросы изучения поведения личности в толпе и т.д.) и патопсихологии [1].

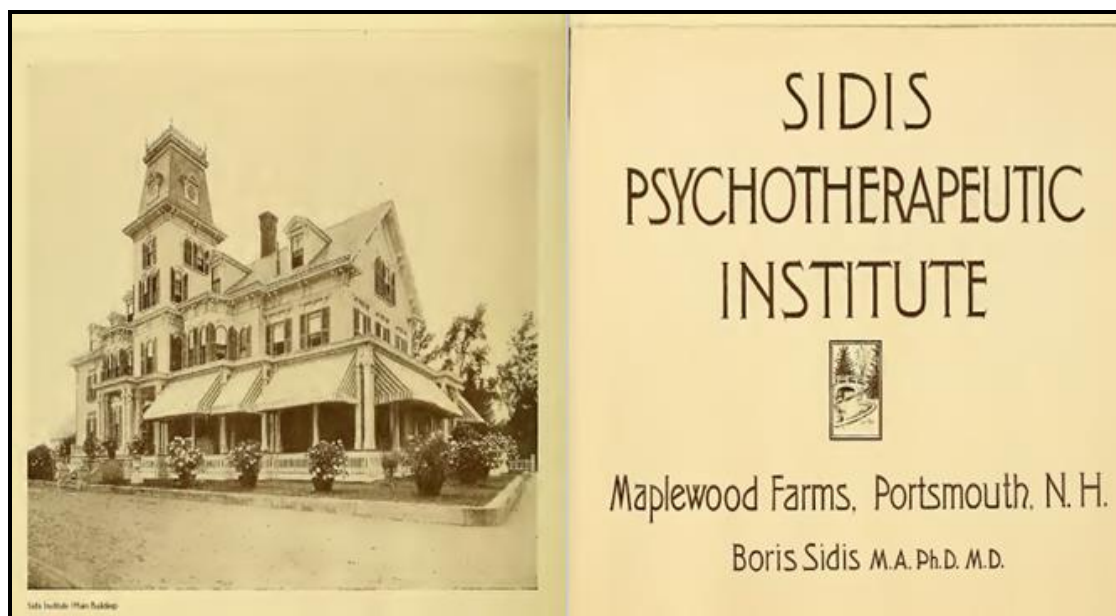

Рис. 3. Брошюра с описание Психотерапевтического института Сайдиса

В период с 1898 по 1922 гг. Б. Сайдис, не считая многочисленных статей в журналах, опубликовал следующие книги: The psychology of suggestion; a research into the subconscious nature of man and society (1898), Psychopathological researches; studies in mental dissociation, with text figures and ten plates (1902), Multiple personality: an experimental investigation into the nature of human individuality (1905), Studies in psychopathology (1907), An experimental study of

sleep : from the Physiological Laboratory of the Harvard Medical School and from Sidis' Laboratory (1908), Psychopathological researches; studies in mental dissociation (1908), Philistine and genius (1911), The Psychology of Laughter (1913), The foundations of normal and abnormal psychology (1914), Symptomatology, psychognosis, and diagnosis of psychopathic diseases (1914), The causation and treatment of psychopathic diseases (1916), The source and aim of human progress (1919), Nervous Ills: Their Cause and Cure (1922) [1].

Борис Сайдис скончался 24 октября 1923 г. в Портсмуте в Нью-Гемпшире в возрасте 56 лет. При этом, согласно одним источникам, причиной смерти стало кровоизлияние в мозг [11], а по другим источникам причиной смерти стал старый недуг, приобретенный им еще в период студенчества во время тюремного заключения в России [5, С. 152-153].

Можно с уверенностью сказать, что научный мир во многом обязан исследованиям Бориса Сайдиса за его открытия в области природы и возможностей человеческой личности, за исследование глубин человеческого бессознательного [1]. Полученные ученым результаты, бесспорно, имеют широкое практического применение, и мы считаем справедливым отдать должное тому вкладу, который внес Б. Сайдис как в психологию, так и в психотерапию.

Список литературы

1. Жарова Д.В., Батыршина А.Р. Борис Сайдис: забытые имена в психологии // Вестник Мининского университета. 2017. № 2.
URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/350>
2. Мещеряков Б.Г. Из истории первых экспериментальных доказательств существования второго Я // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна» Dubna Psychological Journal. 2015. № 2. С. 43-51.
3. Boris Sidis. Biographical Sketches (Courtesy: H. S. L. Harry S. Linenthal). URL: http://www.berdichev.org/boris_sidis.htm
4. Bruce H.A. The Riddle of Personality. New York, Moffat Yard, 1915, Pages 318.
5. Dictionary of American Biography. V.17. Charles Scribner's Sons, New York. 1943. 658 p.
6. Dr. Sidis - a Russian Revolutionist.
URL: <http://www.sidis.net/americanmagazine2.htm>
7. In Harvard Alumni Association's Quinquennial Catalogue, 1910. P. 371.

8. Psychological Bulletin, The Review publishing company 41 North Queen St., Lancaster, PA., and Baltimore, MD. Volume VII, 1910. P. 75.
9. Sidis B. An Experimental Study of Sleep. Publisher Badger, 1908. 123 p.
10. Sidis B. Multiple personality: an experimental investigation into the nature of human individuality. New York: D. Appleton and Company, 1905. 500 p.
11. Sidis B. Philistine and genius. New York, Moffat, Yard, 1911. 121 p.
12. Sidis B. Psychopathological researches; studies in mental dissociation, with text figures and ten plates. New York, London [etc.] G.E. Stechert, 1908. 392 p.
13. Sidis B. Studies in psychopathology. Boston, D.C. Heath & Company, 1907. 81 p.
14. Sidis B. The Psychology of Laughter. Publisher D. Appleton and Company, 1913. 319 p.
15. Sidis B. The Psychology of Laughter. Boston, R.G. Badger, 1914. 441 p.
16. Sidis B. The psychology of suggestion; a research into the subconscious nature of man and society. New York: D. Appleton, 1898.
17. Sidis Psychotherapeutic Institute: Maplewood Farms, Portsmouth, N.H. и Sidis, Boris. Portsmouth: Publisher Lynn, Mass.: Hancock Press, 1909. 28 p.

References:

1. Zharova D.V., Batyrshina A.R. Boris Sajdis: zabytye imena v psihologii // Vestnik Mininskogo universiteta. 2017. № 2.
URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/350>
2. Meshherjakov B.G. Iz istorii pervyh jeksperimental'nyh dokazatel'stv sushhestvovaniya vtorogo Ja // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna» Dubna Psychological Journal. 2015. № 2. S. 43-51.
3. Boris Sidis. Biographical Sketches (Courtesy: H. S. L. Harry S. Linenthal). URL: http://www.berdichev.org/boris_sidis.htm
4. Bruce H.A. The Riddle of Personality. New York, Moffat Yard, 1915, Pages 318.
5. Dictionary of American Biography. V.17. Charles Scribner's Sons, New York. 1943. 658 p.
6. Dr. Sidis - a Russian Revolutionist.
URL: <http://www.sidis.net/americanmagazine2.htm>
7. In Harvard Alumni Association's Quinquennial Catalogue, 1910. P. 371.
8. Psychological Bulletin, The Review publishing company 41 North Queen St., Lancaster, PA., and Baltimore, MD. Volume VII, 1910. P. 75.
9. Sidis B. An Experimental Study of Sleep. Publisher Badger, 1908. 123 p.

10. Sidis B. Multiple personality: an experimental investigation into the nature of human individuality. New York: D. Appleton and Company, 1905. 500 p.
11. Sidis B. Philistine and genius. New York, Moffat, Yard, 1911. 121 p.
12. Sidis B. Psychopathological researches; studies in mental dissociation, with text figures and ten plates. New York, London [etc.] G.E. Stechert, 1908. 392 p.
13. Sidis B. Studies in psychopathology. Boston, D.C. Heath & Company, 1907. 81 p.
14. Sidis B. The Psychology of Laughter. Publisher D. Appleton and Company, 1913. 319 p.
15. Sidis B. The Psychology of Laughter. Boston, R.G. Badger, 1914. 441 p.
16. Sidis B. The psychology of suggestion; a research into the subconscious nature of man and society. New York: D. Appleton, 1898.
17. Sidis Psychotherapeutic Institute: Maplewood Farms, Portsmouth, N.H by Sidis, Boris. Portsmouth: Publisher Lynn, Mass.: Hancock Press, 1909. 28 p.

Сведения об авторах:

Жарова Дарья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им.К.Минина (Россия)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры гуманитарных наук и сервиса Международного инновационного университета, г. Сочи (Россия)

Кольшикина Елизавета Васильевна, магистрант факультета психологии и педагогики, Нижегородский государственный педагогический университет им.К.Минина (Россия)

Вопросы психологии воли в рефератах студентов Русского педагогического института им. Коменского в Праге (к вопросу о пражской психологической школе В.В. Зеньковского)

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Плякин Илья Антонович

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Россия

e-mail: plyakin.i@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы исследования наследия российского психологического зарубежья. Отмечается дискуссионный характер данного понятия, в частности, и по той причине, что на данный момент исследований в данной области проведено недостаточное количество. Авторы статьи вводят в научный оборот новые источники изучения наследия российских психологов-эмигрантов – рефераты студентов Русского педагогического института им. Коменского (РПИ). По мнению авторов, исходя из анализа работ студентов РПИ, являющихся учениками В.В. Зеньковского, можно реконструировать взгляды выдающегося философа и психолога в различных вопросах. Рассматривается реферат по психологии воли одной из студенток (она опирается на работу Н.В. Самсонова «Психология воли» (1922)), сравниваются идеи с современниками учащейся (В.М. Экземплярский, М.Я. Басов). Обосновывается необходимость расширять исследовательское поле проблематики российского психологического зарубежья.

Ключевые слова: российское психологическое зарубежье, эмиграция, русское зарубежье, психологи-эмигранты, Русский педагогический институт им. Коменского, Зеньковский, Самсонов, рефераты, студенты, психология воли, история психологии, научная школа.

Issues of psychology of will in students' essays at Comenius Russian Pedagogical Institute in Prague (to question of V.V. Zenkovsky's Prague Psychological School)

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art);

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Plyakin Ilya Antonovich

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Russia

e-mail: plyakin.i@yandex.ru

Abstract. The article discusses the research of the legacy of the Russian abroad psychological community. The discussion character of this concept is noted, in particular, and for the reason that there is not enough research in this area at the moment. The authors turn to the scientific circulation of new sources of study of the heritage of Russian psychologists-emigrants – the essays of students of the Comenius Russian Pedagogical Institute (RPI). In the authors' opinion, the PIR students are disciples of V.V. Zenkovsky and in their work we can reconstruct the views of an outstanding philosopher and psychologist on various issues. One student's essay on the psychology of will is considered and analyzed (she used a book of N.V. Samsonov "Psychology of will" (1922)), the ideas are compared with the contemporaries of the student (V.M. Exemplyarsky, M.Ya. Basov). The necessity to expand the research field of the problems of the Russian abroad psychological community is substantiated.

Keywords: Russian abroad psychological community, emigration, Russian abroad community, emigrant psychologists, Comenius Russian Pedagogical Institute, Zenkovsky, Samsonov, essays, students, psychology of will, history of psychology, scientific school

Изучение психологической мысли в русском зарубежье первой половины XX в. является одной из наименее исследованных, и поэтому перспективных областей истории российской психологии. Само становление и кристаллизация данного понятия пока имеет дискуссионный характер, за исключением анализа идей ученых с мировых именем, которые слабо идентифицируются с термином «российское психологическое зарубежье» (например, митрополит Антоний, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, Н.А. Ганс, Т.В. Дембо, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, В.В. Кандинский, Г.М. Катков, Лу Саломе, С.Л. Франк и др.) [11; 12; 14; 15].

Понятие «российского психологического зарубежья» является составной частью понятия «российское научное зарубежье», описываемого В.П. Борисовым и М.Ю. Сорокиной [3; 13], и обозначаемого как «совокупность всех специалистов, имевших печатные труды и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, – граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом» [13, С. 84-85]. Ставя задачу обоснования данного термина, исследовательской области и группы ученых, мы считаем, что под понятием «российское психологическое зарубежье» необходимо понимать группу психологов, философов и других мыслителей, разрабатывающих психологические вопросы, которые родились / жили в Российской империи / СССР / России, но покинувшие страну, а также писавшие на русском языке. Выделение данной области позволит рассматривать в конкретной стране эмиграции и в конкретный период разработанные психологами идеи с точки зрения влияния новых факторов на этот процесс (например, психологической традицией страны эмиграции, если ученый встроился в сообщество, личными обстоятельствами и др.); также возможен учет направлений психологической мысли, которые существовали до Октябрьской революции 1917 г. и «эмигрировали» в месте отъездом и высылкой ученых-психологов после нее [10].

В нашей работе ставится задача введения в научный оборот новой категории научных документов в область изучения российского психологического зарубежья [7] – рефератов студентов [9]. В качестве материала мы будем использовать рефераты по психологии студентов Русского педагогического института им. Я.А. Коменского (РПИ) в Праге. Как известно, в нем преподавали такие психологи, как В.В. Зеньковский, И.И. Лапшин и Н.О. Лосский []. Зеньковский читал лекции по многим психологическим дисциплинам: общая психология, детская психология, педагогическая психология и др. По своим предметам он задавал студентам написать реферат на определенные темы, и, по нашему мнению, через работы его учеников можно обозначить основную проблематику психологической школы пражского периода Зеньковского. Анализируя студенческие рефераты, можно реконструировать ту методологию, которой придерживался и сам мыслитель. Однако оговоримся: конечно, то, что написано в реферате студента не является прямой позицией Зеньковского (т.к. его концепция изложена в изданных лекциях по психологии, которые он читал в РПИ), однако, то, что задавался

реферат конкретной книги конкретного автора, позволяет нам предположить, что описанные положения разделялись и Зеньковским [8].

В данной статье мы рассмотрим один из рефератов по вопросам психологии воли [2]. Помимо самой студенческой работы, мы укажем биографию студента, известную на момент обучения в РПИ. Мы считаем, что эта информация может служить не только отсылкой к жизненному пути учащегося, но и памятью: имена студентов совсем забыты, потеряны не только научным сообществом, но, возможно, и их близкими. Будем надеяться, что эти строки послужат не только научным изысканием, но сохранением культурной и человеческой памяти.

Данильченко Надежда Александровна (1894, Екатеринослав – ?) – окончила Екатеринославскую женскую гимназию (1914), работала учительницей в Екатеринославском начальном училище (1914-1919), студентка РПИ (поступила 17 ноября 1923 г.) [4].

Ею был написан реферат на тему «Психология воли» [5], опираясь на работу «Психология воли» Николая Васильевича Самсонова (ум. между 1920/1922), философа-неокантианца, переводчика). Необходимо отметить, что биографических и научных сведений о Н.В. Самсонове на данный момент достаточно мало (неизвестны даже годы его жизни) [16; 17], поэтому рассмотрение психологической концепции воли, изложенной в реферате, откроет новых последователей идей Н.В. Самсонова. Перейдем к положениям реферата.

Н.А. Данильченко различает в душевной жизни три обширные области переживаний – центральную (чувствование), центростремительную (познание) и центробежную (воля) [5, Л. 1]. Воля обозначается «деятельностью живого существа, стремлением его выразить, проявить себя» [5, Л. 1 об].

В самом простом виде воля выражается в движении; самые первые движения – произвольные, импульсивные, которые наблюдаются уже у ребенка в утробе. «Волевое движение, таким образом, предшествует ясному сознанию, произвольные движения являются первым выражением жизнедеятельности вообще» [5, Л. 2].

Другим видом движений является рефлекс. Это «двигательный разряд, наступивший вслед за раздражением без участия коры головного мозга» [5, Л. 5]. Рефлексы подразделяются на врожденные и приобретенные (автоматизмы). Рефлексы следует отличать от инстинктов: первые «направлены на благо особи, при том в данный момент», вторые же – «на благо рода, при том в будущем, преследуется благо следующих поколений» [5, Л. 6]. Инстинкт – это «сознательное (в смысле, осознаваемое) сложное движение;

побудительной причиной является смутное, неопределенное чувство, имеющее бессознательное органическое происхождение [5, Л. 6 об., 7].

Сначала Н.А. Данильченко рассматривала неосознаваемые волевые формы; говоря о сознательных, она начала с влечения: «чувствуется смутная потребность в чем-то, неудовлетворенность, но в чем именно – не дает себе отчета, как равно не знаешь средств для удовлетворения этой потребности. Но имеется налицо представление того, что повысит удовольствие или понизит неудовольствие в конкретный момент. В тех случаях, когда инстинкт наталкивается на препятствия, не находит свободного выхода: возникает влечение, и наперед образуется представление о действии, и выполнение его становится потребностью живого существа – здесь инстинкт переходит в сознательное произвольное волевое действие и сливается с ним. Итак, пока инстинктивное движение выполняется легко, оно непроизвольно, но, задерживаясь, оно превращается во влечение» [5, Л. 8-8 об.]. Далее влечение может переходить в страсть, если оно часто достигает удовлетворения и становится привычным. Если же мы хотим достигнуть чего-то, что не является сиюминутной потребностью и «не стремится немедленно перейти в действие», то такая волевая форма называется желанием.

В силу изменчивости душевной жизни, волевые проявления могут переходить одно в другое: «Желание переходит во влечение, представление, становясь более устойчивым, может стать непреодолимым влечением и перейти в действие» [5, Л. 9].

С развитием сознательности ребенка и усложнением произвольных движений, по мнению Н.А. Данильченко, в структуре действия между раздражением и движением возникает некоторый промежуток, на протяжении которого субъект переживает не только представление о цели, но и о других условиях. В этот момент возникают новые волевые явления – мотив и побуждение: «<...> с представлением цели возникают и другие представления, – о средствах к достижению ее, о следствиях, которые проистекут отсюда, – и человек начинает задумываться; побуждение или совсем задерживается или же проходит некоторое время между представлением цели и решением. При этом познавательный момент, представление цели, носит название мотива, а момент чувствования влекущего к совершению действия называется побуждением. И выдвигается в промежуток – борьба мотивов и побуждений» [5, Л. 9 об.].

Борьба мотивов при непроизвольном (неосознаваемом) действии заканчивается в пользу сильнейшего или последнего из них. Однако в сознательном состоянии субъектом выбирается тот мотив, который «согласуется с внутренней сущностью человека, его личностью и характером.

Н.А. Данильченко рассматривает еще и другие связанные с волей феномены: 1) Характер. Под характером ею понимается постоянство воли, которое исключает воздействие случайных мотивов. «Характер человека складывается из воздействий окружающей среды, из воспитания, борьбы человека с самим собой, самовоспитания, и иногда складывается и определяется относительно поздно» [5, Л. 13 об.]. И далее: «Характер по-гречески значит – борозда, черта, царапина. Жизнь бороздит нашу душу, непрерывно и неуклонно проводит в ней “черты”» [5, Л. 14]. Характер складывается на «прирожденной органической основе», которая называется темпераментом. 2) Темперамент: «как природенная унаследованная основа нашей личности, складывается из различной силы и быстроты нервного возбуждения и зависит от строения организма. <...> Темперамент нельзя выработать как характер, но надо не давать ему много воли проявляться [5, Л. 14].

Далее Н.А. Данильченко описывает патологии воли. Она выделяет несколько видов: безволие («побуждения и чувствования слишком слабы, чтобы возбудить волю»), апатия («безучастность ко всему окружающему»), неустойчивый (истерический) характер, паралич воли (исчезает самая возможность выбора, сопровождаемая действием», пример – лунатизм), наконец, случаи, когда человеком овладевают мотивы и побуждения низшего порядка (склонности к воровству и насилию).

Рассуждая о волевых проявлениях, студентка не может обойти вопрос о «свободе воли» или «свободе выбора», считая, что чувство свободы является не свободой выбора, а свободой действия, т.к., во-первых, при равных мотивах человек не может удовлетворить сразу оба фактора, а во-вторых, его выбор всегда чем-то обусловлен, и не является чистым его волеизъявлением. «Итак, в каждый момент времени, в который человек действует, он несвободен: всякий поступок несвободен, как плод дерева» [5, Л. 21].

Закljučая позиции, изложенные в реферате Н.А. Данильченко, отметим, что она считала волю самостоятельным и доминирующим проявлением душевной жизни. «<...> воля, в широком смысле слова, тождественна с самой жизнеспособностью организма, с его активностью, и поэтому воля изначально и не выводима из других сторон душевной жизни. Чувствования – не конечные показатели того, что ценно или бесценно для живого существа, они лишь временные показатели, мерил, и подлежат проверке опытом. <...> Конечной мерой ценности чего-либо для живого существа является основное устремление воли. <...> Первично – основное устремление воли, и что благоприятствует главному направлению нашей жизни, вызывает в нас чувство

удовольствия, а что задерживает его - вызывает чувство недовольства». [5, Л. 12-12 об.].

Как видно из изложения, психологические вопросы воли рассмотрены достаточно подробно. Мы хотели бы кратко сравнить их с позициями, высказанными М.Я. Басовым и В.М. Экземплярским, чьи концепции были ведущими в советской психологии того времени.

Владимир Михайлович Экземплярский (1889-1957), несомненно, является одним из выдающихся психологов; был учеником Г.И. Челпанова. Ему пришлось создавать свои труды в непростое время, а именно в начале XX в., когда было тяжело говорить о воле. В своей книге «Воспитание воли» Экземплярский отмечает, что развитие личности связано с формированием характера и воли. Эти процессы связаны между собой, подчинены разуму и обусловлены инстинктами.

Экземплярский считал, что зарождение и формирование воли заключается в прохождении пути от инстинктов до высшего проявления воли:

1. Появление стремлений и влечений, то есть формируется зародыш волевого действия;
2. Образование устойчивого выбора и эмоциональных тенденций;
3. Борьба между мимолетными импульсами и намеченной целью;
4. Появления «ясности духа»;

Он видел прямую связь между влечениями и складом характера человека.

Михаил Яковлевич Басов (1892-1931) исследовал область детской и педагогической психологии. Главной его концепцией являлось представление о человеке как об «активном деятеле в среде», это означает, что он должен активно познавать и изменять своё окружение с помощью задач или стимулов. Их решение, то есть умственный процесс, выступает как деятельность, но регулирует это воля, как процесс психической деятельности. Благодаря своей настойчивости и исследовательским навыкам, Басов заложил основы деятельностного подхода в советской психологии.

Позиции Басова и Экземплярского в целом сходны с теми, которые обосновываются в реферате Н.А. Данильченко, опирающейся на идеи Н.В. Самсонова, что говорит об относительно сходном ходе развития психологии как в Советской России, так и в российском зарубежье.

Стоит также отметить и то, что, возможно, рекомендация В.В. Зеньковского, как преподавателя, использовать работу именно Н.В. Самсонова является неслучайной: Н.В. Самсонов – выдающийся философ, культуролог и психолог дореволюционного времени, что мировоззренчески и научно было близко В.В. Зеньковскому как эмигранту и как тому, чье

дореволюционное прошлое и послереволюционная позиция противостояния большевикам ориентировали его против советской психологии как таковой (например, такая негативная установка к большевистскому / марксистскому / советскому обществу, и психологии, в частности, видна в другом реферате студента А.З. Куликова (1888-?) «Критико-библиографический обзор литературы по психологии детства в Советской России за последние десять лет», который писал: «Эти последние десять лет – время мировой и гражданской войны, результатом чего явилась новая власть, которая в корне перевернула былую Россию и начала строить ее на новых коммунистических началах. Эта перестройка коснулась и школы. Все их законы, которые нормировали жизнь старой школы, заменены новыми, а эти новые законы ведут школу вне религии, стараются воспитать новое поколение в духе существующей власти. Права и привилегии детей и юношества попорчены, да и некогда заниматься детьми, когда кругом катастрофическая разруха. В большинстве случаев, подрастающее поколение брошено на произвол судьбы – результатом чего являлись «беспризорные», наводнившие всю необъятную Матушку-Россию. До души ли ребенка в такое время? Могло-ли появиться в это время что-либо новое в литературе по психологии детства? Ребенок голоден, оборван, грязен, беспризорен... до души ребенка в такой обстановке добратся не легко, когда необходимо удовлетворить физические потребности его. Центральный Педологический Институт в Москве поставил себе задачей изучение природы ребенка по возрастному принципу. Изучается раннее детство, дошкольный возраст, школьный и юношеский. Институт вдет работы по детским играм и игрушкам, детскому творчеству, детскому чтению... Не имея опыт и опытных руководителей Институт столкнулся с непреодолимыми трудностями, не зная как вести работы по изучению детской жизни. Институт использовал труды иностранных исследователей. Своего Институт ничего не дал по психологии детства» [6, Л. 1-2].

В данной статье мы рассмотрели новый вид источника психологического знания и его применения в теоретических исследованиях – рефераты студентов. Через этот вид знания можно точнее предположить о ходе развития психологической мысли в «российском зарубежье» не только у ведущих представителей психологии в эмиграции, но и у их учеников, т.е. у второго поколения российской психологии за рубежом. Наша статья анализирует один из множества аспектов российского психологического зарубежья в Праге и пражской психологической школы В.В. Зеньковского, и обращает внимание научного сообщества на необходимость продолжения изучения данной исследовательской области.

Список литературы:

1. Басов М.Я. Общие основы педологии. М.-Л., 1928
2. Батыршина А.Р. Психология воли и волевой регуляции: библиографический указатель литературы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 720 с.
3. Борисов В.П. Истоки и формирование российского научного зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции, 1917-1940: В 2 кн. Кн. 2 / Под общ. ред. Е. П. Чельшева, Д. М. Шаховского. М. : Специализир. изд.-торг. предприятие «Наследие», 1994. С. 284-291.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5773. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. Р5773. Оп. 1. Д. 71.
6. ГАРФ. Ф. Р5773. Оп. 1. Д. 77
7. Костригин А.А. Педагогическая деятельность психологов-эмигрантов в Русском народном университете в Праге в первый год его работы (1923-1924) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 227-240.
8. Костригин А.А. Психолого-педагогическая и педологическая школа В.В.Зеньковского в Праге (на примере рефератов студентов Русского педагогического института им. Коменского) // Перспективы психологической науки и практики сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 71-74.
9. Костригин А.А. Студенческая научная деятельность в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского в Праге: работы по борьбе и коррекции детской преступности в Советской России // Наука. Мысль. № 3-1. С. 63-70.
10. Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю. Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX – начале XX вв.: определение понятий, границы направлений // Психология и Психотехника. 2016. № 9. С. 755-765.
11. Масоликова Н.Ю. К истории российского педагогического зарубежья в Великобритании: Николай Адольфович Ганс (1888–1969) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. Т. 6. С. 153-164.
12. Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2: Психологические науки: XIX -первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 124 с.

13. Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «Российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2010. С. 75-94.
14. Тихонова Э.В. Лапшин Иван Иванович: данные библиографии работ #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2015. № 1. С. 38-48.
15. Тихонова Э.В. Лапшин Иван Иванович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2015. № 1. С. 27-31.
16. Шпет Г.Г. Отзыв о работе Н.В. Самсонова «История эстетических учений». Т. I // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 3. С. 50-64.
17. Щедрина Т.Г. Николай Васильевич Самсонов и Густав Густавович Шпет (реконструкция архива эпохи) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 3. С. 39-48.
18. Экземплярский В.М. Воспитание воли (Биологические основы психотехники характера). М., 1929.

References:

1. Basov M.Ja. Obshhie osnovy pedologii. M.-L., 1928
2. Batyrshina A.R. Psihologija voli i volevoj reguljacji: bibliograficheskij ukazatel' literatury. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 720 s.
3. Borisov V.P. Istoki i formirovanie rossijskogo nauchnogo zarubezh'ja // Kul'turnoe nasledie rossijskoj jemigracii, 1917-1940: V 2 kn. Kn. 2 / Pod obshh. red. E. P. Chelysheva, D. M. Shahovskogo. M. : Specializir. izd.-torg. predpriyatie «Nasledie», 1994. S. 284-291.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R5773. Op. 1. D. 1.
5. GARF. F. R5773. Op. 1. D. 71.
6. GARF. F. R5773. Op. 1. D. 77
7. Kostrigin A.A. Pedagogicheskaja dejatel'nost' psihologov-jemigrantov v Russkom narodnom universitete v Prage v pervyj god ego raboty (1923-1924) // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 6. S. 227-240.
8. Kostrigin A.A. Psihologo-pedagogicheskaja i pedologicheskaja shkola V.V.Zen'kovskogo v Prage (na primere referatov studentov Russkogo pedagogicheskogo instituta im. Komenskogo) // Perspektivy psihologicheskoi nauki i praktiki sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. 2017. S. 71-74.
9. Kostrigin A.A. Studencheskaja nauchnaja dejatel'nost' v Russkom pedagogicheskom institute im. Ja.A. Komenskogo v Prage: raboty po bor'be i

- korrekcii detskoj prestupnosti v Sovetskoj Rossii // Nauka. Mysl'. № 3-1. S. 63-70.
10. Kostrigin A.A., Stojuhina N.Ju. Umozritel'naja i introspektivnaja psihologija v Rossii v XIX – nachale XX vv.: opredelenie ponjatij, granicy napravlenij // Psihologija i Psihotehnika. 2016. № 9. S. 755-765.
 11. Masolikova N.Ju. K istorii rossijskogo pedagogicheskogo zarubezh'ja v Velikobritanii: Nikolaj Adol'fovich Gans (1888–1969) // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicyna. 2016. T. 6. S. 153-164.
 12. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: Materialy dlja biobibliograficheskogo slovarja. Vyp. 2: Psihologicheskie nauki: XIX -pervaja polovina XX v. / Avt.-sost. N.Ju. Masolikova, M.Ju. Sorokina. M.: Dom Russkogo Zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna, 2010. 124 s.
 13. Sorokina M.Ju. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e versus russkaja nauchnaja jemigracija: k opredeleniju ob#ema i sodержanija ponjatija «Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e» // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicyna. M., 2010. S. 75-94.
 14. Tihonova Je.V. Lapshin Ivan Ivanovich: dannye bibliografii rabot #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2015. № 1. S. 38-48.
 15. Tihonova Je.V. Lapshin Ivan Ivanovich: dannye biografii #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2015. № 1. S. 27-31.
 16. Shpet G.G. Otzyv o rabote N.V. Samsonova «Istorija jesteticheskikh uchenij». T. I // Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. 2010. № 3. S. 50-64.
 17. Shhedrina T.G. Nikolaj Vasil'evich Samsonov i Gustav Gustavovich Shpet (rekonstrukcija arhiva jepohi) // Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. 2010. № 3. S. 39-48.
 18. Jekzempljarskij V.M. Vospitanie voli (Biologicheskie osnovy psihotehniki haraktera). M., 1929.

Сведения об авторах:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Москва, Россия)

Плякин Илья Антонович, студент 2 курса, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва, Россия)

От алгоритма до ландаматики: несколько эпизодов из жизни профессора Л.Н. Ланды

Мазилков Владимир Александрович

Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. В статье утверждается, что в отечественной истории психологии недостаточное внимание уделяется описанию и изучению деятельности психологов, представляющих русское зарубежье. В частности, в истории психологии необходимо исследование явных и неявных норм, регламентирующих отношение к уехавшим за рубеж: распространение информации об их деятельности, изменение этих норм в те или иные периоды времени. В статье прослеживаются основные вехи в биографии известного отечественного психолога Л.Н. Ланды: дается анализ основных направлений его исследовательской деятельности в СССР и за рубежом.

Ключевые слова: История психологии, алгоритм, Л.Н.Ланда, алгоритмизация, программированное обучение, психология, ландаматика

From algorithm to landamatics: several episodes from Professor L.N. Landa's life

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. The article states that in the Russian history of psychology insufficient attention is paid to the description and study of the activities of psychologists who represent the Russian abroad community. In particular, in the history of psychology it is necessary to study explicit and implicit norms regulating the attitude towards those who have left abroad: the dissemination of information about their activities, the change of these norms at certain periods. The article traces the main milestones in the biography of a well-known Russian psychologist L.N. Landa: an analysis is given of the main directions of his research activities in the USSR and abroad.

Keywords: history of psychology, algorithm, Landa, algorithmization, programming education, psychology, landamatics

История отечественной психологии в сколь-нибудь полном объеме пока еще не написана. Это банальное утверждение, к сожалению, верно в абсолютной степени. Как следствие, многие достойные люди, внесшие значительный вклад в развитие российской психологии (часто и мировой тоже) не представлены в истории психологической науки так, как они того, несомненно, заслуживают. Особенно, если в их жизни возникли обстоятельства, осложняющие однозначность оценки или идентификации. Вероятно, в этом выпуске журнала, который посвящен психологам русского зарубежья, вряд ли найдутся «простые» судьбы. Тем более что двадцатый век был, на удивление, суров к нашему отечеству и оказался настолько бурным, что покалеченными остались судьбы миллионов...

Однако, как некогда сказал прекрасный поэт:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают...

Александр Кушнер

Наш долг – ныне живущих – вспомнить своих замечательных коллег и отдать им дань благодарной памяти... Именно восстановление памяти о психологах прошлого – такая благородная задача поставлена редакторами и издателями журнала. Мне кажется, что эта инициатива заслуживает всемерной поддержки. Сложность этой темы мы пока во многом недооцениваем. Мы помним, что было время, когда с теми, кто уезжал за рубеж, «прощались навсегда». Сейчас времена более вегетарианские, поэтому об обстоятельствах нашей относительно недавней жизни быстро и легко забывается. Правда, эти обстоятельства значимы для истории психологии. Приведу маленький пример, чтобы стало понятно, о чем идет речь.

1975 год. Я руководил тогда практикумом по ощущениям и восприятию на психфаке Ярославского университета. Выходит из печати замечательная книжка «Хрестоматия по ощущению и восприятию» [12] – одна из первых хрестоматий факультета психологии МГУ, изданных большим тиражом. В первый же выходной с восторгом прочитываю статью Б.Н. Компанейского, опубликованную первоначально в 1940 г. в сборнике ЛГПИ имени Герцена... В статье описаны потрясающие эксперименты, в которых существенно проясняется диалектика сенсорных и перцептивных процессов. Работа, открывающая такие перспективы, что захватывает дух... И – главное – нет никаких следов продолжения этих работ. Кто автор? Где он? Возникает мысль,

что, наверное, война, блокада... Но почему никто не славит героя науки – его вклад в развитие психологии явно не меньше, чем вклад исследований, скажем, с использованием известной комнаты Эймса... Но почему никто не пишет о Компанейском? Загадка, на которую не находится ответа. Должны были пройти годы, чтобы удалось случайно узнать, что причина такому удивительному положению дел есть и кроется она в... биографии ученого. В 1942 г. он оказался в оккупированном Киеве, затем эмигрировал в Германию, а затем и в Аргентину... И тем самым «подписал» основание для исчезновения из отечественной истории психологии, несмотря на все заслуги и достижения...

Так в то время «было принято». Лишь через много лет эта информация стала доступной. Но «осадок», как в известном анекдоте, остался... Как остались, на мой взгляд, недооцененными блестящие работы Д.А. Ошанина или Я.А. Пономарева... Биография Д.А. Ошанина вообще походит на детектив...

Трудно удержаться, чтобы не привести основные эпизоды биографии Д.А. Ошанина. Российский ученый, доктор психологических наук, профессор, один из первых организаторов исследований по проблемам инженерной психологии и технической эстетики в СССР. Дмитрий Александрович разработал теорию оперативности психического отражения, являлся одним из организаторов Всесоюзного НИИТЭ, стоял у истоков развития инженерной психологии в СССР. Человек удивительной судьбы. Родился в Вологде в 1907 г. Учился в школе в Новочеркасске. В 1920 г. его родители, дворяне по происхождению, с детьми эмигрировали на остров Лемнос (Греция), а затем в Югославию. С 1922 по 1926 г. учился в гимназии в г. Скопле (Македония). С 1926 по 1928 г. был студентом Сорбонны (Париж) и одновременно учился в консерватории: по классу композиции — у французского композитора Артура Онеггера, а по классу виолончели — у знаменитого Пабло Казальса. Из-за материальных затруднений Д.А. Ошанин вынужден подрабатывать музыкантом в оркестре, грузчиком и т.д. Тем не менее, обстоятельства заставили его покинуть Париж и вернуться в Югославию, где он продолжил учебу на философском факультете университета в г. Скопле. В 1931 г. он закончил учебу, получив специальность философ-психолог. В 1936 г. по ходатайству одного из своих бывших профессоров был принят в докторантуру Парижского университета (Сорбонны). Подготовив диссертацию на тему «Сопереживание и его три аспекта» (научными руководителями были известный французский ученый Анри Делакура и, после его смерти, знаменитый Поль Гийом, автор популярного учебника), защитился в 1938 г. с высшим отличием и получил ученую степень доктора Парижского университета. В Скопле Дмитрий Александрович продолжил свою научную деятельность уже в должности

профессора. «Весной 1941 г. в связи с вторжением гитлеровской армии в Югославию Дмитрий Александрович был мобилизован и послан на итало-албанский фронт. Он пережил и немецкий плен, и побег, и множество лишений. Освобождение Болгарии позволило Д.А. Ошанину, наконец, вновь заняться научной работой. В феврале 1945 г. он был назначен в Софию преподавателем Военной академии и Народного военного училища им. Василя Левского. В августе 1946 г. стал заведующим кафедрой психологии в Софийском государственном высшем институте физической культуры им. Г.М. Димитрова, при котором создал психологическую лабораторию и организовал ее экспериментальную работу. С 1952 по 1955 г. Д.А. Ошанин работал заместителем директора по научной части Института педагогики Болгарской Академии наук и по совместительству продолжал заведовать кафедрой психологии в Институте физической культуры. Начиная с 1936 г. Дмитрий Александрович неоднократно предпринимал попытки восстановления советского гражданства и ходатайствовал о возвращении на Родину. В 1946 г. в Болгарии он получил советский паспорт» [8. С. 372]. «В октябре 1955 г. Д.А. Ошанин поступил на работу в Институт психологии АПН РСФСР, с которым была связана его последующая многолетняя и наиболее плодотворная творческая деятельность. Сначала он работал старшим научным сотрудником в лаборатории психологии личности, а затем перешел в лабораторию психологии труда. В 1960 г. Дмитрия Александровича назначили заведующим лабораторией психологии труда, на базе которой он организовал одну из первых в Советском Союзе лабораторий инженерной психологии. Одновременно он принимал самое активное участие в создании Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ), где заведовал отделом инженерной психологии и физиологии. В России Дмитрию Александровичу не засчитали ни одну из защищенных им за рубежом диссертаций. Будучи гордым человеком, он не захотел защищать в СССР докторскую диссертацию по прошлым своим работам. Именно поэтому защита им докторской диссертации «Предметное действие и оперативный образ», написанная на уникальном теоретическом и экспериментальном материале, состоялась только в 1973 г.» [8, С. 373]. Исследования Д.А. Ошанина и его сотрудников, начатые с прикладных проблем инженерной психологии, постепенно приобрели общепсихологический и теоретико-систематический характер, связанный с разработкой оригинальной концепции оперативности психического отражения. Под оперативностью отражения понимается такое свойство психики, которое, с одной стороны, обеспечивает пластичное, гибкое переключение с отражения одних свойств объекта на другие его свойства в

зависимости от задачи действия с объектом. С другой стороны, благодаря этому свойству осуществляется регуляторная функция психического отражения. «В 1975 г. Д.А. Ошанин как известный ученый и блестящий оратор в очередной раз приглашен был во Францию, где читал курс лекций о концепции оперативного образа и функциональности психического отражения в ряде парижских университетов. Там он тяжело заболел, перенес операцию на сердце и по рекомендации медиков был вынужден остаться. 28 ноября 1978 г. во время операции на сердце перестало биться сердце Человека и Ученого — Дмитрия Александровича Ошанина. Так сложилась судьба, что умер Дмитрий Александрович вдали от Родины, в Париже, где он читал лекции в университетах» [8, С. 379]... Для Якова Александровича Пономарева, замечательного отечественного психолога, «зарубежьем» явилось вообще лишь нахождение в немецком плену во время Отечественной войны... А «осадо́к» — увы... Лишь в последнее время, во многом благодаря усилиям Д.В. Ушакова, работы Я.А. Пономарева занимают достойное место в истории нашей науки... Как представляется, эти явные и неявные правила и стандарты повлияли на судьбу и популярность многих ученых...

Иными словами, задача истории психологии не только в характеристике деятельности и вклада ученых в науку, но и в воссоздании «духа эпохи», общественной атмосферы, существовавшей в то или иное время.

Прошу простить это невольное отступление... Представляется, что пробелов в истории нашей психологии в рамках этого текста еще придется коснуться... Настоящая статья посвящена Льву Наумовичу Ланде (1927-1999), известному российскому советскому психологу. Выбор в пользу этой кандидатуры основан на том, что данный герой был связан с Ярославлем. В истории ярославской психологии также существуют пробелы и свои белые пятна. Именно здесь, в Ярославском педагогическом институте на кафедре психологии и педагогики, возглавляемой тогда В.С. Филатовым, происходили важнейшие этапы профессионального становления молодого исследователя Льва Ланды, где он обучался в аспирантуре и проводил свои исследования. В некрологе «Вопросов психологии» в 1999 г. было написано, что это психолог «с мировым именем». Сам факт наличия такого некролога имел значение: в России теперь пишут добрые слова о психологе, покинувшем Родину... Но вот — тема для размышления: минуло 90-летие со дня рождения (23 сентября 2017 года), но конференции или иного мероприятия не произошло. Пресловутый «осадо́к»?

Л.Н. Ланда родился 23 октября 1927 г. в Ростове-на-Дону, хотя детство и юность прошли в Ленинграде. Именно там он закончил школу-десятилетку при

консерватории и ЛГУ (философский факультет, психологическое отделение). Свой трудовой путь он начал в Алма-Ате старшим преподавателем кафедры психологии и педагогики Казахского государственного университета. Как он попал в Ярославль, не очень ясно. Но факт – в 1953 г. он поступил в аспирантуру при кафедре педагогики и психологии Ярославского пединститута, а в 1955 г. закончил обучение в аспирантуре и успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «К психологии формирования методов рассуждения (на материале решения геометрических задач на доказательство учащимися VII—VIII классов)» в НИИ психологии АПН РСФСР.

С 1957 г. он работал сначала младшим, затем старшим научным сотрудником сектора дидактики НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР. «Здесь Л.Н. Ланда стал стремительно и мощно расти не только как экспериментатор, но и как теоретик психологии обучения, связав свои исследования с возникшей в то время передовой педагогической технологией — программированным обучением. По убеждению Л.Н. Ланды, именно она впервые открывает реальные возможности для индивидуализации, а говоря языком кибернетики – адаптации обучающих воздействий» [6, С. 157].

Здесь необходимо отступление, про... кибернетику. И не только... Всего скорее, мы в очередной раз сталкиваемся с пробелами в нашей истории психологии... Но это отступление совершенно необходимо. Начало пятидесятых – то время, когда начиналась исследовательская деятельность Л.Н. Ланды. Сложное, заметим, время для психологии в нашей стране. 1948 г. может условно считаться началом кибернетики, ибо в этом году выходит знаменитая книга Норберта Винера «Кибернетика». Изобретение термина Платоном и раннее употребление его Андре-Мари Ампером считать началом не будем. Работа Винера может считаться условным рубежом. «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» – таково полное название труда американского математика. Видимо, что-то витало в воздухе, потому что в том же 1948 г. за «железным занавесом» происходят похожие процессы: академик М.А. Лаврентьев, тогдашний вице-президент АН СССР, написал Сталину письмо о необходимости ускорения исследований в области вычислительной техники и о перспективах использования ЭВМ. 29 июня 1948 г. Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин подписал постановление, в соответствии с которым создавался Институт точной механики и вычислительной техники. В 1950 г. Лаврентьев был избран директором Института точной механики и вычислительной техники (создан в 1948 г.; здесь в кратчайшие сроки были разработаны первые образцы советских электронных счетных машин)... Здесь

не место обсуждать причины того, от чего кибернетике в нашем отечестве не повезло: она, как известно, попала в немилость.

М.Г. Ярошевский, будущий знаменитый историк психологии, писал о кибернетике в 1952 г.: «Буржуазная печать широко разрекламировала новую науку – кибернетику. Эта модная лжетеория, выдвинутая группкой американских «учёных», претендует на решение всех стержневых научных проблем и на спасение человечества от всех социальных бедствий. Кибернетическое поветрие пошло по разнообразным отраслям знания: физиологии, психологии, социологии, психиатрии, лингвистике и др. По утверждению кибернетиков, поводом к созданию их лженауки послужило сходство между мозгом человека и современными сложными машинами» [13, С. 4].

Реабилитация кибернетики началась только в 1955 г., когда в «Вопросах философии» была опубликована статья С.Л. Соболева, А.И. Китова и А.А. Ляпунова «Основные черты кибернетики». Нужно отметить, что исследования Л.Н. Ланды пришлись как нельзя кстати: на первых порах казалось, что алгоритмы очень пригодятся при моделировании мышления человека на ЭВМ.

Хотелось бы отметить еще одно значимое совпадение во времени. В 1954 г. знаменитый американский психолог Беррес Фредерик Скиннер сделал свой знаменитый доклад «Наука учения и искусство обучения», который положил начало программированному обучению. В основу Скиннер положил понятные и чрезвычайно эффективные идеи: используемая технология гарантирует положительный результат; освобождает от страха перед усвоением нового; внешний контроль заменяется самоконтролем; по сути, возрастает степень активности учащегося, так как запускается самообучение.

Как можно видеть, сходные идеи получили развитие в отечественной психологии в 50-60-х гг. XX в. Собственно говоря, идея проста: следование предписаниям снимает переживания, технология гарантирует успех, а деление процесса на этапы и строгий пошаговый самоконтроль делает процесс управляемым и, соответственно, более легким.

Идеи жесткой регуляции усвоения знаний были представлены в отечественной психологической науке подходом П.Я. Гальперина. Жесткое усвоение процессом усвоения учебного материала имеется в виду и при использовании алгоритмизации в обучении. «Впервые в советской психологии этот вопрос применительно к общеобразовательной школе широко поставил Л.Н. Ланда (1966). В педагогической практике, указывается им, алгоритмы в точном (математическом) смысле, как точные общепонятные предписания о выполнении в определенной последовательности элементарных операций для

решения любой из задач некоторого класса, связанные с преобразованием объектов лишь некоторых стандартных видов и с полной формализацией этого преобразования, непосредственно малоприменимы... Но широко использованы могут быть предписания особого вида, которые автор работы называет предписаниями алгоритмического типа или алгоритмическими предписаниями. По некоторым присущим им чертам, а именно: а) по детерминированности действий, т.е. по точности, общепонятности и однозначности указаний на характер и условия каждого действия, исключающих случайность в выборе последнего; б) по массовости, выражающейся в том, что данный алгоритм применим к любым объектам определенного класса; в) по результативности, т.е. по обязательности получения при использовании данного алгоритма искомого результата, если налицо надлежащие исходные данные, алгоритмические предписания сходны с алгоритмами» [11, С. 310].

Сверхзадачу своих исследований Л.Н. Ланда видел в том, чтобы найти ответ на вопрос, как надо учить людей, чтобы они не только получали знания, но и умели думать. Этому важнейшему вопросу позднее Л.Н. Ланда посвятил специальную работу [5]. Собственно говоря, в задачу настоящей статьи не входит анализ идей или исследований Л.Н. Ланды. Отметим только наиболее важные моменты.

В рамках темы «Перспективы развития советской школы и народного образования» начала свою работу лаборатория Л.Н. Ланды, одного из создателей отечественной школы психологического программирования, теоретика психологии программированного обучения. В 1962 г. Президиум АПН РСФСР, заслушав его доклад «Научные принципы программированного обучения», принял решение создать при институте общей и педагогической психологии Лабораторию программированного обучения под его руководством. В своей теории адаптивного обучения Ланда исходил из того, что именно программированное обучение впервые открывает возможности для индивидуализации, то есть адаптации обучающих воздействий к учащемуся. Его теория была нацелена на раскрытие и анализ неосознаваемых или плохо осознаваемых механизмов мышления, обеспечивающих успешное решение задач, на моделирование выявленных механизмов в виде предписаний алгоритмического, эвристического и смешанного типов и на обучение на этой основе учащихся, особенно тех, кто не в состоянии открыть для себя такого рода механизмы самостоятельно.

Обратим внимание на ретроспективную оценку деятельности Ланды руководством Психологического института, в котором он работал до 1976 г. «Идея реализации алгоритмического подхода в обучении стала центральной в

докторской диссертации Л.Н.Ланды, защищенной в 1967 году на основе его книги “Алгоритмизация в обучении”. Идея о необходимости управления не только внешними, но и внутренними (умственными) процессами позволила создать новый (антибихевиористический) вариант программированного обучения, в центре которого стояла проблема структуры и этапов формирования систем действий, лежащих в основе решения сложных задач. На основе выделенной системы общих действий (операций) осуществлялось пооперационное формирование метода решения какого-либо класса задач» [10, С. 253]. После того, как отрабатывается операция, происходит переход к отработке следующей. Особое внимание уделяется не только формированию операций, входящих в метод, но и самих систем знаний.

«Из фундаментальных, базовых знаний и умственных операций (действий) формируются системы, организованные в определенные интеллектуальные структуры (алгоритмические, полуалгоритмические, полуэвристические и эвристические), характеризующие каждый этап умственного развития. Однако обучение готовым алгоритмам – бедное обучение, так как не любые формулируемые совокупности правил являются алгоритмами (как, например, шахматы). Поэтому задача состояла в том, чтобы научить обучаемых самостоятельно открывать алгоритмы» [10, С. 253-254].

«Составная часть теории адаптивного обучения – формирование мыслительных процессов с заданными свойствами. Оно предполагает выявление системы параметров для наблюдения за становлением этих процессов у каждого учащегося и выбор соответствующих обучающих воздействий в зависимости от полученных результатов Варьирование способов управления, адекватных задачам и условиям обучения, является одной из важных черт адаптивного обучения. Каждый способ управления имеет свои дидактические возможности. И с его помощью можно формировать то, что с помощью другого способа не может быть сформировано. Вот почему обеспечить формирование учащегося широкого спектра психологических качеств может лишь сочетание жесткого и мягкого управления. В силу этого важным разделом теории Л.Н. Ланды стала диагностика формирующихся у учащихся умственных процессов» [10, С. 254]. «В отличие от диагностики их уровней, которая составляет предмет классической тестологии, диагностика механизмов психических процессов направлена на обнаружение нерациональных или дефектных по своей структуре процессов. Диагностика механизмов служит основой для динамической адаптации стратегии обучения конкретного учащегося, что позволяет своевременно устранить

психологические причины неэффективности или ошибочности его умственных действий» [10, С. 254].

Переходим к описанию главного поворота в жизни Л.Н. Ланды. В 1976 г. Л.Н. Ланда с семьей переехал в США... По счастью, времена меняются... Я о том, что, если не сделать комментарии, представителям молодого поколения будет не понятна вся эта ситуация, разрешение которой затронуло судьбы сотен людей, в том числе и не имеющих к ней никакого непосредственного отношения. Тем не менее, это наша жизнь, а без понимания обстоятельств жизни история – и психологии, и жизни – окажется не вполне понятной. В том числе и история психологии тоже. Итак, В 1975 г. его сын женился на американке, на дочери известного американского психолога. В том же самом году Л.Н. Ланда на очередных выборах на должность в институте был утвержден лишь старшим научным сотрудником. Л.Н. Ланда был заведующим лабораторией программированного обучения, если мне не изменяет память. Сын за отца не отвечает, как сформулировал правило отношений в стране Иосиф Виссарионович, но его уже не было, зато то руководство, какое осуществляло воздействие на массы (так и хочется написать – актуально занималось менеджментом), сочло, что отец за сына должен ответить. В 1976 г. Ланда принял очень трудное для себя вынужденное решение – уехать из страны. (Николай Павлович Ерастов рассказывал мне, что он очень не хотел ехать, никогда не собирался этого делать). Естественно, Л.Н. Ланда собрался уезжать вместе со своей женой – талантливейшим отечественным психологом М.С. Неймарк. (Десятком строк выше я написал, что времена меняются. Здесь впору отметить, что я явно погорячился – изменились, но не очень. Это я о том, что сейчас, как мне представляется, о М.С. Неймарк пишут и вспоминают значительно меньше, чем она своими замечательными работами заслуживает. Увы!).

Итак, М.С. Неймарк вместе со своим мужем Львом Наумовичем Ландой, заведующим в том же самом институте лабораторией, эмигрировали в США. Мария Соломоновна Неймарк работала в лаборатории в институте общей и педагогической психологии, которой заведовала Лидия Ильинична Божович. В связи с этим Л.И. Божович подала в отставку с поста заведующей лабораторией, поскольку в то время в СССР существовал неписанный закон, по которому, если подчиненный эмигрировал из страны, за него отвечал начальник... (Заметим, менеджеры были последовательны: если вникнуть, то начальник – он как отец!). Но аукалось не только в московском институте общей и педагогической психологии.

Николай Павлович Ерастов, который в 1950-е гг. учился в аспирантуре в одно время с Ландой, а потом сохранял с ним добрые отношения, рассказывал, что «товарищи менеджеров» настойчиво просили его выступить с осуждением Льва Наумовича. Но Н.П. Ерастов «Ланду читал», поэтому от этой миссии решительно отказался. Впрочем, предоставим слово свидетелю и очевидцу – коллеге Н.П. Ерастова по Ярославскому университету профессору В.В. Новикову: «С особой теплотой с ним (Н.П. Ерастовым – *В.М.*), а, следовательно, и со мной, общался бывший в те годы чрезвычайно популярным Лев Наумович Ланда. Тогда это был еще довольно молодой доктор психологических наук, кстати, сокурсник Ерастова по ярославской аспирантуре. Следует заметить, что дружба с Л.Н. Ландой стала потом для Николая Павловича своеобразным испытанием на порядочность. После того, как Лев Наумович с женой, тоже известным психологом, оказались в США еще задолго до массовой эмиграции, у коммуниста Ерастова были «крупные разговоры» об однокурснике в компетентных органах. Но Николай Павлович никогда не отрекался от друга и считал, что тот никакой не предатель, а его переезд связан только с семейными обстоятельствами (единственный сын женился на дочери известного американского психолога) и с лучшими условиями для научной работы... До самых последних дней Н.П. Ерастова друзья переписывались и делились научной информацией. Николай Павлович искренне переживал, что жизнь талантливого Ланды за границей оказалась далеко не безоблачной...» [9, С. 267-268].

Видимо, не безоблачной она была лишь на первых порах. Не берусь судить, насколько достоверна информация, спросить уже не у кого, но, похоже, на правду: «В 76-м году Лев Ланда иммигрировал в США и первое время сидел без работы. Пока в один прекрасный для себя день Ланда не встретил хозяина магазина по продаже какой-то бытовой техники. Тот пожаловался Льву, что его продавцы работают с огромным количеством техники и не успевают освоить все инструкции. Причем сами инструкции составляют пухлые талмуды. Лев предложил заплатить ему в случае, если он сделает одну из инструкций более короткой и, главное, более понятной. Хозяин согласился. Ланда просидел ночь, сократил инструкцию вдвое и заработал свои, если не ошибаюсь 2 или 4 тысячи баксов. Что для тех времен было порядочной суммой. Через несколько лет его компания имела оборот в несколько миллионов долларов с отделениями в нескольких странах мира. Сам он преподавал в Нью-Йоркском университете, создавал ландаматику. Его труды использовались, опять же, не только в научных кругах, но и в бизнесе (см., например, книгу Спенсеров «Компетенции на работе»)» [1]

«За рубежом Л.Н. Ланда продолжал развивать основное направление своей научной деятельности: выявлял механизмы мышления профессионалов, представлял механизмы в виде легко воспринимаемых моделей алгоритмического или эвристического типа и строил обучение на их основе. Постепенно была создана новая научно-практическая область – ландаматика. Один за другим в США и других странах стали открываться центры по обучению рациональной умственной деятельности в самых разных сферах человеческой практики. Ландаматика применяется для подготовки операторов ядерных установок, банковских служащих, менеджеров, страховых агентов, работников налоговых служб, специалистов по написанию различного рода инструкций и документов, аналитиков в области рекламы и многих других. Внедрение ландаматики – этого, по мнению экспертов, «работающего чуда Льва Ланды» – приносит потрясающие результаты, экономя колоссальные средства, ранее тратившиеся фирмами и корпорациями на подготовку и доучивание своих работников, а также на устранение последствий их ошибочной деятельности, которой не удавалось избежать при традиционном обучении. Научное наследие Л.Н. Ланды составляют многочисленные труды, среди которых наиболее известны монографии “Алгоритмизация в обучении” (М., 1966), “Instructional regulation and control: cybernetics, algorithmization and heuristics in education”» (New Jersey, 1976). Они изданы тысячными тиражами на русском, английском, немецком, французском, испанском, польском, чешском, венгерском, болгарском, румынском, японском и других языках» [6, С. 158].

Таким оказался жизненный путь ученого, разделенный на две части: российскую и американскую. От алгоритма до ландаматики.

Список литературы:

1. Бабушкин Э. Ландаматика Льва Ланды. URL: <http://hrm.ru/landamatika-lva-landy>
2. Ланда Л.Н. Алгоритмизация в обучении. М.: Просвещение, 1966.
3. Ланда Л.Н. Алгоритмизация в обучении. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии). М., 1967
4. Ланда Л.Н. К психологии формирования методов рассуждения (на материале решения геометрических задач на доказательство учащимися VII-VIII классов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии) М., 1955.

5. Ланда Л.Н. Умение думать. Как ему учить? М.: 1975.
6. Л. Н. Ланда (некролог) // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 157-158.
7. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
8. Морина Н.Л., Панов В.И. Дмитрий Александрович Ошанин: Мыслитель, художник, человек на все времена (1907-1978) // Выдающиеся психологи Москвы. М.: ПИ РАО, МГППУ, 2016.
9. Новиков В.В. Социальная психология и экономика. Избранные произведения в 12-ти томах. Т. 12. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2005. 410 с.
10. Рубцов В.В., Кондаков И.М. Психологические аспекты разработки новых образовательных технологий // Московская психологическая школа: история и современность. В 3 т. Т. 2. М., 2004. С. 252-267.
11. Смирнов А.А. История и современное состояние психологической науки в СССР. М, 1975.
12. Хрестоматия по ощущению и восприятию. М.: МГУ, 1975.
13. Ярошевский М. Кибернетика – «наука» мракобесов // Литературная газета. 5 апреля 1952. № 42 (2915). С. 4.
15. Landa L.N. Algorithmization in Learning and Instruction. Engelwood Cliffs, 1974.
14. Landa L.N. Instructional regulation and control: cybernetics, algorithmization and heuristics in education. New Jersey, 1976.
16. Landamatics: Ten Years Later // Educational technology. 1993. Vol. 33. № 6. P. 7-18.

References:

1. Babushkin Je. Landamatika L'va Landy. URL: <http://hrm.ru/landamatika-lva-landy>
2. Landa L.N. Algoritmizacija v obuchenii. М.: Prosveshhenie, 1966.
3. Landa L.N. Algoritmizacija v obuchenii. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskikh nauk (po psihologii). М., 1967
4. Landa L.N. К психологии формирования методов рассуждения (на материале решения геометрических задач на доказательство учащихся VII-VIII классов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии) М., 1955.
5. Landa L.N. Umenie dumat'. Kak emu učit'? М.: 1975.
6. L. N. Landa (nekrolog) // Voprosy psihologii. 1999. № 5. S. 157-158.
7. Mazilov V.A. Metodologija psihologicheskoi nauki: istorija i sovremennost'. Jaroslavl': JaGPU, 2017.

8. Morina N.L., Panov V.I. Dmitrij Aleksandrovich Oshanin: Myslitel', hudozhnik, chelovek na vse vremena (1907-1978) // Vydajushhiesja psihologi Moskvy. M.: PI RAO, MGPPU, 2016.
9. Novikov V.V. Social'naja psihologija i jekonomika. Izbrannye proizvedenija v 12-ti tomah. T. 12. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2005. 410 s.
10. Rubcov V.V., Kondakov I.M. Psihologicheskie aspekty razrabotki novyh obrazovatel'nyh tehnologij // Moskovskaja psihologicheskaja shkola: istorija i sovremennost'. V 3 t. T. 2. M., 2004. S. 252-267.
11. Smirnov A.A. Istorija i sovremennoe sostojanie psihologicheskoi nauki v SSSR. M, 1975.
12. Hrestomatija po oshhushheniju i vosprijatiju. M.: MGU, 1975.
13. Jaroshevskij M. Kibernetika – «nauka» mrakobesov // Literaturnaja gazeta. 5 aprelja 1952. № 42 (2915). S. 4.
15. Landa L.N. Algorithmization in Learning and Instruction. Engelwood Cliffs, 1974.
14. Landa L.N. Instructional regulation and control: cybernetics, algorithmization and heuristics in education. New Jersey, 1976.
16. Landamatics: Ten Years Later // Educational technology. 1993. Vol. 33. № 6. P. 7-18.

Сведения об авторе:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

У истоков российско-болгарской школы психиатрии и неврологии

Няголова Марияна Димитрова

Великотърновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Велико Търново, Болгария

e-mail: mniagolova@yahoo.com

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию российско-болгарской школы психиатрии и неврологии, во главе которой стояли российские профессора Н.М. Попов и А.Э. Янишевский. Рассмотрен их вклад в преподавание психиатрии и неврологии на Медицинском факультете Софийского университета, их деятельность по организации клиник неврологии и психиатрии университетской больницы, направленность их научно-исследовательской работы. Выявлена роль их главных последователей и учеников – Н.Г. Крестникова (Кръстникова) и Е. Шехановой-Степановой в развитие психиатрии, патопсихологии и психологии в Болгарии 20-50-х гг. XX в. Основной вывод заключается в том, что российско-болгарская школа психиатрии и неврологии содействовала не только развитию патопсихологии, но и психологическим исследованиям в целом.

Ключевые слова: история болгарской психиатрии и неврологии, история российской психиатрии и неврологии, русская научная эмиграция в Болгарии, Н.М. Попов, А.Э. Янишевский, Н.Г. Крестников, Е. Шеханова-Степанова, историографическое обозрение, исследовательские направления работы, биография ученых.

Sources of the Russian-Bulgarian school of psychiatry and neurology

Nyagolova Mariyana Dimitrova

University of Veliko Turnovo “St. Cyril and St. Methodius”, Bulgaria

e-mail: mniagolova@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the formation and development of the Russian-Bulgarian school of psychiatry and neurology headed by the Russian professors N.M. Popow and A.E. Yanishevsky. Their contribution to the teaching of psychiatry and neurology at the Medical Faculty of Sofia University, their activities in the organization of clinics of neurology and psychiatry at the university hospital, and the focus of their research work are considered. The role of their main followers and students N.G. Krestnikoff and E. Chehanova-Stepanova in

the development of psychiatry, pathopsychology and psychology in Bulgaria in 20-50-s of the 20th century is revealed. The main conclusion is that the Russian-Bulgarian school of psychiatry and neurology contributed not only to the development of pathopsychology, but also to psychological research in general.

Keywords: history of Bulgarian psychiatry and neurology, history of Russian psychiatry and neurology, Russian scientific emigration in Bulgaria, N.M. Popov, A.E. Yanichevsky, N.G. Krestnikoff, E. Chehanova-Stepanova, historiographical overview, directions of research works, biography of scientists.

*Статья посвящается
замечательному болгарскому психиатру
и неврологу, большому знатоку истории
российской медицины и психологии –
д-ру Константину Иванову Попиванову
из города Велико Тырново.*

Одним из ярких примеров российско-болгарского научного сотрудничества является вклад в развитие отечественной медицины двух российских профессоров – Н.М. Попова (1854-1939) и А.Э. Янишевского (1873-1936). Их имена указаны в курсе по «Истории медицины», наряду с именами других известных российских медиков, принявших участие в создании Медицинского факультета Софийского университета. Болгарский историк медицины Миладин Апостолов подчеркивает, что все русские профессора-эмигранты перенесли и развили в Болгарии прогрессивные традиции, уже сложившиеся в российских медицинских факультетах. Они отдали все свои силы и знания для развития молодого болгарского факультета [1, С. 104], а вместе с этим и для развития болгарской медицины, в целом.

Характер историографических исследований, посвященных вкладу Н.М. Попова и А.Э. Янишевского в развитие болгарской психопатологии, невропатологии и психологии

Н.М. Попов (1854-1939) и А.Э. Янишевский (1873-1936) приехали в Болгарию, после Октябрьской революции 1917 г. Они стали первыми преподавателями психиатрии и неврологии Софийского университета, а также заведующими клиниками психиатрии (Н.М. Попов) и неврологии (А.Э. Янишевский) университетской больницы. Подготовили несколько поколений болгарских врачей по специальностям психиатрии и неврологии.

Издали первые учебники по этим двум специальностям (Н.М. Попов, 1923, 1925; А.Э. Янишевский, 1924, 1929). Опубликовали целый ряд научных статей в болгарских и зарубежных журналах. На протяжении многих лет по публикациям их научных трудов, изданных в Ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета, учились студенты медицины, практикующие врачи и стажеры.

Их биографиям и истории их научного творчества посвящено немало работ в российской и болгарской научной литературе. В настоящее время исследованию проблемы уделяют внимание, прежде всего, российские историки медицины и психологии в связи с разработкой истории преемственности научных традиций Казанского и Одесского (Новороссийского) университетов в области психиатрии и неврологии [6; 43]. Российские исследования в целом направлены также на изучение деятельности Н.М. Попова и А.Э. Янишевского, как представителей Российского научного зарубежья в Болгарии [30; 31].

Для современной истории болгарской медицины, однако, их имена уже давно забыты, а для истории болгарской психологии, к сожалению, они изначально неизвестны. Кажется, что период проявления интереса к их заслуженному вкладу в науку остался далеко в истории. Он относится к началу 50-х и заканчивается к самому началу 80-х гг. XX в. Притом, большинство публикаций сделано в конце 60-х гг, когда их ученики занимали ведущие позиции в руководстве и организации медицинской науки и практики в Болгарии. О большой исторической известности Н.М. Попова и А.Э. Янишевского того времени говорит факт, что им посвящены отдельные статьи в Краткой болгарской энциклопедии (КБЭ), изданной с 1963 по 1969 гг. (КБЭ, 1967, С. 209; КБЭ, 1969, С. 552).

В начале XXI в., обнаружена только одна публикация, посвященная данной проблеме. Эта книга профессора Н.И. Килимова «Записки по истории болгарской неврологии». Автор посвятил отдельную статью А.Э. Янишевскому и сформулировал вывод о том, что именно российский профессор является «всепризнанным родоначальником неврологии в Болгарии» [17, С. 3-6, 23-25].

К сожалению, болгарская история психиатрии не хранит память о вкладе Н.М. Попова. В авторитетном издании «Основоположники болгарской психиатрии» (1984) отсутствует статья, посвященная ему, а составители вообще не упоминают роль российской профессуры в становлении университетской психиатрии в Болгарии [37, С. 5-6]. Последняя публикация о Н.М. Попове сделана в 1982 г. в виде воспоминаний из студенческой жизни педиатра Константина Николова Кантарева [14, С. 466-468].

Деятельность Н.М. Попова и А.Э. Янишевского в Болгарии стала предметом углубленных публикаций в 1968 году, когда исполнилось пятидесятилетие создания Медицинского факультета Софийского университета. В статьях заведующих кафедрами неврологии и психиатрии – профессоров Саша Божинова и Ивана Темкова – отмечается большая роль обоих российских ученых в организации единой кафедры неврологии и психиатрии, а также в руководстве двух самостоятельных клиник неврологии и психиатрии университетской больницы [2, С. 342-352; 46, С. 361].

В юбилейной статье, посвященной деятельности кафедры психиатрии Медицинского факультета Софийского университета, указано, что именно Н.М. Попов (1854-1939) являлся первым заведующим кафедрой неврологии и психиатрии с 1922 г. по 1934 г., а также первым профессором психиатрии и первым заведующим университетской психиатрической клиникой на базе Александровской больницы. Первый курс лекций по психиатрии прочитан им в 1923/1924 уч. г. студентам медицины пятого курса. В статье специально отмечен огромный вклад российского ученого в академическую подготовку болгарских психиатров, указана также его активная научная деятельность по изучению шизофрении, прогрессивного паралича, эпилепсии в Болгарии, истерии и т.д. [46, С. 353-354].

В юбилейном 1968 г. профессора психиатрии Иван Темков и Кирилл Миленков посвящают Н.М. Попову и самостоятельную статью, в которой рассматривают его жизнь и творчество. Опубликован подробный список его научных работ. Авторы определяют российского профессора «одним из основоположников высшего медицинского образования в Болгарии, сыгравшего большую роль в развитии болгарской психиатрии как науки и практики» [47, С. 375-384].

Высокая историческая оценка значения деятельности Н.М. Попова в Болгарии выражена и в биографической статье о нем, опубликованной в том же году в одной из самых известных болгарских газет того времени – «Отечественный фронт». Читатели получили возможность познакомиться с его научной биографией и его важным вкладом в науку. Автор статьи отмечает, что «выбор на должность заведующего кафедрой такого большого ученого, преподавателя и врача, перенесшего в Болгарию весь богатый опыт российской психиатрии и создавшего первой болгарской психиатрической школы, является настоящим счастьем для отечественной медицины» [29, С. 4].

Для создания историко-научного портрета Н.М. Попова большое значение имеют и воспоминания о нем, опубликованные в болгарских научных журналах, одно из которых принадлежит руководителю болгарской психиатрии

того времени – академику Георгию Узунову. В своей статье, он приводит факты о большой известности Н.М. Попова среди психиатров СССР, получивших свое медицинское образование в Одессе, отмечает заслуги Н.М. Попова как участника в Русско-турецкой Освободительной войне 1877-1879 гг.

Наряду с этим Г. Узунов выражает свое сожаление о том, что профессор эмигрировал из Советской России и что ему не удалось вернуться на Родину. Критически относится к его мнению, согласно которому «великая октябрьская революция 1917 г. в России является массовым психозом помешанных» [48, С. 94-99].

Идеологическая цензура 50-х и 60-х гг. требовала критического отношения к российской эмиграции в Болгарии и к отдельным персоналиям, в частности. Это нашло свое отражение и в публикациях других психиатров. В своем учебнике общей психопатологии, всемирно известный болгарский психиатр Никола Шипковенски (1906-1976) отмечал ведущую роль Н.М. Попова в становлении психопатологии и психиатрии в стране [61, С. 49]. Называя его своим учителем, Шипковенски, однако, указывает, что он не смог вполне успешно сыграть свою роль в Болгарии, потому что является сторонником немецкой психиатрической школы [61, С. 5]. С точки зрения современности, подобное обобщение Шипковенского звучит парадоксально. В контексте «павловской психологии» и «культы личности» 50-х гг. XX в., однако, оно позволило автору издать свой труд и отдать заслуженное внимание своему учителю психиатрии, хоть и в «критическом свете».

В своих воспоминаниях о Н.М. Попове и А.Э. Янишевском, К.Н. Кантарев, выражая свое искреннее восхищение российскими профессорами, отмечает также, что А.Э. Янишевский имел отрицательное отношение к революции 1917 г. и говорил об этом студентам во время лекций. По словам К.Н. Кантарева, им это не нравилось – многие из них были сторонниками социалистических идей, и по этой причине не разделяли мнение А.Э. Янишевского, не понимая тяжелой судьбы российских эмигрантов [14].

Как известно, трагически сложилась судьба А.Э. Янишевского и его семьи в Болгарии. В 1934 г. Янишевские отравились грибами. Несколько дней после отравления, скончались супруга и младший сын А.Э. Янишевского. В тяжелом состоянии он прожил еще около двух лет. Его не стало 9 октября 1936 г. В 1949 г. погиб и его старший сын Андрей, доцент геолого-географического факультета Софийского университета, известный болгарский геолог [53, С. 123-124].

В некоторых публикациях, указано, что А.Э. Янишевский получил ядовитые грибы от своего соотечественника, который регулярно снабжал его ими [14, С. 468], а в других – он купил грибы у незнакомого человека, который стоял возле его дома. Нет исторических свидетельств, по которым можно восстановить причину отравления. По сведениям одной мало известной публикации, А.Э. Янишевский отдал грибы повару русского ресторана и жертвами отравления стали не только члены его семьи, но и еще несколько человек из российских эмигрантов, обедавших в ресторане. Пострадали в целом, около восьми человек; большинство из них скончались.

Учитывая факт, что сам А.Э. Янишевский на протяжении многих лет был председателем Центрального объединенного комитета – органа консолидации русской эмиграции в Болгарии, членом русского религиозного философского кружка [31, С. 113], председателем родительского комитета Русской гимназии в Софии, а некоторые из его пострадавших друзей тоже занимали важные посты в организации русских эмигрантов, то, с большой вероятностью, можно считать, что отравление превратилось в тяжелое покушение на известных представителей русской эмиграции в Болгарии.

Как известно, в 1920 г. А.Э. Янишевский приехал в Болгарию, и 7 июня того же года Факультетский совет Медицинского факультета Софийского университета выбрал его профессором нервных болезней, а два года спустя после этого он был назначен на эту должность. В 1923 г. он занял должность заведующего университетской клиникой нервных болезней Александровской больницы [2, С. 342].

В статье, посвященной жизни и научной деятельности А.Э. Янишевского в Болгарии, его ассистент, профессор Трайко Запрянов, отмечал, что «в организационно-преподавательском и научном отношении проф. Янишевского можно заслуженно назвать родоначальником нашей неврологии» [10, С. 384]. Он подчеркнул, что до его приезда вместе с Н.М. Поповым неврология и психиатрия в стране были слишком отсталыми в своем развитии. Не было даже специалистов-неврологов, а нервные болезни лечили интерны, педиатры, хирурги и др.

По словам Запрянова, А.Э. Янишевский был замечательным клиницистом. Под его руководством создана болгарская неврологическая школа, первыми представителями которой стали его ассистенты – проф. Никола Боев, д-р Райна Иванова, д-р Н. Каракашев, д-р А. Юрданов и др. Он был также выдающимся преподавателем и лектором. Автор нескольких учебников, три из которых изданы в Болгарии [10, С. 385]. По словам Н.Ив. Килимова, научное творчество проф. Янишевского (насчитывает 39

публикаций по списку) не очень большое по объему, но весьма существенное в качественном отношении [17, С. 24].

Биографические статьи о А.Э. Янишевском опубликованы также в «Медицинском биографическом справочнике» (1972), в «Энциклопедии Болгарии» (1996) и в некоторых других медицинских изданиях.

Переехав в Болгарию, Н.М. Попов и А.Э. Янишевский стали не только известными преподавателями, но и авторитетными учеными. Они – авторы ряда значимых научных публикаций в России и зарубежом. Свои научные занятия они продолжали на базе медицинского факультета Софийского университета.

Труды и исследовательские направления работы Н.М. Попова и А.Э. Янишевского в Болгарии

Проблематика научной работы Н.М. Попова и А.Э. Янишевского тесно связано с их врачебной деятельностью в клиниках психиатрии и неврологии. Будучи опытными клиницистами, наряду с общими патопсихическими и патофизиологическими закономерностями заболеваемости, им успешно удалось представить дифференциальные особенности психических и неврологических заболеваний в Болгарии 20-х и начала 30-х гг.

К болгарскому периоду творчества Н.М. Попова относятся более двадцати его публикаций, не считая авторские учебники «Основы общей психопатологии» (на болгарском языке, 1923) и «Основы частной психопатологии» (на русском языке, 1925).

Анализируя характер его работы, Иван Темков и Кирил Миленков сгруппировали их в следующих направлениях:

1. Патологоанатомия нервных и психических заболеваний
2. Вопросы клинической неврологии и психиатрии
3. Теоретические и методологические проблемы психиатрии
4. Учебники и другие учебные пособия
5. Научно-популярные издания» [47, С. 376].

В контексте интерпретации направленности его научных трудов, в целом, авторы обращают специальное внимание на то, что наряду с изучением причин, клинических особенностей, лечением и профилактикой психических заболеваний, Н.М. Попов интересовался проблемами социальной психиатрии. Именно его можно считать родоначальником социальной психиатрии в Болгарии, вопреки тому, что в стране начало обсуждений социогенных факторов психических заболеваний относится лишь к середине 70-х гг. XX в., а первое издание научных трудов в данной области осуществляется в 1989 г. [45].

В начале 20-х гг. Н.М. Попов продолжает свои исследования, посвященные клиническому изучению прогрессивного паралича. Интересуется причинами, клинической картиной и дифференциальным диагнозом заболевания, внося свой собственный вклад в лечение этого заболевания при помощи маляриотерапии. По этой теме опубликованы четыре его работы: «Прогрессивный паралич помешанных» и «Современное состояние учения о прогрессивном параличе помешанных» (на русском языке), в Ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета за 1922/1923 гг., «Лечение прогрессивного паралича при помощи малярийной инокуляцией, по данным нервно-психиатрической клиники» (на болгарском языке), в журнале «Болгарская клиника», №1-2, 1928 г., а также «Лечение прогрессивного паралича помешанных при помощи малярии» (на болгарском языке), в Ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета за 1929/1930 гг.

Во второй половине 20-х гг. Н.М. Попов опубликовал несколько своих работ, посвященных изучению шизофрении: «К учению о шизофрении» (на русском языке) в Ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета за 1925/1926 гг., «Излечимые формы шизофрении» (на болгарском языке) в Ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета за 1927/1928 гг., «Истерия и шизофрения» (на болгарском языке) в «Медицинском журнале» в № 13 1929 г. Последняя из указанных работ была опубликована и на немецком языке в австрийском журнале “Wiener klinische Wochenschrift” (Венский клинический еженедельник”) в № 45 1932 г. В 1956 г. она процитирована нидерландским исследователем истерии Е. Л. Зелденрустом (Zeldenrust E. L. K., 1956).

Н.М. Попов проводит исследование эпилепсии и анализирует причины ее широкого распространения в Болгарии. В 1929 г. эпилепсией страдают 58,88% из всех психических больных людей в стране. Автор считает, что причинами заболевания являются, скорее всего, алкоголизм и черепно-мозговые травмы (Попов Н.М., 1929) [47, С. 378-379].

В своей работе «Психические эпидемии» (1921), рассматривает социальные и социально-психологические причины психических расстройств человеческой толпы и человеческих масс. Их конкретные проявления он видит в массовом внушении и в невежестве людей. Этим он объясняет и такие исторические события, как Октябрьская революция 1917 г. [47, С. 380; 48, С. 95].

В 60-е гг. болгарские ученые делают критические замечания относительно принадлежности Н.М. Попова к «немецкой идеалистической

психиатрии» и «немецкой патопсихологической школе» (Н. Шипковенски; Г. Узунов, Ив. Темков, К. Миленков). В методологическом аспекте, однако, при поиске сходства его теории с определенным психологическим направлением можно ее достаточно основательно соотнести с ассоциативной немецкой психологией второй половины XIX в. и самого начала XX в. Об этом свидетельствует и изложение главы «Общие положения современной психологии» в учебнике «Основы общей психопатологии» [38, С. 20-35].

Проблемы психологии занимают существенное место и в трудах А.Э. Янишевского, опубликованных в Болгарии. Он изучает павловское учение о рефлексах в неврологическом, психопатологическом и психологическом отношении. Этому вопросу посвящены его работы «Учение об условных рефлексах» (на болгарском языке) в журнале «Praemedicus» в № 3 1928 г. и «Психическая деятельность мозга в свете новых научных данных» (на болгарском языке) в «Медицинском журнале» в № 12 1928 г. Т. Запрянов оценивает его как лучшего знатока Павловского учения в болгарском научном сообществе того времени [10, С. 386-388].

В своем творчестве болгарского периода А.Э. Янишевский уделяет большое внимание изучению проблемы сна (1931/1932; 1932; 1934;1935). Начало публикационной деятельности по данной тематике относится к 1928 г., когда выходит его публикация «Биологическая концепция сна» на французском языке в авторитетном научном журнале «l'Encéphale» («Головной мозг»). Таким образом, он принимает участие в европейской дискуссии по вопросам сна и выражает свое отношение к биологическим теориям сна, включительно к теориям психологов Николая Вашида, Анри Пиерона и Эдуарда Клапареда [36; 58].

В дальнейшем, на основе разработок Н.М. Попова и А.Э. Янишевского их ассистенты д-р Никола Крестников (Кръстников) и д-р Минко Добрев, а также их студенты – д-р Никола Шипковенски, д-р Илия Лингорски и др. продолжают исследования сна и развивают идеи своих учителей [35; 59; 60].

А.Э. Янишевский считал, что во время сна жизненный процесс направлен не на взаимодействие человека с окружающей средой, а на внутреннее формирование и обновление физического и психического состояния собственного организма. Учитывая, что цель этого процесса относится к собственному организму, он называет его «аутистической фазой ритмики жизни» [64, С. 176]. Таким образом, в основе биологической концепции сна оказывается вывод, что его расстройства являются результатом болезней организма, которые необходимо лечить, а не просто подавлять бессонницу снотворными средствами.

Сонный энцефалит – одна из тяжелых болезней, проявляющаяся либо летаргией, либо расстройством сна. До общетеоретического этапа изучения сна и формулировки биологической концепции А.Э. Янишевский руководит лечением больных разразившейся пандемии сонного энцефалита в Болгарии после Первой мировой войны [65]. Лечебные и исследовательские результаты представлены в статьях «К диагностике *Encephalitis lethargica*» на болгарском языке в журнале «Летопись Болгарского врачебного общества» в № 17 1924 г. и на русском в журнале «Врачебное обозрение» (Берлин) в 1924 г. Статья «*Protractio linguae* как чрезвычайный симптом *encephalitis lethargica*» на болгарском языке в журнале «Болгарская клиника» в № 1 1928 г. посвящена случаю патологического изменения формы языка больного в результате сонного энцефалита [10, С. 387].

Систематическому изучению сонного энцефалита с обсуждениями отдельных случаев болезней, патологической картины, эпидемиологии и способов терапии посвящена монография А.Э. Янишевского «*Encephalitis lethargica*» [65, С. 392]. Изложение материала сделано по наблюдениям больных, поступивших в неврологическую клинику Александровской больницы с осени 1922 г. до апреля 1925 г. По воспоминаниям Г. Узунова, число больных было настолько велико, что пришлось размещать их и в психиатрической клинике [49, С. 96]. В лечении А.Э. Янишевский применял самые современные средства того времени, но болезнь наносила большие поражения организмам больных и часто заканчивалась смертельным исходом. Сам он определил ее как «ужасный недуг» [65, С. 2].

В начале 30-х гг. впервые в Болгарии он изучает ромбэнцефалит. В 1933 г. публикует результаты этого исследования в статье «Ромбэнцефалит, как проявление особого вида нейротропного вируса» на болгарском языке в «Медицинском журнале», № 16, 1933 г.

В мировой научной литературе по неврологии он делает сообщения о двух новых симптомах – хватательном рефлексе и дистоническом симптоме. Результаты опубликованы на болгарском языке (1925), на французском – во Франции (1924) и на немецком языке – в Германии (1928) [10, С. 387-390].

А.Э. Янишевский был не только большим ученым, но и излагал результаты своих научных исследований в своих учебниках для болгарских студентов. В 1923 г. он издает руководство «О сущности симптомов нервных заболеваний» на русском языке в ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета за 1922/1923 гг. В 1924 г. выходит в свет болгарский перевод его учебника «Симптоматология заболеваний нервной системы».

В 1929 г. опубликован учебник нервных болезней (патология органических процессов периферической и центральной нервной системы). Над переводом рукописи работали ассистенты неврологии д-р Никола Боев и д-р Райна Иванова-Христова. Редакцию болгарского текста сделал профессор отоларингологии Стоян Белинов, выпускник Санкт-Петербургской медицинской академии.

В нем А.Э. Янишевский излагает не только общепринятые невропатологические учения, но и сочетает их со своими собственными взглядами и достижениями [65].

Интенсивная преподавательская, научная и врачебная работа двух российских профессоров дала сильный импульс профессиональному развитию их ассистентов и сотрудников. Некоторые из них углубляли свои знания и умения, полученные в странах Западной Европы и России, а другие, их непосредственные ученики, следовали с большим усердием примеру своих учителей.

Н.Г. Крестников (Кръстников) и Е. Шеханова-Степанова – представители второго поколения российско-болгарской школы психиатрии

На кафедре неврологии и психиатрии Медицинского факультета Софийского университета под руководством Н.М. Попова и А.Э. Янишевского работали несколько ассистентов, но особенно отличались ассистенты психиатрии д-р Никола Гаврилов Крестников (Кръстников) (16.08.1880 – 23.09.1936) и д-р Елена Шеханова-Степанова (13.12.1893 – 19.10.1963). Оба изучали медицину в Петербурге и воспитывались в духе лучших традиций российской научной школы психиатрии. Оба были ассистентами Н.М. Попова и считали его своим учителем [57, С. 427].

Никола Гаврилов Крестников родился в городе Габрове, в семье ополченца Русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 гг. Гаврила Крестникова. По окончании гимназии имени Василия Априлова в родном городе работает учителем в начальной школе села Енчовци, Дряновского района.

С 1899 по 1904 гг., благодаря стипендии генерала Н.Г. Столетова, изучает медицину в Военномедицинской академии Петербурга. Учится у известных профессоров медицины, в том числе И.П. Павлова и В.М. Бехтерева. После получения своего диплома лекаря, откликается призыву российского правительства и уезжает в Туркмению (г. Мерв) работать по борьбе с эпидемией холеры.

Вернувшись в Петербург, становится штатным ассистентом психиатрии, в клинике больницы Святой Марии Магдалины Пербургского женского института, где, вероятно, проработал около полутора лет. В 1906 г. возвращается на Родину. Занимает должности городского врача в г. Търговище и школьного врача в г. Велико Тырнове, а после этого становится свободно практикующим врачом и открывает свой кабинет в Велико Тырнове. В 1914 г. переезжает в Софию и продолжает свою психо-неврологическую практику [27, С. 100-104].

В 1909 г. проводит трехмесячную стажировку в клинике французского профессора Дежерина в Париже. В 1913 г. едет в Петербург и около года специализируется в клиниках В.М. Бехтерева и невролога Л.В. Блюменау.

Принимает участие в Балканской и Первой мировой войнах в качестве военного врача: во время Балканской войны – врач Великотырновского полка, а во время Первой мировой войны – врач в составе Добруджанского полка [33, С. 69].

В 1921 г. по его инициативе в Софии создается Болгарское психологическое общество, членами которого становятся социолог-эмигрант из России Иван Германович Кинкел, преподаватели психологии Софийского университета Спиридон Казанджиев и Михаил Димитров, педиатр Власаки Шуманов, окончивший медицину в России и др. [37, С. 114]. По воспоминаниям Спиридона Казанджиева, Н.Г. Крестников «проявлял большой интерес к теоретическим вопросам психологии, и эта наука быстро и успешно обогатила его теорию и практику врача» [13, С. 242-243].

Первая значимая публикация Н.Г. Крестникова в сфере психологии болгарского народа подготовлена на основе реферата, прочитанного им на заседании Болгарского психологического общества. В ней он проводит анализ послевоенной жизни болгарского общества. Выявляет негативные последствия войны на психическое развитие и здоровье болгарского гражданина того времени. Основываясь на принципах невропатологической теории Ж.Ж. Дежерина, анализирует болгарское общественное сознание и относится критически к таким чертам болгарского национального характера, как исключительному стремлению к материальному благополучию, самолюбию, тщеславию, честолюбию и др. Считает их эмоциональными проявлениями характера.

Развитие воли и волевого поведения связывает с формированием и проявлением нравственного чувства в контексте совести. В самой своей развитой форме нравственное чувство проявляется в семейных взаимоотношениях, а в самой дегенеративной форме – в политической жизни.

Социальная жизнь требует целенаправленное воспитание нравственных чувств. В болгарском обществе, однако, оно недостаточное и по этой причине «развитие нации, в целом, отстает в социальном и государственном плане, в сравнении с другими народами» [25].

С психологической точки зрения, Н.Г. Крестников рассматривает национальный характер по аналогии с индивидуальным характером личности. Считает, что чувства оказывают исключительное влияние на психическое развитие личности. Они вместе с волей и составляют структуру индивидуального и национального характера. Следовательно, существуют два типа чувств: индивидуальные и социальные. Наряду с воспитанием, на формирование чувств оказывает влияние и наследственность, которые тоже бывают двух типов: индивидуальные и национальные. Исходя из содержания наследственности второго типа, Н.Г. Крестников считает, что существуют черты национального характера, которые формировались в результате исторической жизни болгарского народа в условиях турецкого рабства [25]. Таким образом, он выражает свое убеждение, что психопатологическая характеристика личности, кроме индивидуальных, имеет и свои национальные, социально-психологические особенности.

Большое значение он отдает социальному фактору возникновения психических расстройств. Учитывает негативное влияние общественной жизни на психическое здоровье отдельной личности. Считает, что как социальный феномен, революция является «результатом психической регрессии» [19]. Известно, что относился с особым уважением и сочувствием к политическим заключенным, и помогал им как врач [49, С. 110].

В 1922 г. Н.Г. Крестников выбирается на должность ассистента кафедры фармакологии. Скоро после этого направлен на кафедру неврологии и психиатрии, на которой становится ассистентом Н.М. Попова. С 1924 г. – главный ассистент, а с 1926 г. – приват-доцент кафедры. В 1934 г. ему присвоено звание ординарного доцента неврологии и психиатрии. После ухода Н.М. Попова на пенсию становится заведующим кафедрой неврологии и психиатрии и невропсихиатрической клиникой [17, С. 27].

В болгарской истории психиатрии 50-х и 60-х гг. XX в. творчеству Н.Г. Крестникову посвящен ряд статей. В 1955 г. по поводу 75-летия его рождения в Софии проходит научная сессия по проблемам психотерапии [49, С. 108]. В 1968 г. защищена кандидатская диссертация П. Никоевского «Метод Н. Крестникова искусственной репродукции патогенных аффективных переживаний» [8, С. 412]. В 1983 г. переведен с немецкого на болгарский язык основной труд Н.Г. Крестникова «Лечение аффективных душевных

переживаний при помощи репродукции, вызванной искусственным способом» [24, С. 115-152].

По существу, данный метод оказывается разновидностью психотерапии. Ему и посвящены основные исследования творчества Н.Г. Крестникова; некоторые авторы изучают отличие репродукционного метода от принципов психоанализа З. Фрейда [54, С. 390-398]; другие проводят сопоставление психокатарзисных методов Н.Г. Крестникова и советского психиатра М.М. Асатиани [50]. Значение репродуктивного метода рассматривается в контексте психотерапии 60-х гг.; специальное внимание уделено его болгарским модификациям и усовершенствованию [8].

Метод репродукций аффективных переживаний направлен, скорее всего, на лечение психоневрозов. В практическом аспекте он относится к технике психокатарсиса без применения гипноза, внушения и психоаналитической беседы. В теоретическом аспекте - основывается на разработках автора о роли телесных ощущений в формировании и проявлении самосознания или т.н. «я – комплекса», о роли сознательных и бессознательных проявлений эмоционально-чувственной сферы аффекта, об участии представлений и памяти в процессе репродукции астенических переживаний [21; 23; 24].

Во всех своих работах по патопсихологии и психиатрии, Н.Г. Крестников не только основывается на клинических наблюдениях и экспериментальных исследованиях, но и последовательно применяет достижения общей психологии. К сожалению, эта активная научно-исследовательская деятельность прерывается его неожиданной смертью 28 августа 1936 г. Кафедра неврологии и психиатрии потеряла своего заведующего и на протяжении ряда лет болгарская научная психиатрия находилась в организационном кризисе.

Второй ассистент Н.М. Попова – д-р Елена Шеханова-Степанова отдает много сил для развития академической психиатрии в Болгарии. Она родилась в г. Старой Загоре. Ее отец болгарин, а мать россиянка. Супруг – эмигрант из Советской России.

С ранних лет Елена Шеханова, кроме болгарского, владела и русским языком. В студенческие годы перевела с русского рассказы И.С. Тургенева и Л.Н. Андреева.

В 1918 г. окончила медицину в Петербургском, а за тем в Софийском университете (1924). Сразу после получения диплома лекаря она выбрана ассистентом кафедры неврологии и психиатрии. В 1929 г. назначена на должность главного ассистента психиатрической клиники, а в последствии становится и заместителем директора [32]. Все время, проведенное на кафедре

и в клинике, работает под руководством Н.М. Попова и в тесном сотрудничестве с Н.Г. Крестниковым.

В 1934 г. руководство Медицинского факультета прекратило ее контракт и ей пришлось работать врачом-психиатром. Заведовала отделениями в психиатрических больницах, в селе Карлукове, городе Ловече, на станции Курило [51, С. 413].

До конца своей профессиональной деятельности, она уделяла большое внимание научной работе. Будучи ассистентом в психиатрической клинике, она дважды была на специализации в Вене, в 1930 г. принимала участие в Международном конгрессе психологов и патопсихологов [32], в 1936 г. во Всеславянском конгрессе неврологов и психиатров в Софии, а в 1959 г. участвовала в конгрессе психиатров СССР [51, С. 413].

Ее первая научная публикация относится к 1926 г. Е. Шеханова сообщает о своих клинических наблюдениях случая прогрессивного паралича, развивая в теоретическом отношении идеи Н.М. Попова о сущности прогрессивного паралича [55]. В 1928 г. в «Медицинском журнале» публикует статью, посвященную методу искусственной репродукции Н.Г. Крестникова, при его поддержке приводит и свои наблюдения клинических случаев. Выявляет преимущества метода болгарского психиатра, сравнивая его с психоанализом (З. Фрейд), гипнозом (Ж.-М. Шарко), внушением (И. Бернгейм).

В конце 20-х гг. Е. Шеханова изучает эхоталию и эхопраксию. Результаты этих исследований публикует в журнале «Болгарская клиника». Другая исследовательская проблема этого периода относится к изучению влияния землетрясений на психические заболевания. Е. Шеханова приходит к выводу, что в этом отношении не существуют специфические психозы. Переживание по поводу землетрясения сопутствует или является началом определенного психического заболевания. Исследования данной проблемы опубликованы в Ежегоднике Медицинского факультета Софийского университета за 1929/1930 гг. на болгарском языке и на немецком в Вене в 1932 г.

Монография Е. Шехановой издана в 1941 г. Она посвящена взаимоотношению психоневрозов и эндогенных психозов в свете аналитической психиатрии [51, С. 414].

Последняя работа Е. Шехановой – по поводу 15-летия кончины Н.Г. Крестникова – издана в 1954 г. Она сопоставляет учение болгарского психиатра и учение И.П. Павлова о рефлексах. Проанализировав все основные труды Н.Г. Крестникова и выявив их сходства с теорией И.П. Павлова, Е. Шеханова, однако, не указывает на различия. По-видимому, в эпоху

«павловской психологии» было необходимо поддерживать тезис о некоей идентичности взглядов Н.Г. Крестникова с таковыми у И.П. Павлова.

Современный анализ данного сопоставительного исследования позволяет выявить и существенные различия двух точек зрения. Например, Н.Г. Крестников считает, что ощущения имеют огромное значение для психического развития человека и играют очень важную роль в ходе психических расстройств, что оказывается в принципиальном противоречии с рефлекторной теорией И.П. Павлова, согласно которой ощущения соответствуют безусловному рефлексу и отличаются только физиологическим характером.

Е. Шеханова говорит о единой рефлекторной деятельности в учении И.П. Павлова и не дифференцирует характер безусловных и условных рефлексов ни в отношении к психике, ни к особенностям анализаторов, ни к органам чувств.

Как известно, в своем учении о двух сигнальных системах И.П. Павлов рассматривал ведущую роль восприятия и речи в качестве познавательных психических явлений. Таким образом, познавательная сторона психики определяет весь ход индивидуального и личностного психического акта. Н.Г. Крестников и Е. Шеханова, наоборот, считают, что эмоционально-чувственная сфера не только направляет активность личности [57, С. 434], но от нее зависят воля и интеллект [19]. Следовательно, наряду со сходствами между двумя теориями, существуют и очень существенные принципиальные различия. По-видимому, для Е. Шехановой данное сопоставление было единственным возможным способом воскресить память о вкладе Н.Г. Крестникова в науку.

Таким образом, Е. Шеханова-Степанова становится и первым историком российско-болгарской школы психиатрии и патопсихологии. Она выявляет международную значимость разработок школы и ее высокий уровень достижений второй половины 30-х гг.

Заключение

Историко-психологический анализ становления и развития российско-болгарской школы психиатрии и неврологии приводит к выводу, что ее создатели Н.М. Попов и А.Э. Янишевский являются первыми организаторами научной неврологии и психиатрии в Болгарии. Они подготовили несколько поколений врачей и специалистов, которые работали в контексте их подходов до начала 80-х гг. XX в.

Если на болгарскую психологию оказали сильное влияние немецкие швейцарские психологические школы второй половины XIX – начала XX вв.,

то отечественная патопсихология, психиатрия и неврология формировались под непосредственным воздействием российских научных традиций. Благодаря этому, болгарская психиатрия и неврология за короткий срок оказались одними из ведущих научных направлений в Европе первой половины XX в.

Список литературы:

1. Апостолов М. История на медицината. Кратък курс. София: Медицина и физкултура. 1984.
2. Божинов С. Развитие на катедрата по неврология при ВМИ – София // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. VII. 1968. № 5. С. 342-352.
3. Брушлински А. Психология на субекта. Велико Търново: ПИК. 2013.
4. Василев Д.Д. Из истории вопроса о различии между ощущением и восприятием. София: Трудове на ВПИ «Братя Кирил и Методий». Велико Търново. Т. 1. 1964.
5. Василев Д.Д. Учение И. П. Павлова о Высшей нервной деятельности и психология. София: Трудове на ВПИ «Братя Кирил и Методий». Велико Търново. Т. 5. 1966.
6. Васильев К.К., Васильев Ю.К. Роль Казанского университета в становлении Медицинского факультета Новороссийского университета // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 2. С. 169-174.
7. Гатилова А.В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском императорском университете // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 94-99.
8. Димитров Хр., Кръстников А. Мястото на репродукционния метод на Н. Кръстников в съвременната психотерапия // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. VII. 1968. № 5. С. 407-412.
9. Запрянов Н., Найденов Гр. Медицински биографичен справочник. Пловдив: «Христо Г. Данов». 1972.
10. Запрянов Тр. Проф. Алексей Ерастович Янишевски // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. VII. 1968. № 5. С. 384-390.
11. История на Катедра по неврология на Медицинска академия – София. URL: <http://www.kn.medfac-sofia.eu/index.html>
12. История на Клиника по нервни болести на Медицинска академия. София. URL: <http://alexandrovaska.com/display.php?bg/>

13. Казанджиев С. (С. К.) Д-р Никола Г. Кръстников. Некролог. // Сп. Просвета. Год. II. Октомврий 1936. Кн. 2. С. 242 – 246.
14. Кантарев К.Н. Спомени за двама видни представители на неврологията и психиатрията – проф. Н. М. Попов и проф. А. Е. Янишевски // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. XXI. 1982. № 6. С. 466-468.
15. Касаткин В.Н. Теория сновидений. Ленинград: Издательство «Медицина». 1967.
16. Катедра по неврология. Медицински факултет. URL: <http://www.medfaculty.org/katedri/nevrologia.html>
17. Килимов Н.И. Записки по българска неврология (очерци за изтъкнати дейци). Под ред. на проф. П. Шотеков. София: Фондация «Паркинсонизъм». 2001.
18. Косик В.И. Русские изгнанники в Болгарии в 1920 – 1950-х годах // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной церкви. 2007. Вып. 1 (22). С. 21-29.
19. Кръстников Н. Към психологията на днешното време // Демократически преглед. 1922. №15, 9/10. С. 561-573.
20. Кръстников Н. Към учението за основните принципи на душевните процеси. Годишник на Софийския университет, Медицински факултет, годишнина II, 1922/1923. С. 1-100.
21. Кръстников Н. Психологичен анализ на натрапчивите състояния. ГСУ, МФ, кн. V. 1926. С. 319-390.
22. Кръстников Н. Телесните усещания и процесите на съзнанието. Годишник на Софийския университет, Медицински факултет, годишнина V. 1926. С. 95-114.
23. Кръстников Н. Психиатрия и педагогия. Просвета. 1936. к. 2, С. 217-224.
24. Кръстников Н. Лечение на афективните душевни преживявания чрез изкуствено предизвикани репродукции. Основоположници на българската психиатрия. Съставители: К. Миленков и Хр. Попов. София: Медицина и физкултура. 1983. С. 115-152.
25. Кръстников Н. Опит за психологически анализ на нашия душевен живот. Велико Търново: Надежда – Р. Н. 2008.
26. Кръстников, Никола Гаврилов // Кратка българска енциклопедия. Том 3. КВАНТ - ОПЕРЕ. София: Издателство на Българската академия на науките. 1966. С. 181.
27. Кръстникова-Симеонова Н. Г. Спомени за моя брат – Никола Гаврилов Кръстников // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София: ДИ «Медицина и физкултура». Год. VII, 1969. С. 99-107.

28. Медицинска психология / Под ред. на проф. Вл. Иванов. София: «Медицина и физкултура». 1971.
29. Миленков К. Основоположник на психиатричната школа в България: Проф. Н.М. Попов – първият професор по психиатрия // Вестник «Отечествен фронт». 1968. № 7513.15 ноември. Петък. Година XXVI. с. 4.
30. Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Психология в истории российского научного зарубежья. История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. Москва: Издательство «Институт психологии РАН». 2006. С. 223-228.
31. Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье. Материалы для библиографического словаря. Пилотный выпуск 2. Психологические науки XIX – начало XX в. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицина. 2010.
32. Назърска Ж. Достъпът на жените до българската университетска наука (1918 – 1944). София. 2003. URL: http://www.cwsp.bg/upload/docs/1_nazarska_zheni_v_naukata_2.pdf
33. Николова Р. Биографични данни за д-р Никола Гаврилов Кръстников. Никола Кръстников. Опит за психологически анализ на нашия обществен живот. Велико Търново: Надежда – Р. Н. 2008. С. 67-84.
34. Няголова М.Д. Българо-руски научни връзки в областта на психологията, след Освобождението на България от турско иго // Славянская историко-культурная и языковая ситуация. Коллективная монография / под ред. С.А. Алексановой, Т.В. Шмелевой, Ю.Н. Кононовой, Н.Д. Няголовой, И.М. Рысына, А.Н. Рябикова, А.И. Яценко, Славянск-на-Кубани: Издательский центр Филиала КубГУ. С. 50-64.
35. Няголова М.Д., Гатев Л.С. Сон как фактор психического здоровья учащихся. Инновации в медицине, психологии и педагогике // Материалы VII научно-практической конференции (Вьетнам, Муй-нэ, 27 апреля – 7 мая 2015 г.) / Под научной редакцией М. Г. Чухровой и О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Издательство: ООО «Немо Пресс». 2016. С. 53-56.
36. Няголова М. Гатев Л. Изучаването на съня в българската психология и психиатрия от първата половина на XX век. Юбилеен сборник по случай 20 годишнината на Философски факултет на Великотърновския

- университет «Св. Св. Кирил и Методий». Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий». 2017. С. 123-135.
37. Основоположници на българската психиатрия / Съставители: К. Миленков и Хр. Попов. София: Медицина и физкултура. 1983.
38. Попов Н.М. Основи на общата психопатология. София: Печатница Художник. 1923.
39. Попов Н.М. К учению о шизофрении // Годишник на Софийския университет, Медицински факултет, годишнина V. Кн. 4. 1925 - 1926. С. 115-122.
40. Попов Н.М. Излечими форми на шизофренията // Годишник на Софийския университет, Медицински факултет, годишнина VII. Кн. 4. 1927 - 1928. София: Печатница «Художник». С. 1-36.
41. Попов Николай Михайлович // Кратка българска енциклопедия. Том 4. ОПЕРЕ - СТРОИ. София: Издателство на Българската академия на науките. 1967. С. 209.
42. Рычкова И.В., Рябчикова Э.Д. Михаил Эрастович Янишевский – основатель кафедры палеонтологии в Томском технологическом институте // Страницы истории ТПУ. С. 200-205.
43. Созинов А.С., Менделевич Д.М. Вклад профессора Н.М. Попова в развитие европейской, российской и казанской школы психиатров // Практическая медицина. № 2 (57), апрель 2012. С. 187-191.
44. Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицина. 2010. Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. Москва: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицина. 2010. С. 75-94.
45. Социална психиатрия / Под ред. на Вл. Иванов. София: «Медицина и физкултура». 1989.
46. Темков Ив. Развитие на катедрата по психиатрия на ВМИ – София // Неврология, психиатрия и неврохирургия. 1968. № 5. С. 351-360.
47. Темков Ив., Миленков К. Проф. Николай Михайлович Попов. Неврология, психиатрия и неврохирургия. 1968. № 5. С. 375-384.
48. Узунов Г. Спомени за проф. Н. М. Попов // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София: ДИ «Медицина и физкултура». Год. VII, 1969. С. 94-99.
49. Узунов Г. Спомени за Н. Кръстников. Неврология, психиатрия и неврохирургия. София: ДИ «Медицина и физкултура». Год. VII, 1969. с. 107-112.

50. Узунов Г., Заимов К. Н. Кръстников и М.М. Асатиани // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. VII. 1968. № 5. С. 398-407.
51. Христозов Хр. Д-р Елена Шеханова – Степанова // Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. VII. 1968. № 5. С. 413-416.
52. Цонев М. Вклад русских белоэмигрантов в научно-техническое развитие Болгарии между двумя войнами // Русская газета в Болгарии. 2004. № 41(60).
53. Чумаченко П. 110 години от рождението на инж. – геолог Андрей Янишевски (1904 – 1949) // Българско геологическо дружество. Национална конференция с международно участие. София: «Геонауки 2014». С. 123-124.
54. Шаранков Е. Никола Гаврилов Кръстников. Неврология, психиатрия и неврохирургия. София. VII. 1968. № 5. С. 390-398.
55. Шеханова Е. Случай от Paralysis progressiva с вторични луетични папулозни изменения. Годишник на Софийския университет, Медицински факултет, годишнина V. Кн. 4. 1925-1926. София: Печатница «Художник». С. 123-140.
56. Шеханова Е. Психоневрозите като ключ към ендогенните психози в светлината на аналитичната психиатрия и нови терапевтични методики. Плевен: Изгрев. 1941.
57. Шеханова Е. Учението на Кръстников в светлината на Павловското учение (по случай 15 години от смъртта на Кръстников). Известия на медицинските институти. Книга девета и десета. София: Издание на Българската академия на науките. 1954. С. 427-446.
58. Шипковенски Н. Проблемът за съня. София: издава Тончо Цоневски. 1934.
59. Шипковенски Н. Психология на сънуването // Философски преглед, кн. 3. 1936. с. 194-209.
60. Шипковенски Н., Чолаков К. Сън и сънуване // Философски преглед, кн. 4. 1935. С. 343-360.
61. Шипковенски Н. Основи на психопатологията. София: Държавно издателство «Наука и изкуство», 1954.
62. Янишевски А.Е. Учебник по нервни болести. Патология на органическите процеси в периферичната и централната нервна система. Университетска библиотека №81. София: Печатница «Художник», 1929.
63. Янишевски А. Предговор. Н. Шипковенски. Проблемът за съня. София: Издава Тончо Цоневски, 1934. С. 1-2.
64. Янишевски А.Е. Сънят. София. г. I. Октомврий 1935. кн. 2. С. 172-177.

65. Янишевский А.Е. Encephalitis Lethargica. Сонный энцефалит. По наблюдениям в клинике нервных болезней Софийского университета. София: Типография «Ив. К. Божинов», 1925.
66. Янишевски, Алексей Ерастович // Кратка българска енциклопедия. Том 5. СТРОИ – ЯЯ. София: Издателство на Българската академия на науките. 1969. С. 552.
67. Zeldenrust E.L. K. Über das Wesen der Hysterie. Basel, S. Karger, New York, 1956.

References:

1. Apostolov M. Istorija na medicinata. Krat#k kurs. Sofija: Medicina i fizkultura. 1984.
2. Bozhinov S. Razvitie na katedrata po nevrologija pri VMI – Sofija // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. VII. 1968. № 5. S. 342-352.
3. Brushlinski A. Psihologija na subekta. Veliko T#rnovo: PIK. 2013.
4. Vasilev D.D. Iz istorii voprosa o razlichii mezhdu oshhushheniem i vosprijatiem. Sofija: Trudove na VPI «Bratja Kiril i Metodij». Veliko T#rnovo. T. 1. 1964.
5. Vasilev D.D. Uchenie I. P. Pavlova o Vysshej nervnoj dejatel'nosti i psihologija. Sofija: Trudove na VPI «Bratja Kiril i Metodij». Veliko T#rnovo. T. 5. 1966.
6. Vasil'ev K.K., Vasil'ev Ju.K. Rol' Kazanskogo universiteta v stanovlenii Medicinskogo fakul'teta Novorossijskogo universiteta // Kazanskij medicinskij zhurnal. 2014. T. 95. № 2. S. 169-174.
7. Gatilova A.V. Nauchnye dinastii pol'skih professorov i prepodavatelej v Kazanskom imperatorskom universitete // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i isskustv. 2011. № 3. S. 94-99.
8. Dimitrov Hr., Kr#stnikov A. Mjastoto na reprodukcionnija metod na N. Kr#stnikov v s#vremennata psihoterapija // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. VII. 1968. № 5. S. 407-412.
9. Zaprjanov N., Najdenov Gr. Medicinski biografichen spravochnik. Plovdiv: «Hristo G. Danov». 1972.
10. Zaprjanov Tr. Prof. Aleksej Erastovich Janishevski // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. VII. 1968. № 5. S. 384-390.
11. Istorija na Katedra po nevrologija na Medicinska akademija – Sofija. URL: <http://www.kn.medfac-sofia.eu/index.html>
12. Istorija na Klinika po nervni bolesti na Medicinska akademija. Sofija. URL: <http://alexandrovska.com/display.php?bg/>

13. Kazandzhiev S. (S. K.) D-r Nikola G. Kr#stnikov. Nekrolog. // Sp. Prosveta. God. II. Oktomvrij 1936. Kn. 2. S. 242 – 246.
14. Kantarev K.N. Spomeni za dvama vidni predstaviteli na nevrologijata i psihiatrijata – prof. N. M. Popov i prof. A. E. Janishevski // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. XXI. 1982. № 6. S. 466-468.
15. Kasatkin V.N. Teorija snovenij. Leningrad: Izdatel'stvo «Medicina». 1967.
16. Katedra po nevrologija. Medicinski fakultet. URL: <http://www.medfaculty.org/katedri/nevrologia.html>
17. Kilimov N.I. Zapiski po b#lgarska nevrologija (ocherci za izt#knati dejci). Pod red. na prof. P. Shotekov. Sofija: Fondacija «Parkinsoniz#m». 2001.
18. Kosik V.I. Russkie izgnanniki v Bolgarii v 1920 – 1950-h godah // Vestnik PSTGU II: Istorija. Istorija Ruskoj Pravoslavnoj cerkvi. 2007. Vyp. 1 (22). S. 21-29.
19. Kr#stnikov N. K#m psihologijata na dneshnoto vreme // Demokraticheski pregled. 1922. №15, 9/10. S. 561-573.
20. Kr#stnikov N. K#m uchenieto za osnovnite principi na dushevnite procesi. Godishnik na Sofijskija universitet, Medicinski fakultet, godishnina II, 1922/1923. S. 1-100.
21. Kr#stnikov N. Psihologichen analiz na natrapchivite s#stojanija. GSU, MF, kn. V. 1926. S. 319-390.
22. Kr#stnikov N. Telesnite useshhanija i procesite na s#znaniето. Godishnik na Sofijskija universitet, Medicinski fakultet, godishnina V. 1926. S. 95-114.
23. Kr#stnikov N. Psihiatrija i pedagogija. Prosveta. 1936. k. 2, S. 217-224.
24. Kr#stnikov N. Lechenie na afektivnite dushevni prezhivjavanja chrez izkustveno predizvikani reprodukcii. Osnovopolozhnici na b#lgarskata psihiatrija. S#staviteli: K. Milenkov i Hr. Popov. Sofija: Medicina i fizkultura. 1983. S. 115-152.
25. Kr#stnikov N. Opit za psihologicheski analiz na nashija dusheven zhivot. Veliko T#rnovo: Nadezhda – R. N. 2008.
26. Kr#stnikov, Nikola Gavrilov // Kratka b#lgarska enciklopedija. Tom 3. KVANT - OPERE. Sofija: Izdatelstvo na B#lgarskata akademija na naukite. 1966. S. 181.
27. Kr#stnikova-Simeonova N. G. Spomeni za moja brat – Nikola Gavrilov Kr#stnikov // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija: DI «Medicina i fizkultura». God. VII, 1969. S. 99-107.
28. Medicinska psihologija / Pod red. na prof. Vl. Ivanov. Sofija: «Medicina i fizkultura». 1971.

29. Milenkov K. Osnovopolozhnik na psihiatrichnata shkola v B#lgarija: Prof. N.M. Popov – p#rvijat profesor po psihiatrija // Vestnik «Otechestven front». 1968. № 7513.15 noemvri. Pet#k. Godina XXVI. s. 4.
30. Masolikova N.Ju., Sorokina M.Ju. Psihologija v istorii rossijskogo nauchnogo zarubezh'ja. Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoj mysli: Postigaja proshloe, ponimat' nastojashhee, predvidet' budushhee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii «IV Moskovskie vstrechi» / Otv. red. A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'cova, Ju. N. Olejnik. Moskva: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN». 2006. S. 223-228.
31. Masolikova N.Ju., Sorokina M.Ju. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e. Materialy dlja bibliograficheskogo slovarja. Pilotnyj vypusk 2. Psihologicheskie nauki XIX – nachalo XX v. Moskva: Dom russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicina. 2010.
32. Naz#rska Zh. Dost#p#t na zhenite do b#lgarskata universitetska nauka (1918 – 1944). Sofija. 2003. URL:
http://www.cwsp.bg/upload/docs/1_nazarska_zheni_v_naukata_2.pdf
33. Nikolova R. Biografichni dannii za d-r Nikola Gavrilov Kr#stnikov. Nikola Kr#stnikov. Opit za psihologicheski analiz na nashija obshhestven zhivot. Veliko T#rnovo: Nadezhda – R. N. 2008. C. 67-84.
34. Njagolova M.D. B#lgaro-ruski nauchni vr#zki v oblastta na psihologijata, sled Osvobozhdenieto na B#lgarija ot tursko igo // Slavjanskaja istoriko-kul'turnaja i jazykovaja situacija. Kollektivnaja monografija / pod red. S.A. Aleksanovoj, T.V. Shmelevoj, Ju.N. Kononovoj, N.D. Njagolovoj, I.M. Rysina, A.N. Rjabikova, A.I. Jacenko, Slavjansk-na-Kubani: Izdatel'skij centr Filiala KubGU. S. 50-64.
35. Njagolova M.D., Gatev L.S. Son kak faktor psihicheskogo zdorov'ja uchashhihsja. Inovacii v medicine, psihologii i pedagogike // Materialy VII nauchno-prakticheskoj konferencii (V'etnam, Muj-nje, 27 aprelja – 7 maja 2015 g.) / Pod nauchnoj redakciej M. G. Chuhrovoj i O. A. Belobrykinov. Novosibirsk: Izdatel'stvo: OOO «Nemo Press». 2016. S. 53-56.
36. Njagolova M. Gatev L. Izuchavaneto na s#nja v b#lgarskata psihologija i psihiatrija ot p#rvata polovina na XX vek. Jubileen sbornik po sluchaj 20 godishninata na Filosofski fakultet na Velikot#rnovskija universitet «Sv. Sv. Kiril i Metodij». Veliko T#rnovo: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Sv. Kiril i Metodij». 2017. S. 123-135.
37. Osnovopolozhnici na b#lgarskata psihiatrija / S#staviteli: K. Milenkov i Hr. Popov. Sofija: Medicina i fizkultura. 1983.

38. Popov N.M. Osnovi na obshhata psihopatologija. Sofija: Pечатnica Hudozhnik. 1923.
39. Popov N.M. K ucheniju o shizofrenii // Godishnik na Sofijskija universitet, Medicinski fakultet, godishnina V. Kn. 4. 1925 - 1926. S. 115-122.
40. Popov N.M. Izlechimi formi na shizofrenijata // Godishnik na Sofijskija universitet, Medicinski fakultet, godishnina VII. Kn. 4. 1927 - 1928. Sofija: Pечатnica «Hudozhnik». S. 1-36.
41. Popov Nikolaj Mihajlovich // Kratka b#lgarska enciklopedija. Tom 4. OPERE - STROI. Sofija: Izdatelstvo na B#lgarskata akademija na naukite. 1967. S. 209.
42. Rychkova I.V., Rjabchikova Je.D. Mihail Jerastovich Janishevskij – osnovatel' kafedry paleontologii v Tomskom tehnologicheskom institute // Stranicy istorii TPU. S. 200-205.
43. Sozinov A.S., Mendelevich D.M. Vklad professora N.M. Popova v razvitie evropejskoj, rossijskoj i kazanskoj shkoly psihiatrov // Prakticheskaja medicina. № 2 (57), aprel' 2012. S. 187-191.
44. Sorokina M.Ju. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e versus russkaja nauchnaja jemigracija: k opredeleniju ob#ema i sodержanija ponjatija «rossijskoe nauchnoe zarubezh'e» // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicina. 2010. Otv. red. N. F. Gricenko. Moskva: Dom russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicina. 2010. S. 75-94.
45. Socialna psihiatrija / Pod red. na Vl. Ivanov. Sofija: «Medicina i fizkultura». 1989.
46. Temkov Iv. Razvitie na katedrata po psihiatrija na VMI – Sofija // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. 1968. № 5. S. 351-360.
47. Temkov Iv., Milenkov K. Prof. Nikolaj Mihajlovich Popov. Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. 1968. № 5. S. 375-384.
48. Uzunov G. Spomeni za prof. N. M. Popov // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija: DI «Medicina i fizkultura». God. VII, 1969. S. 94-99.
49. Uzunov G. Spomeni za N. Kr#stnikov. Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija: DI «Medicina i fizkultura». God. VII, 1969. s. 107-112.
50. Uzunov G., Zaimov K. N. Kr#stnikov i M.M. Asatiani // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. VII. 1968. № 5. S. 398-407.
51. Hristozov Hr. D-r Elena Shehanova – Stepanova // Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. VII. 1968. № 5. S. 413-416.
52. Conev M. Vklad russkih belojemigrantov v nauchno-tehnicheskoe razvitie Bolgarii mezhdu dvumja vojnamy // Russkaja gazeta v Bolgarii. 2004. № 41(60).

53. Chumachenko P. 110 godini ot rozhdenieto na inzh. – geolog Andrej Janishevski (1904 – 1949) // B#lgarsko geologicheskoto druzhestvo. Nacionalna konferencija s mezhdunarodno ucastie. Sofija: «Geonauki 2014». S. 123-124.
54. Sharankov E. Nikola Gavrilov Kr#stnikov. Nevrologija, psihiatrija i nevrohirurgija. Sofija. VII. 1968. № 5. S. 390-398.
55. Shehanova E. Sluchaj ot Paralysis progressiva s vtorichni luetichni papulozni izmenenija. Godishnik na Sofijskija universitet, Medicinski fakultet, godishnina V. Kn. 4. 1925-1926. Sofija: Pечатnica «Hudozhnik». S. 123-140.
56. Shehanova E. Psihonevrozite kato kljuch k#m endogennite psihozi v svetlinata na analitichnata psihiatrija i novi terapevtichni metodiki. Pleven: Izgrev. 1941.
57. Shehanova E. Uchenieto na Kr#stnikov v svetlinata na Pavlovskoto uchenie (po sluchaj 15 godini ot sm#rtta na Kr#stnikov). Izvestija na medicinskite instituti. Kniga deveta i deseta. Sofija: Izdanie na B#lgarskata akademija na naukite. 1954. S. 427-446.
58. Shipkovenski N. Problem#t za s#nja. Sofija: izdava Toncho Conevski. 1934.
59. Shipkovenski N. Psihologija na s#nuvaneto // Filosofski pregled, kn. 3. 1936. s. 194-209.
60. Shipkovenski N., Cholakov K. S#n i s#nuvane // Filosofski pregled, kn. 4. 1935. S. 343-360.
61. Shipkovenski N. Osnovi na psihopatologijata. Sofija: D#rzhavno izdatelstvo «Nauka i izkustvo», 1954.
62. Janishevski A. E. Uchebnik po nervni bolesti. Patologija na organichesките procesi v periferichnata i centralnata nervna sistema. Universitetska biblioteka №81. Sofija: Pечатnica «Hudozhnik», 1929.
63. Janishevski A. Predgovor. N. Shipkovenski. Problem#t za s#nja. Sofija: Izdava Toncho Conevski, 1934. S. 1-2.
64. Janishevski A.E. S#njat. Sofija. g. I. Oktomvrij 1935. kn. 2. S. 172-177.
65. Janishevskij A.E. Encephalitis Lethargica. Sonnyj jencefalit. Po nabljudenijam v klinike nervnyh boleznij Sofijskogo universiteta. Sofija: Tipografija «Iv. K. Bozhinov», 1925.
66. Janishevski, Aleksej Erastovich // Kratka b#lgarska enciklopedija. Tom 5. STROI – JaJa. Sofija: Izdatelstvo na B#lgarskata akademija na naukite. 1969. S. 552.
67. Zeldenrust E. L. K. Über das Wesen der Hysterie. Basel, S. Karger, New York, 1956.

Сведения об авторе:

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии кафедры психологии Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия (Велико Тырново, Болгария)

Взгляды В.В. Кандинского на смыслы существования¹

Петренко Виктор Федорович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Институт системного анализа РАН, Россия

e-mail: viktor-petrenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема смысла существования, применяя к ее анализу пирамиду духовности В.В. Кандинского.

Ключевые слова: смысл, существование, духовность, пирамида духовности, Кандинский

V.V. Kandinsky's views on existence meanings

Petrenko Viktor Fedorovich

Lomonosov Moscow State University; Institute of Systemic Analysis of RAS, Russia

e-mail: viktor-petrenko@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of an existence meaning, applying Kandinsky's pyramid of spirituality to its analysis.

Keywords: meaning, existence, spirituality, spirituality pyramid, Kandinsky

Появление настоящей статьи связано с нарождающимся общественным движением «ЖИТЬ», еще недостаточно отрефлексировавшим свои цели и задачи, но интуитивно чувствующим некую очень важную экзистенциальную проблему российского общества, а может быть и всего человечества, обусловленную снижением того, что Лев Гумилев обозначил как «пассионарность». Одним из трагических последствий снижения энергетического потенциала желания жить является увеличение числа детских самоубийств. Реакцией на это движения «ЖИТЬ», изначально созданное людьми искусства, было создание одноименного музыкального клипа на эту тему, а также организацией сбора историй людей, попавших в трагическую

¹ Статья написана при поддержке РФФ, грант № 17-18-01610

ситуацию, но сумевших ее преодолеть. Предлагаемые читателю короткие автобиографические рассказы повествуют истории преодоления людьми трагических событий своей жизни, попыток осмысления и обретения, дающих жить смыслов. Эпидемия детских самоубийств, потрясшее российское общество показывает наличие экзистенциального кризиса, связанного с отсутствием у значительной части молодого поколения мотивов жить. Как полагает одна из основателей отечественной патопсихологии Блюма Вульфовна Зейгарник, устойчивость личности обусловлена наличием дальних мотивов. Утрата их или несформированность у молодого поколения приводит к тому, что можно назвать «феноменом Мартина Идена» из одноименного романа Джека Лондона. Напомним сюжет романа. Молодой парень из рабочей среды Мартин Иден случайно знакомится с девушкой из буржуазной семьи и влюбляется в нее. Стремясь достигнуть ее интеллектуального уровня и будучи от природы любознательным, он много читает и занимается самообразованием. Пробудившаяся потребность рассказать о пережитом, желание выразить свои философские идеи привели к кардинальной смене стиля жизни Мартина и, в результате титанических усилий, самоотречения, трудолюбия и таланта, он становится признанным и популярным писателем. Но, добившись всего желаемого, (признание читателей, готовность возлюбленной выйти за него замуж) он утрачивает эти самые дальние мотивы, задающие смысл жизни, и разочарованный, кончает жизнь самоубийством. Как говорили древние – любовь и голод правят миром. А к чему стремиться, если все у тебя есть уже изначально? Дети, покончившие жизнь самоубийством, как правило, были из достаточно благополучных семей. Отсутствие «борьбы за существование» для них обусловило некую духовную вялость, граничащую с утратой смысла жить.

Как говорил Ницше: «Можно пережить любое как, если знаешь зачем». В предлагаемом читателю сборнике даются варианты обретения смысла жить для людей, переживших трагические события, приведших к утрате здоровья или резко сузивших жизненные возможности. Да и обычная человеческая жизнь неизбежно ведет к старческой немощи и в конечном итоге к смерти. В чем обрести осмысленность существования при конечности индивидуального бытия?

В прекрасной книге П.П. Гайденоко «Прорыв к трансцендентальному» приводится притча Г. Честертона о разочаровавшемся в жизни человеке, решившем кончить жизнь самоубийством и утопиться. Пока он шел к водоему он встретил слепого и отдал ему свое зрение; повстречав безногого, отдал свои ноги и т.д. Но, подойдя к реке, он ощутил радость простого существования в этом мире и передумал сводить счеты с жизнью. Смысл существования в этом

варианте бытия в самом существовании, в возможности видеть, слышать или просто ощущать мир и свое в нем пребывание.

В этом контексте я вспоминаю свои студенческие годы и нашу ознакомительную поездку в Загорский детский интернат для слепоглухих, который создал психолог и дефектолог, профессор А.И. Мещеряков. Помню, как мы ехали на электричке в Загорск и мое тягостное чувство ожидания встречи с детьми, как бы скованными панцирем без контактности.

К нашему удивлению, те несколько ребят, с которыми нас познакомили, оказались жизнерадостными, много смеющимися и охотно болтающими на своем полупонятном языке. Я понял, что, будучи лишены слуха и зрения в младенческом возрасте, они и не могли осознать трагизм утраты того, чего были лишены. По аналогии с героем притчи Честертона они были полны чувства радости существования. Отмечу, что с возрастом и получением персонального психологического образования, а, следовательно, с увеличением способности к рефлексии, им пришлось столкнуться с психологическими проблемами самосознания и трудными поисками своего места в этом сложном мире.

Осознанность бытия расширяет степени свободы выбора своего места в мире, но приносит неудовлетворенность и страдания при осознании человеком своей неполной самореализации.

С проблемой поиска смысла собственного существования, с вопросом “а что ты хочешь получить от жизни?”, “к чему стремиться и на какие цели ориентироваться?” сталкивается любой человек на своем жизненном пути, но особо остро стоят эти вопросы в молодости.

В психологии широко известна пирамида мотивации А. Маслоу и менее известна пирамида духовности В.В. Кандинского. Рассмотрим ее. Кандинский метафорически описывает совокупность творцов и пользователей искусства в виде остроугольного треугольника, направленного вверх вершиной. Параллельные основанию треугольника линии разбивают его на секции, где находятся люди одного уровня духовного развития. «Весь треугольник медленно, едва заметно, движется вперед и вверх, и там, где «сегодня» – находится наивысший угол; «завтра» будет следующей частью, т.е. то, что есть «сегодня», понятно лишь одной вершине, и для всего остального треугольника является непонятным вздором; «завтра» станет для второй секции полным смыслом и чувства содержанием жизни. В самой верхней секции иногда находится только один человек: его радостное видение, равнозначное неизмеримой внутренней печали, и те, кто к нему ближе всего, его не понимают. Они возмущенно называют его мошенником или кандидатом в

сумасшедший дом. Так, поруганный современниками, одиноко стоял на вершине Бетховен. Сколько понадобилось лет, прежде чем большая часть секций треугольника достигла вершины, где Бетховен когда-то стоял в одиночестве. И, несмотря на все памятники, так ли уж много людей действительно поднялись на эту вершину? [4, С. 18].

Также к модели Кандинского можно добавить еще подвальные (минусовые) этажи. На этих этажах находятся алкоголики, наркоманы и другие носители пагубных привычек, получающие положительные эмоции как бы в долг у собственного организма. Физиологическими коррелятами положительных эмоций являются эндорфины – гормоны радости и счастья, которые в норме вырабатываются самим организмом. Наркотики дают некий аналог, заменитель природных гормонов, погружая человека в не требующие сознательной активности, измененные состояния сознания. При повторном потреблении наркотиков для того, чтобы вызвать те же состояния отрешенности, требуется увеличение дозы потребления, а сам организм перестает вырабатывать нужные для жизни гормоны радости. Живя в долг, человек движется вниз по наклонной навстречу смерти. К сожалению, как и в альпинизме, карабкаясь вверх по круче духовности человек рискует сорваться в пропасть, и опыт говорит, что часто ищущие, талантливые люди, но не смогшие найти свой путь самореализации, спиваются: становятся наркоманами или сводят свой счет с жизнью напрямую.

Но вернемся к более высоким этажам пирамиды духовности Кандинского. Что значит духовность и чем она обусловлена? В предложенной Д.А. Леонтьевым методике предельных смыслов на вопрос человеку “а зачем ты делаешь нечто: ну, например, зачем ты хочешь поступить в институт?” – следует ответ – “положим, хочу получить профессию”. Далее следует вопрос: «а зачем ты хочешь получить профессию?» – “Положим” – дается ответ – «чтобы содержать свою будущую семью и быть достойным членом общества» (цепочка смыслов в данном примере раздваивается и в этом сложность методики Леонтьева, ибо поступок или желание всегда полимотивированы). Далее можно продолжить ее таким вопросом: “а зачем ты хочешь обрести свою собственную семью?” И т.д. Предельными (окончательными смыслами) в такой цепочке вопросов и ответов становятся таким базовые смыслы как служение обществу, науке, добру и часто – Богу. Методика Д.А. Леонтьева напоминает в своей основе известную притчу о строительстве рабочими Руанского собора. Первый рабочий на вопрос “что ты делаешь?” ответил: «ношу камни», второй ответил, что зарабатывает деньги для своей семьи, третий – что строит Руанский собор.

Высота уровня осмысленности деятельности, очевидно, связана с широтой охвата объектов, ситуаций, событий, которые включаются в ее осознание. И наиболее высокие уровни смыслов, очевидно, (как, по крайней мере, показывает история человечества), связаны с религиозными или квазирелигиозными смыслами (освобожденное человечество, общество всемирного благосостояния, коммунизм, национал-социализм, всемирный халифат и т.п.). Примеры квазирелигиозных смыслов я выбрал не по их оценочному качеству, а по широте объединяющего охвата, уровня грандиозности замыслов. Но, как известно, благими намерениями выложена дорога в ад.

Когда мы говорим о высоких уровнях смысла, в частности, о религиозных, то, что мы имеем в виду? Религия, как выражение духовности, в истории человечества эволюционировала от энергетики духов местности в шаманизме, к звероподобным богам древнего Египта, к человекоподобным бессмертным богам древней Греции, живущим, как Зевс, на горе Олимп, или в глубинах океана, как Посейдон, или в царстве мертвых, как Аид, и, подобно земным людям, конфликтующим друг с другом, и даже вступающим в любовные связи со смертными. Идея единого всеведущего и всемогущего Бога была выдвинута иудаизмом и принята христианством и исламом. Идея единого всемогущего Бога была дополнена в христианстве идеей вочеловечения Бога в образе Христа. Но и само христианство эволюционировало во времени. В Ветхом завете, принятом христианством от иудаизма, Бог приближен к материальному миру: он творит мир за шесть дней (на седьмом отдыхает) и создает человека Адама из глины. Иаков (нареченный Израилем) борется (в физическом смысле) то ли с ангелом, то ли с самим богом (и получает от него чисто физическую травму бедра). Если ветхозаветный Бог способен гневаться и даже подвергать каре небесной целые народы, т.е. он достаточно антропоморфен в своих чувствах и деяниях, то в реформаторской ветви христианства, протестантизме, Бог не локализован ни в пространстве, ни во времени. Он нигде и везде. Он в сердце твоём. Т.е. в истории человечества идея Бога становится все более и более трансцендентальной (особенно в раннем буддизме), лишаясь каких-либо антропоморфных характеристик.

Уровень высоких смыслов присущ и науке, все более склоняющийся к целенаправленности, телеономичности бытия. Выражу парадоксальное утверждение, полагая встречное движение, конвергенцию в трактовке духовности в науки и религии. Согласно современной научной космологии Вселенная возникла порядка 13,5 миллиарда лет тому назад. Солнечная система и, соответственно, планета Земля насчитывают около 6 миллиардов лет и,

согласно теории панспермии, жизнь на Земле была занесена кометами и метеоритами (в форме простейших организмов) из Космоса. Мы – продукт космической эволюции. Наша кровь содержит железо, но тяжелые элементы (которых нет на Солнце – там только гелий и водород), к которым относится и железо, возникают при взрывах сверхновых, когда звезда, выгорая коллапсирует и сжимается до чудовищных давлений и колоссальных температур. Перефразируя слова Тиля Уленшпигеля из одноименного романа Шарля Де Костера, мы могли бы сказать: «В нашем сердце стучит пепел потухших звезд». Но, порожденная звездой уже второго поколения звезд, солнечная система должна бы неизбежно отстать в эволюционном развитии от более ранних систем. И, если жизнь, достигнув стадии самосознания, не самоуничтожается, то во вселенной должны быть иные разумные цивилизации, находящиеся на более высоком уровне развития, и, образуя единую разумную системную целостность, восприниматься, на уровне человеческой ментальности – Богом.

Духовно талантливые люди (термин Ф.Е. Василюка), а тем более гениальные пророки интуитивно чувствуют (шестым чувством) это божественное присутствие и транслируют его в образах понятных людям той или иной культуры. Так возникает, как это выразил У. Джеймс, «многообразие религиозного опыта». Высокий духовный уровень человека, находящегося на высоких уровнях пирамиды Кандинского, на мой взгляд, связан со степенью подключения человека не только к земной эволюции, где человечество находится на острие этого эволюционного процесса, но и соприкосновением с космической эволюцией, где человечество в конце концов, неизбежно окажется соучастником сотворчества космического миропорядка (в терминах религии – построения рая для всех живых существ). В то время, когда мировая наука (SETI) посредством современных технических систем связи ищет (и не находит) контактов с инопланетными цивилизациями, ожидая в будущем полетов к нам (или мы к ним) на космических кораблях через недружественный холодный космос, можно полагать, что такой контакт уже тысячелетиями существует и выражается в религиозных представлениях, и проявляется во всех ускоряющихся темпах эволюции земной цивилизации. Контакт этот, по-видимому, осуществляется не в формах вербального диалога, а через трансляцию неких состояний, так сказать, космического бессознательного, как того опыта духовных состояний, который на данный момент Человечество способно пережить. (Согласно квантовой физике, в феномене ЭПР возможна квантовая телепортация состояний, но не информации)

Подводя итог своих размышлений по поводу жизненных экзистенциальных историй, хочу подчеркнуть, что мои домыслы или, возможно, вымыслы связаны с моими сугубо личными поисками осмысленности бытия, в то время как каждому входящему в мир человеку приходится на протяжении всей жизни выбирать свой вектор направления жизненного пути и свои собственные жизненные смыслы, трудиться на разных участках вселенской работы по гармонизации мира во благо добра и сострадания ко всем живущим и чувствующим существам, или же дезертировать из этого мира, под влиянием трудностей или скуки.

Все же верится, что согласно модели, нелинейного будущего А.П. Назаретяна, человечество сумеет реализовать техно-гуманитарный баланс и преодолет очередной кризис смысла – порождения. Да не прекратится род человеческий! И да не прекратится восхождение к духовным вершинам! «И да осилит дорогу идущий!».

Список литературы:

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
2. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентальному. М.Ж Изд. «Республика», 1997.
3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Изд. «Наука», 1993.
4. Кандинский В.В. О духовном в искусстве.. М.: Изд. «Архимед», 1992.
5. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. М.: Изд. «МБА», 2013.
6. Петренко В.Ф. Многомерное сознание. М.: Изд. «Эксмо», 2013.
7. Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. М.: «Центр гуманитарных инициатив», 2012.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. изд. «Прогресс», 1990.

References:

1. Vasiljuk F.E. Psihologija perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situacij. M., 1984.
2. Gajdenko P.P. Proryv k transcendental'nomu. M.Zh Izd. «Respublika», 1997.
3. Dzhejms U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. M.: Izd. «Nauka», 1993.
4. Kandinskij V.V. O duhovnom v iskusstve.. M.: Izd. «Arhimed», 1992.
5. Nazaretjan A.P. Nelinejnoe budushhee. M.: Izd. «MBA», 2013.

6. Petrenko V.F. *Mnogomernoe soznanie*. M.: Izd. «Jeksmo», 2013.
7. Pomeranc G.S., Mirkina Z.A. *Velikie religii mira*. M.: «Centr gumanitarnyh initsiativ», 2012.
8. Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla*. M. izd. «Progress», 1990.

Сведения об авторе:

Петренко Виктор Федорович, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией «Психология общения и психосемантика» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и заведующий лабораторией «Когнитивные исследования» ИСА РАН (Москва, Россия)

Сергей Степанович Чахотин и НОТ: КОВОТЕП – ОСВАГ – СССР

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. Ученый С.С. Чахотин – уникальная личность по количеству разных направлений своей деятельности: биофизик, эсперантист, исследователь воздействия и пропаганды, «сменовеховец», общественный деятель, антифашист. В данной статье речь идет о небольшом эпизоде его биографии – службе в Осведомительном агентстве (ОСВАГ) Добровольческой армии, где он пытался вести пропаганду методом Тейлора, о чем впоследствии написал в своей известной книге «Организация».

Ключевые слова: С.С. Чахотин, научная организация труда, рационализация производства, Ф.У. Тейлор, тейлоризм, ОСВАГ, пропаганда, Добровольческая армия

Sergey Stepanovich Chakhotin and NOT: KOVOTEP - OSVAG - USSR

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. A scientist S.S. Chakhotin is a unique personality by the number of different directions of his activity: a biophysicist, Esperantist, researcher of influence and propaganda, "smenovechovets", public figure, antifascist. In this article we are talking about a small episode of his biography - service in the Intelligence Agency (OSVAG) at the Volunteer Army, where he tried to conduct propaganda by the Taylor method, which he later wrote in his famous book "Organization".

Keywords: Chakhotin, scientific organization of labour (NOT), rationalization of industrial field, Taylor, Taylorism, OSVAG, propaganda, Volunteer Army

*Нам надо лихорадочно строить новую жизнь,
новое государство, нового человека.
И строить прочно, солидно, не как-нибудь наспех,
а так, чтобы, осуществляя заветы
нашей великой революции,
вносить новое
в общую сокровищницу человеческой культуры,
в своем строительстве быть полезным
всем, всем, всем.
С.С. Чахотин*

Рис. 1. С.С. Чахотин (Источник: URL:

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/04/10/59140-iznasilovanie-mass-istoriya-171-krasnogo-gebbelsa-187>)

О Сергее Степановиче Чахотине (1883-1973) написано, на первый взгляд, немало [2, 5, 9, 11, 12, 13, 15, 17, 21]. Авторы исследований описывают разные стороны деятельности ученого и гражданина: эсперантист, биофизик, «сменовеховец», исследователь воздействия и пропаганды на массы, общественный деятель, антифашист, последователь И.П. Павлова и Ф.У. Тейлора. Нас же заинтересовал небольшой фрагмент его жизни, связанный с нотовской деятельностью во время его работы в ОСВАГе.

О приверженности С.С. Чахотина теории Ф.У. Тейлора было написано Дж. Биггартом [2]. Интерес к тейлоризму наступил, как пишет Биггарт, в 1915-1916 гг., когда Чахотин «разработал теорию агитации и пропаганды, в основе которой лежали идеи Павлова и Тейлора... организовал Комитет военно-технической помощи (КОВОТЕП), в задачи которого входила мобилизация всех научных сил для военных нужд» [2, С. 51]. По образу этого комитета были образованы местные комитеты КОВОТЕПа в Петрограде и ряде других городов. Далее А.Ф. Керенский помог Чахотину организовать Комитет социально-политического просвещения, ставший агитационно-пропагандистским органом при Временном правительстве, но пришло разочарование в Комитете, и был создан Совет депутатов трудовой интеллигенции, который сопротивляясь новой власти, участвовал в забастовке государственных служащих. «Когда в январе 1918 г. наряд матросов явился в помещение совета с ордером на арест Чахотина, он уже уехал на поезде на юг России» [там же].

Так Чахотин оказался в армии противников советской власти. Он был назначен на пост директора департамента информации в отделе иностранных дел Донского правительства при атамане П.Н. Краснове благодаря знакомству с председателем Совета управляющих отделами, помощником атамана генерал-лейтенантом А.П. Богаевским, а также благодаря хорошему знанию иностранных языков [там же].

Исследователь истории цензуры в России Г.В. Жирков отдает должное организаторам белого движения, которые, понимая необходимость гласности, ведения пропаганды, создавали разнообразные учреждения управления белой прессой и вообще пропагандой. На севере России были Северное бюро печати (Арбур – Архангельское бюро) с отделениями на местах: газета «За свободу России», особые комиссии при отделе внутренних дел Временного правительства Северной области, отделение агитации и пропаганды при штабе Главнокомандующего войсками Северной области генерала Е.К. Миллера; на Северо-Западе – отделы пропаганды при Министерстве внутренних дел Северо-Западного правительства и Северо-Западного правительства генерала Н.Н. Юденича, армейские политорганы у генерала А.П. Родзянко и атамана С.Н. Булак-Балаховича [8]. Специальные пропагандистские отделы имелись в Донской армии, в каждом подразделении управления территории, контролируемой Добровольческой армией. Независимые газеты, журналы, театральные и художественные студии также занимались производством пропагандистской продукции: иногда по чьим-то заказам, иногда по собственной инициативе. По мнению историка О.В. Будницкого, политическая

палитра пропаганды у белых была более цветастой, чем на стороне красных из-за относительной свободы печати (выходили газеты и крайне правого направления, и либерально-демократического). Центры пропаганды располагались как в Екатеринодаре, так и Ростове-на-Дону, где находился отдел пропаганды особого совещания – своеобразного правительства Деникина.

В Добровольческой армии летом 1918 г. было создано гражданское учреждение – Осведомительное агитационное отделение дипломатического отдела, вскоре преобразованное в Осведомительное агентство (ОСВАГ) с центральным управлением и осведомительно-агитационными пунктами в городах и крупных селах, заграничными осведомительными пунктами. 28 сентября 1918 г. ОСВАГ был передан в подчинение председателю Особого совещания – высшего органа гражданского управления Добровольческой армии. В ОСВАГе работали яркие личности и известные творческие люди. Начальниками отдела пропаганды в разное время были миллионер, владелец шахт в г. Александровск-Грушевский (сейчас – г. Шахты) Н.Е. Парамонов и полковник Б.А. Энгельгардт. В 12-ти отделах и подотделах (театральном, музыкальном, кинематографическом и др.) с 1918 по 1920 гг. сотрудниками были писатели Евгений Чириков, Илья Сургучев, Сергей Соколов-Кречетов, Илья Эренбург, Самуил Маршак, художники Евгений Лансере, Иван Билибин, художники-«мирискусники», актер В.А. Блюменталь-Тамарин и др.

Сначала ОСВАГ возглавлял С.С. Чахотин [2]. Значительно позже, в 1940 г., в своей книге «Психическое насилие над массами» («*The rape of the masses: the psychology of totalitarian political propaganda*») он описал историю политической пропаганды, серьезностью организации и масштабом которой были удивлены британские офицеры [24, 26]. По его словам, пропаганда была разработана в Петрограде при правительстве Керенского еще летом 1917 г. Ежедневно выходили «географические карты страны, на которых цветом отмечались все важные события, имевшие отношение к политической и экономической ситуации (транспорт, крестьянские бунты, антиправительственная или антисемитская агитация и т.д.), что позволяло быстро ориентироваться на местности и, главное, показывало явную взаимосвязь между отдельными политическими, экономическими и социальными факторами» [24, С. 127], но «по прибытии в министерство они сразу складывались в соответствующую папку и отправлялись в архив; ни один министр, ни один чиновник не утруждал себя их изучением: они попросту не знали, что с ними делать. Карты регулярно отправлялись и в Центральный Совет, заседавший в Смольном. Если карта задерживалась на час, тут же из

Совета приезжал мотоциклист, забирал ее и выяснял причину задержки» [там же].

«С началом гражданской войны... обе конфликтующие стороны создали настоящие министерства пропаганды на уровне государственных органов. В борьбе применялись новейшие методы: листовки, печатавшиеся миллионными тиражами, иллюстрированные газеты, фотографии, специальные витрины, целые команды агитаторов, работавшие на базарах, в поездах, в общественных местах, а также кинематограф и передвижные агитационные группы. <...> ...министерство, вошедшее в историю под названием ОСВАГ (сокр. от «Осведомительное Агентство»), имело несколько подразделений: 1. информационная часть; 2. агитационная часть; 3. управление филиалами; 4. организационная часть; 5. общая часть» [там же, С. 127].

Задача информационной секции заключалась в поддержании ежедневных выпусков изданий определенных социальных настроений в рядах деникинских войск. ОСВАГ выпускал шесть различных газет и имел свою собственную службу распространения. Имелось пресс-бюро для передачи информации издателям газет; новостное телеграфное агентство и служба для ежедневного выпуска плакатов для стен и витрин магазинов; служба по выпуску агитационных фотографий и лубков, а также выпуску особых «карт политической метеорологии». ОСВАГ в период своего расцвета насчитывал в центральном аппарате 255 человек, а кроме этого были десятки пунктов специальных отделений на местах. Общая численность сотрудников ОСВАГа составляла, по разным данным, от 8,5 тысяч до 10 тысяч человек.

Была составлена своеобразная географическая карта страны, где отображались все важные и значительные политические и экономические события (транспорт, аграрные вопросы, антиправительственная и антисемитская агитация и т.п.). Изображение было в цвете, что позволяло отследить топографическое расположение и особенно выделить зависимость некоторых политических, экономических и социальных факторов. Важно отметить, что это был первый и единственный пример применения научных методов в политической сфере с целью воздействия, а не просто для использования впоследствии в исторических интересах.

Министерство пропаганды ОСВАГа поддерживало существование нескольких сотен бесплатных публичных библиотек как для городских жителей, так и для деревенских. Секция агитации министерства выполняла несколько функций: издавала брошюры, инструкции, иллюстрированные издания, плакаты, карикатуры, периодически выходящие газеты об искусстве; также они организовывали лекции и встречи, посылая лекторов-агитаторов,

недостатка в которых у министерства никогда не было. Существовали специальные курсы для агитаторов, которых отправляли работать в общественные места – в трамваи, поезда, деревни, на площади и рынки. Эти люди могли работать и группами, формируя таким образом постоянные тактические единицы в ведении психологической войны с помощью пропаганды. Существовала даже музыкальная артистическая служба для участия в популярных мероприятиях, например, в концертах, скетчах и пр. Еще одна служба данного подразделения министерства занималась издательством политических фильмов и фотографий. Была известная кинокартина «Ужас одесской чрезвычайки» или крутившийся везде фильм о пятигорских казнях – «там были расстрелы, там рубили саблями, там был зверские совершенно уничтожения, в Пятигорске, на Кавказе, как бы, вроде бы в безопасности скопилось довольно большое количество разных известных людей, и их там зверски уничтожили. Провели раскопки, эти трупы обезображенные – это все демонстрировалось. И многие другие вещи были довольно эффективны, тем более, что они соответствовали действительности» [3].

Существовали постоянные выставки элементов пропаганды (плакаты, брошюры). Когда радио доказало свою эффективность, оно также стало мощным орудием в арсенале методов пропаганды. В итоге ОСВАГ организовал пропагандистские пункты в каждом важном населенном пункте по всей территории [24; 26].

Сохранились свидетельства современников, работавших с Чахотиным в ОСВАГе; их воспоминания о применении тейлоровского метода в отделе пропаганды весьма примечательны. Считая подобные документы важными, позволим себе привести большие цитаты.

Русский военный и политический деятель Борис Александрович Энгельгардт (1877-1962), бывший первым комендантом Петрограда во время Февральской революции, убежав из Петрограда летом 1918 г., в ноябре 1918 г. оказался на Украине. Осенью 1918 г. стал заведовать политической частью представительства Добровольческой армии в Киеве, а в декабре того же года – в Одессе. В Вооруженных силах Юга России (ВСЮР) с марта 1919 г. стал помощником управляющего отделом пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Летом 1919 г. служил в штабе войск Юго-Западного края (Одесса), в декабре того же года – начальником того же отдела пропаганды. Эвакуировался из Новороссийска с войсками Деникина, жил во Франции, Латвии.

В своих воспоминаниях он писал о том, что представлял собой отдел пропаганды в Добровольческой армии:

«Первоначально было организовано “осведомительное отделение”, подчиненное “дипломатическому отделу”. Потом отделение было передано в ведение непосредственно председателя “Особого совещания” и переименовано в «Осведомительное и агитационное бюро», получившее известность под сокращенной кличкой Осваг.

Этот Осваг организовал сеть агитационных пунктов – “узлов” на всей территории Добровольческой армии. “Узлы” получали материалы центра и развивали пропаганду, каждый в своем районе.

Политические взгляды сотрудников Освага бывали довольно разнообразны, и они вносили в официальную пропаганду свои дополнения, что приводило к отступлениям от основной политической линии главного командования армии и вызывало недовольство Деникина и критику различных политических группировок Добрармии.

Во главе Освага стал ростовский купец Парамонов, поручивший руководство центром некоему Чахотину, убежденному поклоннику “системы Тейлора”, построенной на точном распределении работы между сотрудниками и на доведении до автоматичности передачи выполненного задания из одной инстанции в другую. Успешное проведение в жизнь этой системы требовало безукоризненного функционирования всех отдельных частей работающего аппарата, но достичь этого при случайном и неподготовленном составе сотрудников Освага было трудно. В центральном органе Освага преобладали женщины, раньше ни в каком учреждении никогда не служившие, взявшиеся за работу из-за куска хлеба. Малейшая неаккуратность одной сотрудницы вызывала задержку по всей линии, и чахотинский аппарат, несмотря на энергию и преданность своей идее самого Чахотина, работал в техническом отношении неисправно. Получались опоздания, путаница, и все неудачи и недочеты пропаганды стали приписывать системе Тейлора, стали высмеивать ее и саму пропаганду вместе с системой ее распространения.

Между тем неудачи пропаганды Освага зависели не столько от неудачного применения системы Тейлора, сколько от того, что само главное командование Добровольческой армии не находило тех идей, которые могли бы встретить отклик в широких массах населения, не умело раскрыть перед массами тех горизонтов, которые смогли бы привлечь их. Четко и ясно объявить свою программу главное командование не решалось, потому что элементы, составлявшие его опору, были чрезвычайно разнообразны, а вследствие этого в пропаганде

получались недомолвки и неясности, которые каждый имел возможность толковать по-своему.

Короче говоря, неудача пропаганды белых заключалась не в том, как она ведется, а в том, *что* она несла с собой.

Однако признать это деникинское правительство не могло и искало исправления дела в смене руководителей Освага. Так был создан самостоятельный “Отдел пропаганды”, и руководство им было поручено Соколову, при моем непосредственном управлении. Вскоре в качестве второго помощника начальника отдела пропаганды был привлечен профессор истории Петроградского университета Эрвин Давыдович Гримм» [25, С. 77].

Константин Николаевич Соколов (1882-1927), о котором упоминает Б.А. Энгельгардт, юрист и политический деятель, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, кадет, журналист, действительно руководил пропагандой при Особом совещании Вооруженных сил Юга России, а после разгрома деникинской армии эмигрировал в Болгарию.

«В основе организации Отдела пропаганды лежало возникшее ранее всех других гражданских учреждений Добровольческой армии Освободительно-агитационное отделение” Дипломатического отдела. Создал его небезызвестный в интеллигентских кружках Петрограда С.С. Чахотин, человек феноменальной трудоспособности, фанатик так называемой “американской системы” делопроизводства, может быть, очень хорошей для банкирских домов и страховых обществ, но совершенно, по-моему, непригодной в живом деле осведомления и агитации. В первом же заседании Особого совещания 28 сентября было постановлено изъять Осведомительное отделение из ведения Дипломатического отдела и подчинить его председателю Особого совещания, в состав канцелярии которого оно должно было войти. Фактически Осведомительное отделение жило совершенно самостоятельно, и в декабре Особое совещание признало, что вызванное практикой расширение его деятельности требует переименования Отделения в “Осведомительное бюро”. Осведомительное отделение к этому времени, несомненно, очень развилось, и кроме центра начало работу и на местах, через “узлы” своей “сети”. От этого первого периода осведомления и агитации Отдел пропаганды получил в наследство сокращенное наименование “Осваг” и некоторую своеобразную рутину канцелярской формалистики» [16, С. 95].

Рис. 2. С.С. Чахотин (Источник: URL: http://www.peoples.ru/state/statesmen/sergey_chahotin/)

Руководил Отделом Н.Е. Парамонов, пробывший в должности всего полтора месяца, успевший только наметить очертания нового ведомства.

«Он приступил к формированию центрального управления Отдела в Ростове, а потом туда же перевел весь чахотинский “Осваг”. Благодаря этому по некоторым частям получилось дублирование, по некоторым – несогласованность работы. “Осваг” не растворился в новой организации Отдела, а остался в нем как государство в государстве, и С.С. Чахотин явился своего рода средостением между главой ведомства и ответственными руководителями частей. Так оно получалось по чахотинской “системе”, что каждое дело в начальной и конечной стадии своего движения по Отделу должно переходить через руки одного и того же лица – всемогущего управляющего делами и универсального докладчика при главе ведомства. При таких условиях работа, конечно, не спорилась, самые срочные бумаги лежали несколько дней без исполнения, и Н.Е. Парамонов говорил мне, что он имел в виду в самом близком будущем систему упразднить» [там же, С. 96].

Соколов жалуется на трудности в работе: недостаток денег, непонимание коллегами важности задач, стоящих перед отделом:

«ни с чьей стороны от высших чинов до последнего стражника, мы не встречали понимания, сочувствия и поддержки. Еще с времен С.С. Чахотина установилось у всех наших ведомств к “Освагу” какое-то

злорадное и легкомысленно-пренебрежительное отношение. Несмотря на то, что работа Отдела пропаганды имела мало общего с работой старого “Освага”, это отношение было сразу перенесено и на нас»[там же, С. 108].

Публицист, прозаик, драматург, критик, переводчик Владимир Александрович Амфитеатров-Кадашев (1888-1942), будучи активным противником большевиков, в годы Гражданской войны возглавил киноотдел Отдела пропаганды в войсках Добровольческой армии на Юге, печатался в газетах «Донская волна», «Приазовский край», «Таврический голос», «Екатеринославский вестник», «Донские ведомости» (был редактором в ноябре 1918 г. – январе 1919 г.); в ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма вместе с частями армии генерала Врангеля и, затем переехал в Прагу, был членом берлинского Союза русских писателей и журналистов. Он оставил наиболее личные воспоминания о С.С. Чахотине и его системе работы:

«С.С. Чахотин – личность в высшем смысле примечательная: новый герцог Лоран из “Маскотты” – необычайность несчастий, с ним приключаящихся, совершенно удивительна. Приехал в Сицилию работать на Мессинской биологической станции – на другой день стряслось Мессинское землетрясение 1908 года, и Сергей Сергеевич сутки пролежал под развалинами. Приехал на Корсику, пошел гулять и попал в плен к последней еще существующей шайке некогда столь славных корсиканских бандитов. Полжизни прожил в Германии, в 1913 году уехал и не нашел для возвращения времени, более удобного, чем... *31 июля 1914 года!* Конечно, зацапали. Оправдывался: я-де у вас десять лет прожил. Отвечают: “Знаем и не сомневаемся, что вы шпион. Так долго жить в стране, уехать перед войною и накануне ее объявления опять оказаться на нашей территории! Самое шпионское поведение!” Едва выпутался. Убегая в 1917 году от большевиков на Дон, в Черткове с большим трудом избежал ареста, но выкарабкался и сел в поезд (в те времена, в самом начале казацко-большевистской войны, при Каледине, еще существовало сквозное железнодорожное сообщение между Севером и Югом). Но, когда поезд уже подходил к Миллерову, где стояли казаки, последний вагон, в котором ехал Чахотин, вдруг отцепился и по инерции покатился обратно к красным. Одним словом, не жизнь, а сплошной “жук в молоке”, как у Лорана в “Маскотте”» [1, С. 574-575].

И вот таким «жуком в молоке», по мнению В.А. Амфитеатрова-Кадашева, оказалось внедрение системы тейлоризма, которую он обожал, в отдел пропаганды:

«Разговор с Чахотиным: на вид Чахотин – милый, скромный, воспитанный человек. Но какую чушь он нес! Развернул передо мною колоссальную диаграмму в пять красок, с линиями и шарами. По диаграмме этой кинематограф оказывается где-то на задворках, четвертой ступенью Художественного отдела. Чахотин весьма красноречиво изъяснял мне необходимость и сплошной агитационной цепи: брошюра — плакат – прокламация – кино, а по диаграмме выходило на 11 служащих канцелярии... 3 оператора! Вот и замыкай тут «агитационную цепь!» Кроме того, кинематограф при таком положении дел оказывается в зависимости от трех инстанций: Отдела, товарища министра и самого шефа. Это то дело, которое не может не быть независимым!» [там же, С. 570].

В общем, результат получился самый «жуковой»:

«система концентрации рабочей энергии, быстрого использования рабочего времени обратилась в нудную канитель, куда более продлинновенную, чем даже обычное русское бюрократическое колесо. Внешне эта система выражается в следующем:

1) У дверей каждого отделения повешен... семафор. Когда в комнату входит “циркулятор” (то есть, попросту, мальчишка-курьер) с бумагами для подписи, семафор опускается, и больше ни одной бумаги поступить в отделение не может, пока, подписанные, они не будут вручены “циркулятору” для дальнейшего следования. Тогда семафор поднимается: путь для бумаг свободен. “Циркулятор” же во время пребывания бумаг в соответствующем отделении отлучаться не имеет права, но должен сидеть под семафором на особой табуретке, украшенной надписью: “Стул циркулятора”. Дать циркулятору рубль и сказать ему: “Петя, сбегай мне пока что за папиросами”, — преступление, равное оскорблению величества. В отделениях, которые далеки от Чахотина, эта чушь, конечно, не соблюдается, и применение у семафоров одно: ремингтонные девчонки, когда им скучно, забавляются тем, что поднимают и опускают его. Но поближе к Чахотину все это соблюдается и задерживает бумаги невероятно.

2) Все барышни (во избежание докладов) носят на груди разноцветные билетки, смотря по чину: имеющие право входа к начальнику – синий, к помощнику – красный и т.д. – увы! – до

3) желтого включительно. Эти нагрудные знаки еще понятны, но вот что составляет тайну более глубокую, чем учение гностиков: каждый, явившийся с докладом к высшему, вручает ему картонный билет

соответствующего цвета, в обмен на который начальник выдает из стоящей перед ним коробки со множеством разноцветных билетов другой кусок картона. Все это вносит путаницу и вызывает смех и раздражение против Чахотина: его сильно недолюбливают, хотя он, необычайно вежливый, культурный, скромный и симпатичный своим болезненным и каким-то робким видом, безусловно, нелюбви не заслуживает. Но хорошие его качества видны лишь самым близким к нему людям, а большинство видит чепуху “тейлоризации” и смеется. Парамонов, как практик и деловик, его просто не выносит. Между ними идет ожесточенная борьба, и, говорят, Чахотин всецело поддерживает екатеринодарский натиск на шефа. Но люди проницательные представляют, что и здесь получится “жук в молоке” – если победит Парамонов – Чахотина “уйдут”. Если победит Чахотин – его тоже “уйдут”» [там же, с. 575-576].

Как пишут исследователи биографии С.С. Чахотина [2;13], весной 1919 г. он через Новороссийск уехал из России, оказался в Париже, занимался научной деятельностью в Океанографическом музее Монако, где, как пишет Дж. Биггарт, он понимает, что дальнейшая борьба с большевиками не приведет к успеху, а только навредит культурному и экономическому росту СССР, поэтому уехавшие в эмиграцию образованные люди должны поделиться своим знаниями в сфере новых западных принципов организации труда, с тем, чтобы “американизировать” промышленное производство в России» [2, С. 52]. В еженедельнике «Смена вех», финансируемом при поддержке советского правительства, появляются его статьи, одну из которых он посвящает примиренчеству, а во второй «призывает к формированию “коллективов трудовой интеллигенции” и строительству социализма, основанного на применении системы Тейлора» [там же].

В качестве корреспондента газеты «Накануне» он участвует в международной конференции по экономическим и финансовым вопросам в Генуе (1922 г.), где решались важные для России вопросы, активно публикуется в газете, меняет старый, еще российский, паспорт на советский, став советским гражданином, заведует «отделом советского торгпредства в Берлине. Активно занимался научными методами организации труда» [13, С. 22-23; 21, С. 244], пишет о постановке рационализации производства в Германии, в т.ч. и в советских журналах [2; 10, С. 264].

Особенно важной в ряду публикаций тех лет была книга «Организация», вышедшая в Берлине в 1923 г. и переизданная затем в СССР (1924, 1925), где

Чахотин, описал рациональную деятельность различных организаций, привлекая большое количество примеров.

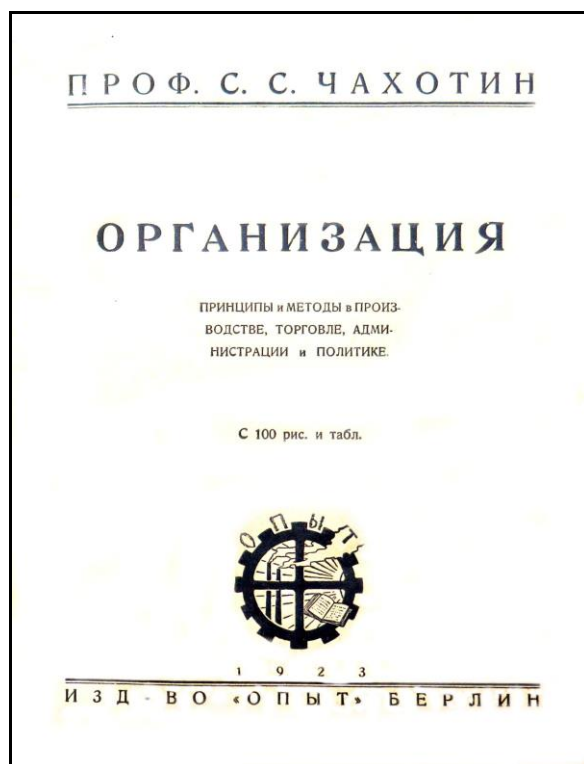

Рис. 3. Книга С.С. Чахотина «Организация» (Берлин, 1923)

Для советской России книга оказалась весьма полезной и своевременной. В.И. Ленин одобрительно относился к тейлоризму еще задолго до революции и, следя за новыми организационными тенденциями в мире, не мог не отметить новую систему труда, рожденную системой Ф. Тейлора. 13 марта 1913 г. он впервые упоминает тейлоризм, полностью и беспощадно отрицая его в статье «Научная система выжимания пота», эту же мысль он продолжает в статье «Система Тейлора – порабощение человека машиной», вышедшей через год, 13 марта 1914 г. Правда, здесь он уже обнаруживает, что организация на основе системы Тейлора является *«рациональным, разумным, распределением труда внутри фабрики»*, *противопоставленной им* тогдашней общей системе капиталистического хозяйства. Ленин задумался о том, какой выигрыш дала бы система Тейлора, окажись она в руках рабочего класса: «система Тейлора – без ведома и против воли ее авторов – подготавливает то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои, рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон – все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь». Позже,

после заключения Брестского мира, Ленин тут же вспоминает о системе Тейлора. В программной статье «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) он пишет: «Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями... Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора...соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т.д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. **Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее.** «...Социалистической Советской республике предстоит задача, которую можно кратко сформулировать так, что **мы должны ввести систему Тейлора и научное американское повышение производительности труда по всей России...**». Выступая на заседании Президиума ВСНХ в апреле 1918 года, Ленин говорил: «...необходимо определенно сказать о введении системы Тейлора... Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введем социализма» [20, С. 59].

Это, как и законодательные изменения, предложенные Лениным в январе–марте 1923 г. для XII съезда РКП (б), облегчающие внедрение системы Тейлора в СССР, по мнению Дж. Биггарта, свидетельствовало о приверженности советского вождя «принципам рационализации в духе тейлоризма – и эту задачу он предлагал возложить на РКИ, которая должна была, по его мнению, стать объединенным органом Коммунистической партии и госаппарата» [2, С. 62]. Учиться управлять следует у Тейлора. Для этого Ленин просил всех советских представителей за рубежом собирать всю доступную информацию о тейлоризме и пересылать ее в Москву. Другие советские руководители (Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, М.П. Томский) так же положительно отнеслись к идеям тейлоризма.

Н.К. Крупская, высказываясь по вопросам бюрократизма административного аппарата, подчеркнула, что проблема коренится «в отсутствии умения планомерно и рационально организовать работу» [9, С. 140]. На примере наркоматов она рассматривала ошибки в их работе, тормозящие деятельность: «не проведена граница между делами, подведомственными комиссару, коллегии, отделу. Это определяется обычно как-то на глаз» [там же]; не разграничены функции подотделов; точного определения функций отдельных работников нет; разбухание комиссариатов – постоянно

наблюдаемый факт [там же]; вопрос о коллегиальности и единоличии в принятии решений «ведет часто к административной фантастике» [там же]; премиальная система применяется неправильно: «премии даются не за лишние часы работы или за большое количество выданной работы, а выдаются в виде добавочного жалования» [там же, С. 143]; руководители часто перебрасываются с одной работы на другую, не успев вникнуть в суть дела: «сегодня он работает в наркомземе, завтра в ТЕО, послезавтра по снабжению, затем в ВСНХ» [там же] и т.п. Подчеркивая, что бюрократизм – «это халатное отношение к делу, неразбериха и бестолочь, неуменье работать, проверять работу» [там же, С. 144], она призывает учиться новой науке управления.

Понятно, почему «Организация» С.С. Чахотина была встречена положительно. Кроме собственно описания структуры организации он отмечал значимость психологических моментов: «чтобы каждый работник совершал все требуемые от него манипуляции сознательно, убедившись в их разумности и понимая, что это в его же интересах, а для этого необходим тесный контакт с ним, беседы и обучение, особенно наглядное. С другой стороны, если нет понимания всей целесообразности механизма “наверху”, т.е. у руководящих элементов, то, опять-таки, мало шансов ожидать успеха. Затем важно понимание того, что все части системы какую-нибудь кажущуюся особенно убедительной меру и пытаться провести ее отдельно от других – бесцельное предприятие» [23, С. 53]. Также важно помнить, что немедленного результата не будет, «необходимо учитывать возможность промахов и даже временных убытков, ассигновать на это часть предполагаемых расходов» [там же, С. 54], но опыт американских и германских предприятий доказывает дальнейшую правильность подобной организации. Как вспоминают коллеги из ОСВАГа в вышеприведенных отрывках, никто из сотрудников тогда не соблюдал эти правила.

С.С. Чахотин выделял три этапа в развитии научной организации труда: *первый этап* связан с Америкой, с теорией Тейлора, достижениями Фрэнка Б. Гилберта и Генри Форда (труд должен быть максимально целесообразен), но там на людей смотрели как на части механизмов и обращались с ними соответственно» [2, С. 55]. *Второй этап* пришелся на Европу – исследования человеческой кооперации в организационной деятельности, там же возникла прикладная психология; но стало ясно, что отчуждение работников от результатов их труда, отсутствие чувства собственного достоинства, рождаемого в процессе труда, не дает им проявить свои способности в полной мере, поэтому *третий этап* завершился в СССР. Здесь «организационная механика» и «менеджмент» дополняют друг друга и

приведут к освобождению человечества [там же]. В том же 1923 г. схожие мысли высказывал теоретик в области рационализации производства и организации труда Осип Аркадьевич Ерманский (1867-1941): «что касается России, то можно сказать, что идее НОТ сильно повезло, – по крайней мере, при новой экономической политике, по крайней мере, одном определенном смысле, в смысле того интереса, того внимания, *которое* уделяется теперь этой проблеме. Еще года три тому назад очень немногие видели всю глубину и актуальность этой сложной и важной общественной проблемы. Тогда работа немногих, ею заинтересовавшихся, совершалась в атмосфере общего безразличия. За последние два года дело обстоит иначе» [7, С. 17] и называет в качестве положительных изменений: прошедшую конференцию по НОТ, специальный учебный курс в ряде вузов, увеличивающаяся литература по вопросам НОТ, в «Правде» и «Известиях» еженедельно выходит страничка по НОТ.

В тексте книги находим фрагмент, относящийся к описанию общих принципов группировки персонала и системы движения дел в рациональной организации, читая который становятся понятными воспоминания Амфитеатрова-Кадашева, где он с большой иронией говорит о «циркуляторах», опускающемся и поднимающемся семафоре и т.д. Чахотин предлагал сосредоточить всю технически-канцелярскую работу в одной общей части для лучшего контроля и большей экономии. Тем не менее, в общей части существуют отделения с начальником во главе, заместителем и рядом второ- и третьестепенных работников-специалистов, сгруппированных в группы: машинную (работники множительной техники), посыльную (рассыльные как раз и есть «циркуляторы»), делопроизводственную, регистрационно-архивную и контрольную (наблюдали за сроками, за технической стороной и т.д.) [23, С. 108-109]. Для рациональной постановки работы с «бумагами», т.е. документами, вытраивается схема, подобная заводской по отношению к сырью и получаемым продуктам производства; здесь также необходимо разделение труда, специализация и точное инструктирование. Он предлагал минимизировать элементы в поле работы (чтобы дольше сохранять внимание и работоспособность) и личное общение, а «для связи отдельных аппаратов – столов и частей – друг с другом, для передачи бумаг во время их движения от инстанции к инстанции – целесообразно пользоваться механическими способами передачи, например, системой трубок, как в пневматической почте» [там же, С. 121], либо настенными ящиками, куда циркуляторы постоянно кладут документы в соответствии с категориями как первых, так и последних. Конечно, нужны разнообразные бланки и постоянный учет передвижения

документа. «Каждая бумага с самого своего появления в учреждении немедленно должна получить свой ... номер, который и является затем ее следом повсюду» [там же], и тут незаменима карточная система с дополняющими ее числовыми или порядковыми реестрами и алфавитным каталогом.

Книга «Организация» была отмечена хорошей рецензией крупного организатора нотовского движения в СССР, руководителя отдела нормализации НК РКИ Николая Андреевича Витке (1892-1958), автора концепции человеческого фактора в управлении. Называя книгу интересной и симптоматичной, глубокой и самостоятельной, хотя пестрой и неровной, Витке подчеркивает ее цель – дать читателю «столь необходимую и до сих пор недостававшую сводку новейших принципов и методов в производстве, торговле, администрации и политике» [4, С. 17], чего пока нет даже в иностранной литературе. Чахотин же удовлетворил «настоятельную потребность читательской аудитории и сумел на протяжении менее двухсот страниц, богато насыщенных ценным иллюстративным материалом, дать интересную и, в общем, верную, хотя в ряде мест и недостаточную зарисовку движения по рационализации приемов труда и сотрудничества» [там же], а русская аудитория нуждается в подобной литературе, как никакая другая.

Далее Н. Витке характеризует русских нотовцев, как представляющих себе научную организацию только в заводской обстановке, ограничивающих вопросы НОТ только производственным предприятием: «еще года три тому назад авторитетные представители российского НОТ скептически качали головами по поводу некоторых попыток перенесения принципов НОТ в контору, канцелярию, класс, аудиторию, казалось, что эти попытки принципиально и по существу обречены на неудачу» [там же]. С тех пор положение заметно изменилось к лучшему – такие ученые как С.С. Раецкий, П.М. Есманский, П.М. Керженцев, группа «Вопросов Организации и Управления» говорят о проблеме организации и управления как таковой, но все же есть большая группа ученых-нотовцев, замыкающих вопросы управления «в рамку производственной единицы, и всякий переход за эти рамки вызывает настороженность и недоверие» [там же]. Для изменения создавшегося положения книга Чахотина сможет помочь в именно потому, что автор широко показывает и описывает богатый и разнообразный фактический материал, говоря «бесхитростно, несистематично, беспомощно глухо, но тем более правдиво, искренно и убедительно» [там же].

Симптоматичность книги Н. Витке видит в отражении современного переходного состояния НОТ как международного движения. «Книга Чахотина

отмечает распространение научной организации на область торговли, на область администрации, политики, военного дела. Мы прибавили бы сюда обширную область образовательно-воспитательного дела» [там же, С. 18]. В связи с этим изменились и кадры нотовских работников: раньше это были чаще всего, инженеры, сейчас «намечается тенденция к созданию особой профессии – организаторов во всех областях хозяйственной и культурной деятельности» [там же]. В то же время дифференцируются кадры тех, кто разрабатывает научный базис рационализации: организаторы-теоретики и организаторы-практики, причем в число первых втягиваются физиологи, психологи личности, социальные психологи, социологи. Все это подтверждает процесс качественного перерождения НОТ, его внутреннего роста.

Когда движение НОТ охватывает такие разные области как производство и политика, торговля и воспитание, администрация и военное дело, неизбежно встает вопрос: чем оно занимается во всех этих разнообразных областях? «Очевидно, что НОТ не занимается производством, как таковым, политикой, как таковой, воспитанием, как таковым. Очевидно, что из всех этих областей он делает какой-то вырез, выделяет какие-то функции и на них сосредотачивает свое внимание, их разрабатывает и стремится построить наиболее целесообразным образом. Что же это за область? Какие это функции, которыми занимается НОТ? Что это за вопросы, которые могут быть вынесены за скобки во всех этих разнообразных областях?» [там же]. Н Витке отвечает на эти вопросы, опираясь на материал Чахотина и объединив основные группы проблем, поднимаемых научной организацией в каждой из разнородных областей своей работы.

1. «Машинизация – перенесение с человека на орудие все большего количества трудовых функций» [там же]. Процесс машинизации сейчас не только на производстве, но в военном деле, в области торговли, администрации.

2. «Обстановка труда, т.е. преимущественно гигиена труда – область, значительно разработанная в отношении труда производственного, военного, образовательно-воспитательного; практически тщательно применяется в новейшей конторской практике и общественной администрации, значительно слабее в администрации государственной» [там же].

3. «Психология труда – система заработной платы, системы поступательного движения сотрудников по ступеням служебной иерархии; подбор, обучение и переподготовка в процессе работы» [там же]; ей уделяется большое внимание в передовых учреждениях производственного и

хозяйственного типа, в военном деле, но хуже – в государственной и общественной администрации.

4. «Рационализация трудовых движений – широко применяется в производстве, в военном деле. Намечается применение в канцелярском деле в виде системы точных инструкций, унифицированных форм и бланков» [там же].

5. Главный вопрос рациональной постановки любой организации – «структура учреждения, т.е. система технического и общественного разделения труда: а) между функционерами в пределах трудовой группы и б) между трудовыми группами единой организации» [там же].

6. Вопрос, играющий для многих неожиданно важную роль – индивидуальное и групповое взаимодействие – тесно связан с вопросом о системе социального разделения труда. Признан в военном деле и педагогике, но Чахотин указывает на проникновение его в область коммерческих организаций.

7. Прикладная психология в коммерческих делах, где разрабатываются вопросы рекламы, коммерческого письма, воздействия на различные социально-экономические группы покупателей и продавцов. Этот вопрос является вообще центральным в системе устной и печатной политической пропаганды и должен сыграть исключительно важную роль в организации производственных коллективов (оригинальные примеры методов рекламы, применявшиеся с успехом в Америке, приведенные Чахотиным в книге, отмечает в своей статье Д. С-кий [6, С. 49] – прим. Н.Стоюхиной).

Все названные Н. Витке пункты (по Чахотину) в разном соотношении присущи любой организации и очевидно, что в научную организацию входит вся целостная область человеческого труда и сотрудничества во всем разнообразии их проявления. «Предметом ее изучения и воздействия является человек в физиологическом, психологическом и социальном отношении. К формуле Чахотина – наука об организации есть наука о человеческом действии – надо добавить слово – коллективное: наука о коллективном человеческом действии» [4, С. 19]. Теоретическими дисциплинами, на которые опирается движение по научной организации трудовых коллективов, являются физиология, психология индивидуальная, психология социальная, структурная (формальная) социология.

В следующей рецензии на книгу «Организация», написанную психотехником Давидом Исааковичем Рейтынбаргом (1988-1970), отмечается первенство С.С. Чахотина в использовании большого количества примеров рациональной организации в разных областях – «до него никто этого не делал»

[14, С. 5] – только такой описательный путь способен завоевать интерес масс к этим вопросам. Недостатки книги Рейтынбарг видел в том, что материала столь много, что автор не может с ним справиться, а также в ином смысловом употреблении терминов «принцип» и «метод» – не так, как используют советские психотехники.

После выпуска книги «Организация» сам С.С. Чахотин писал: «я попытался дать общую ориентировку в современной науке о рациональной организации человеческого труда, причем мне особенно важным казалось показать на нескольких конкретных примерах, взятых из разных областей человеческой деятельности, как основные принципы этой практической науки применимы повсюду, где есть действующие люди, перед которыми стоят определенные цели и которые оперируют с вещами» [22, С. 7]. В предисловии к следующей книге – «Европейская литература по НОТ» – он писал, что хотел бы дать в руки читателю практический путеводитель по проблемам НОТ, дать указания на уже сделанное «во всех уголках мира и на всех поприщах человеческого действия».

Рис. 4. Книга С.С. Чахотина «Европейская литература по НОТ» (Москва, 1924)

С.С. Чахотин подчеркивал важную роль советской России для вопросов рационализации труда в применении к разным областям государственной, хозяйственной и общественной деятельности, потому что именно в России «труд является хозяином государства и... у трудящихся может быть

уверенность в том, что плоды их трудов идут на пользу всему государству, как совокупности волевых устремлений и интересов всего трудящегося народа. Сознательное отношение к производственной работе – основной фактор успеха» [там же] в деле рационализации; Россия должна восстановить свою экономическую жизнь в кратчайший срок, причем, зачастую, создавать заново, «развертывая эксплуатацию своих неисчерпаемых естественных богатств» [там же]; после революции, когда все старые административные аппараты сломаны, есть возможность построить из заново, разумно и современно. Для успешности требуется учесть западный опыт, популяризировать идеи рационализации труда, систематически применять принципы НОТ как в правительственных, так и в частных учреждениях.

При составлении Чахотин пользовался библиографией из книг Г. Мюнстерберга, О. Липмана и Ф. Баумгартен и предложил разделить литературу на: историю движения, анализ проблем труда и применение принципов рациональной организации труда в отраслях деятельности.

Судя по списку литературы [10], научная организация труда интересовала С.С. Чахотина до 1927 г. Затем он занимался биофизическими исследованиями, разрабатывал методы пропаганды в практической работе, вел активную политическую деятельность против нацизма, переезжая из страны в страну, был заключен в концлагерь и освобожден, и, наконец, вернулся в СССР. Его биография – удивительная по насыщенности драматическими событиями – будто просится для романа или экранизации.

Список литературы:

1. Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника. Публикация С.В. Шумихина / МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 20. М.: СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. 662 с. С. 435-636. С. 554-556.
2. Биггарт Дж. Сергей Степанович Чахотин – русский тейлорист в Берлине (1922–1926) / Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012 (отв. ред. Н.Ф. Гриценко). М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. 664 с. С. 48-68.
4. Будницкий, О. Пропагандистская война: белые против красных [Электронный ресурс] / О. Будницкий, С. Бунтман. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/netak/50656/#element-text>
5. Витке Н. Новая книга по организационному вопросу (С. Чахотин. Организация) // Система и организация. 1923. № 3-4. С. 17-19.

6. Гусейнов Г. Три стрелы против свастики. О Сергее Чахотине (1883-1973). Беседа с исследователем эсперанто-движения А.С. Харьковским [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historio.ru/4axotin.php>
7. Д. С-кий. Потеря времени и производительности в Америке // Время. 1924. № 9. С. 48-50.
8. Ерманский О. Задачи научной организации труда и ее положение // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 3, март. С. 170-200.
9. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Tsenzura/TsetzuraHistory/library_view_book6c42.html?chapter_num=29&bid=79
10. Крупская Н.К. Система Тэйлора и организация работы советских учреждений // Красная Новь. 1921. № 1. С. 140-145.
11. Морозов Д.К. Список работ С.С. Чахотина / Чахотин С.С. Психическое насилие над массами. Пер. с фр. С.Ю. Васильевой; послесл. П.С. Чахотина; очерк Ю.И. Посудина. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 272 с. С. 259-271.
12. Петров Д. Изнасилование масс. История «красного Геббельса» // <http://www.novayagazeta.ru/society/63120.html>
13. Петров Д. Сергей Чахотин. Virtuoz побега // Русское слово. 2015. № 9. С. 32-37.
14. Посудин Ю. Научная и общественная деятельность. Под общей редакцией П.С. Чахотина. Киев, 2015.
15. Рейтынбарг Д.И. Проф. С.С. Чахотин. Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. Госиздат, 1924. 196 с. // Книгоноша. 1924. № 17 (48). С. 5.
16. Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря. Вып. 2. [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 124 с.
17. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. 298 с.
18. Сорокина М.Ю. «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину // Природа. 2007. № 3. С. 69-77.
19. Сорокина М. «Невозвращенцы», или как Сергей Чахотин вернулся в СССР // Третьи чтения памяти В. Иофе «Право на имя: биография вне шаблона», 22-24 апреля 2005: сборник докладов. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2006. С. 73-87.

20. Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия. Учебное пособие. М.: Логос, 2012. 324 с.
21. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯРГУ, 2016. 429 с.
21. Чахотин П. Послесловие к русскому изданию. Об авторе и его книге / Чахотин С.С. Психическое насилие над массами. Пер. с фр. С.Ю. Васильевой; послесл. П.С. Чахотина; очерк Ю.И. Посудина. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 272 с. С. 243-248.
22. Чахотин С.С. Европейская литература по НОТ. М.: Издание НКРКИ СССР, 1924.
23. Чахотин С.С. Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. Берлин: Опыт, 1923. 184 с.
24. Чахотин С.С. Психическое насилие над массами. Пер. с фр. С.Ю. Васильевой; послесл. П.С. Чахотина; очерк Ю.И. Посудина. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 272 с.
25. Энгельгардт Б. Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. №9. С. 70-80.
26. Chachotin Sergej S. The rape of the masses: the psychology of totalitarian political propaganda. London: Labour Book Service, 1940.

References:

1. Amfiteatrov-Kadashev V. Stranicy iz dnevnika. Publikacija S.V. Shumihina / MINUVShEE: Istoricheskij al'manah. 20. М.: SPb.: Atheneum; Feniks, 1996. 662 s. S. 435-636. S. 554-556.
2. Biggart Dzh. Sergej Stepanovich Chahotin – russkij tejlорist v Берline (1922–1926) / Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicyna, 2012 (otv. red. N.F. Gricenko). М.: Dom russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenicyna, 2012. 664 s. S. 48-68.
4. Budnickij, O. Propagandistskaja vojna: belye protiv krasnyh [Jelektronnyj resurs] / O. Budnickij, S. Buntman. – Rezhim dostupa: <http://www.echo.msk.ru/programs/netak/50656/#element-text>
5. Vitke N. Novaja kniga po organizacionnomu voprosu (S. Chahotin. Organizacija) // Sistema i organizacija. 1923. № 3-4. S. 17-19.
6. Gusejnov G. Tri strely protiv svastiki. O Sergee Chahotine (1883-1973). Beseda s issledovatelem jesperanto-dvizhenija A.S. Har'kovskim [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://historio.ru/4axotin.php>

7. D. S-kij. Poterja vremeni i proizvoditel'nosti v Amerike // Vremja. 1924. № 9. S. 48-50.
8. Ermanskij O. Zadachi nauchnoj organizacii truda i ee polozhenie // Vestnik socialisticheskoj akademii. 1923. Kn. 3, mart. S. 170-200.
9. Zhirkov G.V. Istorija cenzury v Rossii XIX–XX vv. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.pseudology.org/Tsenzura/TsetzuraHistory/library_view_book6c42.html?chapter_num=29&bid=79
10. Krupskaja N.K. Sistema Tjejlora i organizacija raboty sovetskih uchrezhdenij // Krasnaja Nov'. 1921. № 1. S. 140-145.
11. Morozov D.K. Spisok rabot S.S. Chahotina / Chahotin S.S. Psihicheskoe nasilie nad massami. Per. s fr. S.Ju. Vasil'evoj; poslesl. P.S. Chahotina; ocherk Ju.I. Posudina. Jaroslavl': JarGU, 2016. 272 s. S. 259-271.
12. Petrov D. Iznasilovanie mass. Istorija «krasnogo Gebbel'sa» // <http://www.novayagazeta.ru/society/63120.html>
13. Petrov D. Sergej Chahotin. Virtuoz pobega // Russkoe slovo. 2015. № 9. S. 32-37.
14. Posudin Ju. Nauchnaja i obshhestvennaja dejatel'nost'. Pod obshhej redakciej P.S. Chahotina. Kiev, 2015.
15. Rejtynbarg D.I. Prof. S.S. Chahotin. Organizacija. Principy i metody v proizvodstve, torgovle, administracii i politike. Gosizdat, 1924. 196 s. // Knigonosha. 1924. № 17 (48). S. 5.
16. Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlja bibliograficheskogo slovarja. Vyp. 2. [Pilotnyj]: Psihologicheskie nauki: HIIH – pervaja polovina HH v. / Avt.-sost. N.Ju. Masolikova, M.Ju. Sorokina. M.: Dom Russkogo Zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna, 2010. 124 s.
17. Sokolov K.N. Pravlenie generala Denikina (Iz vospominanij). Sofija, 1921. 298 s.
18. Sorokina M.Ju. «V Kanossu!», ili Kak Sergej Chahotin vernulsja na rodinu // Priroda. 2007. № 3. S. 69-77.
19. Sorokina M. «Nevozvrashhency», ili kak Sergej Chahotin vernulsja v SSSR // Tret'i chtenija pamjati V. Iofe «Pravo na imja: biografija vne shablona», 22-24 aprelja 2005: sbornik dokladov. SPb.: NIC «Memorial», 2006. S. 73-87.
20. Stojuhina N.Ju. Istorija sovetskoj psihotekhniki: psihologija vozdejstvija. Uchebnoe posobie. M.: Logos, 2012. 324 s.
21. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotekhnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl': RIO JaRGU, 2016. 429 s.

21. Chahotin P. Posleslovie k russkomu izdaniju. Ob avtore i ego knige / Chahotin S.S. Psihicheskoe nasilie nad massami. Per. s fr. S.Ju. Vasil'evoj; poslesl. P.S. Chahotina; ocherk Ju.I. Posudina. Jaroslavl': JarGU, 2016. 272 s. S. 243-248.
22. Chahotin S.S. Evropejskaja literatura po NOT. M.: Izdanie NKRRKI SSSR, 1924.
23. Chahotin S.S. Organizacija. Principy i metody v proizvodstve, torgovle, administracii i politike. Berlin: Opyt, 1923. 184 s.
24. Chahotin S.S. Psihicheskoe nasilie nad massami. Per. s fr. S.Ju. Vasil'evoj; poslesl. P.S. Chahotina; ocherk Ju.I. Posudina. Jaroslavl': JarGU, 2016. 272 s.
25. Jengel'gardt B. Potonuvshij mir // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1964. №9. S. 70-80.
26. Chachotin Sergej S. The rape of the masses: the psychology of totalitarian political propaganda. London: Labour Book Service, 1940.

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Хроника

Рец. на: Київська духовна академія в іменах: 1918–1924: енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. 740 с.; Т. 2: Л–Я. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. 1004 с.

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. Рецензия на Київська духовна академія в іменах: 1918–1924: енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. 740 с.: іл.; Т. 2: Л–Я. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2016. 1004 с.: іл.

Ключевые слова: история психологии, история философии, история науки, рецензия, Киевская Духовная академия, энциклопедия, биография, библиография, персоналии

Review: Kiev Theological Academy in names: 1918-1924: encyclopedia / Ed. M.L. Tkachuk, V.S. Brukhovetsky. Vol. 1. A-K. Kiev: Kiev-Mohyla Academy, 2015. 740 p.; Vol. 2. L-Ya. Kiev: Kiev-Mohyla Academy, 2016. 1004 p.

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. A review on Kiev Theological Academy in names: 1918-1924: encyclopedia / Ed. M.L. Tkachuk, V.S. Brukhovetsky. Vol. 1. A-K. Kiev: Kiev-Mohyla Academy, 2015. 740 p.; Vol. 2. L-Ya. Kiev: Kiev-Mohyla Academy, 2016. 1004 p.

Keywords: history of psychology, history of philosophy, history of science, review, Kiev Theological Academy, encyclopedia, biography, bibliography, persons

Как известно, до 1917 г. в Российской империи существовало четыре духовных академии: Московская (1814–1919), Санкт-Петербургская (1804–1918), Киевская (1819–1924) и Казанская (1842–1921), чья жизнь как учебных и научных институтов была прервана вскоре после 1917 г., и важно, что спустя 100 лет после закрытия вышел такой значительный труд – биобиблиографическая энциклопедия, посвященная Киевской духовной академии.

За несколько десятилетий, прошедших после октябрьских событий, было сделано много, чтобы память о КДА и ее многочисленных выпускниках исчезла, поэтому, когда в начале 1990-х гг. было решено эту память актуализировать, оказалось, что такая задача трудно выполнима и требует большой подготовительной работы. И, как пишет составитель, научный редактор и ведущий автор энциклопедии М.Л. Ткачук, только летом 2012 г. Национальный университет «Киево-Могилянская академия» взялся за воплощение нового масштабного научного проекта, имевшего целью комплексное междисциплинарное исследование образовательной, научной и культурно-просветительской деятельности КДА сквозь призму изучения жизни и творчества ее выдающихся преподавателей и воспитанников и воплощения полученных результатов в подготовленной к печати энциклопедии «Киевская духовная академия в именах: 1819–1924» [4, С. 143].

Следует отметить, что энциклопедия «Киевская духовная академия в именах: 1819–1924» является первым научным изданием, где в систематизированном и целостном виде представлены жизненные пути и творческое наследие деятелей и выпускников КДА. Жизнь и творчество значительной части лиц – героев энциклопедических статей – до сих пор не были предметом научного исследования. Что же касается тех, чьи биографии известны в определенной мере, то специально осуществленные в рамках работы над проектом биографические, архивные и библиографические изыскания позволили существенно дополнить и уточнить сведения об их жизни и деятельности, исправив многочисленные ошибки, существовавшие в научной литературе долгие десятилетия.

Бесконечное поле для изучения открывается перед исследователями именно через ракурс биографий преподавателей и выпускников КДА, где нет «удобных» и «неудобных» периодов, направлений в науке или деятелей, отсутствует тот «индикатор умолчания», о котором писал В. Шляпенштох [7], когда, вроде бы, и имя вернулось, но словарная статья оканчивается «по-кафкиански»: жил-жил человек, работал и вдруг внезапно, не понятно отчего, умер, да еще в 1937 г. Авторы-составители постарались раскрыть историю

через человеческие судьбы, что, безусловно, стало одной из существенных примет антропологического и гуманистического поворота в современном историческом сознании украинской гуманитаристики [4, С. 143].

Следует отметить, что двухтомная энциклопедия «Киевская духовная академия в именах: 1819–1924», издание которой посвящено 400-летию Киевской Академии, является не первой попыткой увековечить имена и судьбы воспитанников и деятелей КДА. Авторы продолжают традицию изучения жизни и творчества ее выдающихся деятелей, заложенную еще в начале XX в. историками КДА – в частности, профессором протоиереем Федором Титовым, занимавшимся подготовкой биографического словаря ее воспитанников и успевшим собрать в предреволюционные годы немало соответствующих материалов. Но замысел, реализованный в рецензируемом издании, поистине поражает и масштабами, и полнотой исполнения: наряду с бывшими студентами, ставшими впоследствии иерархами Поместных Православных Церквей, государственными деятелями, священнослужителями, преподавателями духовных и светских учебных заведений, учеными, деятелями образования и культуры и т. д., в энциклопедию включены все наиболее заметные фигуры, чья жизнь и деятельность были связаны с КДА: митрополиты Киевские и Галицкие, ректоры, инспекторы, профессорско-преподавательский состав, сотрудники.

Учитывая тот факт, что авторский коллектив энциклопедии состоял всего из 19 человек, невозможно представить тот колоссальный объем найденного и изученного исходного материала из фондов Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве, Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, Государственного архива г. Киева, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины, Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины, Центрального государственного архива общественных объединений Украины, государственных архивов Киевской, Житомирской, Черниговской, Черкасской, Одесской и др. областей Украины, архивных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы, Праги, Белграда и др.

Как отмечает М.Л. Ткачук, междисциплинарный характер исследования, осуществленного в рамках энциклопедического проекта, определил необходимость комплексного применения общенаучных и специальных (исторических, источниковедческих, герменевтических, культурологических, компаративистских и др.) методик. Реконструкция жизни и творчества преподавателей и воспитанников Киевской духовной академии и сменившей ее

в 1920–1924 гг. Киевской православной богословской академии (КПБА) осуществлялась на основе археографических, историографических, биографических, библиографических, текстологических исследований. Применялись также такие социологические методики как просопографический анализ и микроанализ, используемые для исследования жизненных стратегий личностей и малых социальных групп [4, С. 149].

Энциклопедические статьи, посвященные отдельным персоналиям, содержат биографическую и библиографическую части.

В биографической части указаны: фамилия, имя и отчество на украинском и русском языках (на русском велось обучение и делопроизводство в КДА), для иностранцев – также на родном языке; даты рождения и смерти по старому и новому (в случае необходимости) стилю; общая атрибуция личности и ее причастности к КДА; место рождения с указанием прежней и современной административной принадлежности; все ступени образования; темы защищенных выпускных сочинений и диссертаций, сведения о рецензентах и оппонентах; полученные научные степени и ученые звания; места службы или церковного служения; должности; проявления профессиональной и общественной активности; награды и знаки отличия; обстоятельства и место смерти; место захоронения и т.п. Затем представлены основные направления и результаты творчества героя статьи, отзывы современников или исследователей, общая оценка его деятельности. Как видим, биографические части статей являются весьма насыщенными и основательными.

Библиографическая часть каждой статьи содержит такие рубрики: основные произведения персонажа с точным библиографическим описанием; перечень архивных учреждений с указанием номеров фондов и дел, в которых хранятся касающиеся его документы, рукописи, переписка; опубликованные источники (официальные документы, некрологи, автобиографии, воспоминания, письма и т. п.); исследовательская литература, посвященная его жизни и творчеству. Источники, указанные в библиографической части статьи, даны с учетом хронологии.

Биографические статьи, помещенные в первом томе, предваряют предисловие ответственного редактора энциклопедии В.С. Брюховецкого [1] и обстоятельный очерк М.Л. Ткачук [5], освещающий вехи истории, научной, культурной и просветительской деятельности КДА (1819–1924), особенности ее функционирования в системе духовного образования Российской империи, внутренней жизни и традиций, академических будней и праздников и т. д. В следующей за очерком специальной вводной статье М.Л. Ткачук [6] изложены замысел и принципы издания энциклопедии.

Во втором томе наряду с биографическими статьями помещены подготовленные составителем восьми приложений – указатели канонизированных деятелей и выпускников КДА; митрополитов Киевских и Галицких, ее покровителей; ректоров и преподавателей КДА; выпускников (с 1823 г. до 1919 г.); студентов, обучавшихся в КДА в 1914–1919 гг. и КПБА в 1920–1924 гг.; епископов Православных Церквей, учившихся или преподававших в КДА и КПБА. Составленные впервые на основании специального изучения архивных документов, опубликованных официальных источников и исследовательской литературы, эти указатели содержат не только перечни уточненных фамилий, имен, отчеств, но и, в большинстве своем, краткие биографические сведения, акцентирующие внимание на принадлежности того или иного лица к определенной группе деятелей, причастных к истории КДА и формированию ее наследия. Указанные приложения содержат, несомненно, ценнейший справочный материал для исследователей в разных сферах гуманитарных и социальных наук.

Следует отметить и значительный по объему иллюстративный материал, помещенный в обоих томах энциклопедии. Наряду с уникальными, по преимуществу, фотографиями воспитанников и деятелей КДА в качестве иллюстраций использованы также фотокопии фрагментов архивных документов (опубликованы впервые), рисунки и фото XIX – начала XX вв., дающие представления о зданиях КДА, ее учебных помещениях, библиотеке, знаменитом Церковно-археологическом музее и т. д.

География мест служения выпускников свидетельствует о большой роли воспитанников Киевской духовной академии в развитии православия: реконструированы биографии более двухсот иерархов (в т. ч. предстоятелей) Поместных Православных Церквей – Антиохийской, Болгарской, Грузинской, Сербской, Румынской, Польской, Константинопольской и др.

При чтении биобиблиографических статей, помещенных в энциклопедии, по-настоящему приходит осознание Культуры, носимой и хранимой выпускниками КДА. Часть из них, став митрополитами, архиепископами, епископами, протоиереями, миссионерами, проповедниками, посвятила свою жизнь служению Церкви. Другая часть избрала жизненным поприщем служение обществу, науке, просвещению в качестве государственных деятелей, педагогов, законоучителей, богословов, философов, филологов, историков, этнографов, археологов, востоковедов, хормейстеров, композиторов, иконописцев, духовных писателей, переводчиков, публицистов, книговедов и библиографов, издателей, собирателей народных песен и т. д. И это не случайно. Историк Л. Манчестер называет несколько причин отказа

выпускников духовных учебных заведений от духовного поприща – например, прямолинейно-бескомпромиссное понимание принципов христианской этики, не совместимое с царящими в духовной среде нравами, слишком тесная связь с миром земным, возвышенно-идеалистическая настроенность, побуждавшая к служению науке, приверженность принципу свободы совести, стремление выбрать профессию на основе внутреннего убеждения [2, С. 276–280]. При этом о разрыве с сословными традициями никто не предполагал. По утверждению Л. Манчестер, реконструировавшей альтернативную культуру в среде интеллигенции на примере выходцев из клира, «духовенство... играло роль “культурного посредника” между сословиями, сглаживая колоссальный разрыв между элитой и народными массами, творя собственную культуру, которая во многих отношениях была привлекательной для представителей других социальных групп. Одни аспекты жизни духовенства сближали его с “благородным сословием”, другие – с крестьянскими массами» [там же, С. 64].

Из чтения энциклопедических статей очевидной становится и трагедия православной церкви после 1917 г., начало которой положено убийством митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского) в 1918 г. Как указывает А. Роуччи в одном из новейших исследований отношений между советской государственностью и РПЦ, «трудно со всей определенностью установить точное число жертв гонений, которым подверглась Русская православная церковь. <...> По оценкам созданной при московском Свято-Тихоновского институте рабочей группы по новомученикам русской церкви, за веру были убиты от полумиллиона до миллиона православных христиан» [3, С. 112]. Неудивительно, что на страницах энциклопедии, посвященных тем лицам, чья судьба пришлось на ранние советские годы, часто повторяются слова: «Заарештований у м. ... Засуджений Особливою Трійкою НКВС... Покарання відбував у м. ... Розстріляний. Місце поховання невідоме» («Арестован в г. ... Наказание отбывал в г. ... Осужден Особой Тройкой НКВД... Расстрелян. Место захоронения неизвестно»). География мест, в которых эти люди отбывали ссылки, тюремные и лагерные сроки, где были расстреляны, – вся большая страна Советский Союз.

Вспоминаются строки стихотворения поэта, духовной дочери последнего соборно избранного Оптинского старца, Надежды Александровны Павлович (1895–1990), посвященного «Новомученикам и исповедникам российским, от безбожников избивенным»:

Цинготные, изъеденные вшами,
Сухарь обглоданный в руке, –
Встаєте вы суровыми рядами
И в святцах русских и в моей тоске.
 Вас хоронили запросто, без гроба,
 В убогих рясах, в том, в чем шли.
 Вас хоронили наши страх и злоба
 И черный ветер северной земли.
В бараках душных, по дорогам Коми,
На пристанях, под светом и дождем,
Как люди, плакали о детях и о доме
И падали, как люди, под крестом.
 Без имени, без чуда, в смертной дрожи,
 Оставлены в последний час,
 Но судит ваша смерть, как пламень Божий,
 И осуждает нас.

В целом отметим, что результаты масштабной работы исследовательского коллектива, опубликованные в энциклопедии «Киевская духовная академия в именах: 1819–1924», немало способствуют реконструкции целостной институциональной истории КДА, приумножают и уточняют современные научные знания не только о жизни и творчестве отдельных деятелей, но и о содержании и специфике киевской духовно-академической традиции, ее месте и роли в истории православия и духовного образования. Вводя в научный оборот значительное количество архивных документов и материалов, авторы проекта существенно восполнили и источниковую базу изучения истории и наследия КДА, исследований по истории Церкви, а также просвещения и культуры XIX–XX вв.

Список литературы:

1. Брюховецкий В. С. Заповнення лакуни // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 : енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. редактор М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 6–8.

2. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
3. Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917-1958. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 582 с.
4. Ткачук М. Л. Енциклопедичний проект «Київська духовна академія в іменах (1819–1924)»: від задуму до результатів // Шлях у чотири століття. Матеріали Міжнародної наукової конференції «Ad fontes – до джерел» до 400-ї річниці заснування Києво-Могилянської академії. К.: НаУКМА, 2016. С. 142–155.
5. Ткачук М. Л. Київська духовна академія (1819–1924): сторінками історії // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 : енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. редактор М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 9–55.
6. Ткачук М. Л. Про задум і зміст цієї енциклопедії // Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 : енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. редактор М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2015. С. 56–62.
7. Шляпенштох В. Умолчание имен как индикатор авторитаризма. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2007/09/27/31803-umolchanie-imen-kak-indikator-avtoritarizma>

References:

1. Brjuhovec'kij V. S. Zapovnennja lakuni // Kiivs'ka duhovna akademija v imenah: 1819–1924 : enciklopedija: v 2 t. / uporjad. i nauk. redaktor M. L. Tkachuk; vidp. red. V. S. Brjuhovec'kij. T. 1: A–K. K.: Vid. dim «Kievo-Mogiljans'ka akademija», 2015. S. 6–8.
2. Manchester L. Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligencija i stanovlenie sovremennogo samosoznanija v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 448 s.
3. Rokkuchchi A. Stalin i patriarh: Pravoslavnaja cerkov' i sovetskaja vlast', 1917-1958. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2016. 582 s.
4. Tkachuk M. L. Enciklopedichnij proekt «Kiivs'ka duhovna akademija v imenah (1819–1924)»: vid zadumu do rezul'tativ // Shljah u chotiri stolittja. Materiali Mizhnarodnoï naukovoi konferencii «Ad fontes – do dzherel» do 400-i richnici zasnuvannja Kievo-Mogiljans'koï akademii. K.: NaUKMA, 2016. S. 142–155.

5. Tkachuk M. L. Kiïvs'ka duhovna akademija (1819–1924): storinkami istorii // Kiïvs'ka duhovna akademija v imenah: 1819–1924 : enciklopedija: v 2 t. / uporjad. i nauk. redaktor M. L. Tkachuk; vidp. red. V. S. Brjuhovec'kij. T. 1: A–K. K.: Vid. dim «Kievo-Mogiljans'ka akademija», 2015. S. 9–55.
6. Tkachuk M. L. Pro zadum i zmist cieï enciklopedii // Kiïvs'ka duhovna akademija v imenah: 1819–1924 : enciklopedija: v 2 t. / uporjad. i nauk. redaktor M. L. Tkachuk; vidp. red. V. S. Brjuhovec'kij. T. 1: A–K. K.: Vid. dim «Kievo-Mogiljans'ka akademija», 2015. S. 56–62.
7. Shljapenshtoh V. Umolchanie imen kak indikator avtoritarizma. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2007/09/27/31803-umolchanie-imen-kak-indikator-avtoritarizma>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2017
№ 5
176 с.
9,3 п.л.

ISSN 2415-7953